

Лариса ШЕВЧЕНКО

РЕКВИЕМ

12+

Лариса Шевченко

Реквием

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шевченко Л. Я.

Реквием / Л. Я. Шевченко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Шестая книга серии «Вкус жизни» – «Реквием» – о судьбах двух очень разных по характеру подруг детства. Наверное, по современным меркам счастливыми их не назовешь. (Среди героинь автора таких нашлось немного). Но это смотря что считать счастьем. Послевоенное поколение, воспитанное на преданности Родине, желающее не столько личного счастья, сколько процветания стране, находило радость в труде, радость в умении преодолевать трудности. И, наши подруги, не теряя оптимизма, боролись и с превратностями судьбы, и с тяжелыми болезнями, которые не обходили их стороной. Они гордились своей достойно прожитой жизнью и не забывали ни военных, ни трудовых подвигов своих предков. Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

СОБРАНИЕ

Происшествие

1

Кире не спалось. Она встала и в задумчивости остановилась у окна. Ночные огни города нитями Ариадны увели её мысли в прошлое. Сначала она вспоминала некоторые случаи из своего детдомовского детства, потом с огромной скоростью в её памяти заскользили события, происходившие на многочисленных за её долгую работу в НИИ собраниях. Но ясно и подробно в памяти почему-то возникло одно, Ленино, ничем не примечательное, десятилетней давности. Помнится, будучи в командировке, она заскочила к ней на денёк в гости, побывала на этом собрании в её НИИ, и потом они долго обсуждали его за вечерним чаем.

Кира опять легла и закрыла глаза. Но мысли не оставили её. Она оценивала то событие, словно бы со стороны, как посторонний наблюдатель. Вспоминались ей в основном Ленины рассуждения, преломленные в её собственном видении проблем тех лет, их размышления о жизни вообще и о судьбах конкретных людей. Почему всплыло именно это собрание? Потому что сегодня все её мысли о Лене. И «видела» она её сейчас не нынешней, а той, какой сохранила память прошлых лет.

...Елена Георгиевна устало опустилась в кресло. Зуб болит, но шеф попросил задержаться. Зыков, руководитель группы механиков и по совместительству председатель профсоюзной организации, идет по длинному коридору, открывает по очереди одну за другой двери лабораторий и оповещает:

– Все в актовый зал!

Обычно собранию предшествует заранее вывешенное объявление и бурные кулуарные обсуждения повестки дня. Сегодня будет внеочередное, экстренное. Что-то не ладится с договорами, не хватает денег на зарплату.

Елена Георгиевна идёт не спеша, потому что из бильярдной ещё доносятся шелчки, стук шаров и возгласы партнёров по игре в настольный теннис. (Студенты-практиканты не теряют время даром?) Из «курилки» слышатся взрывы хохота, а из приоткрытой двери актового зала, где в прежние времена провозглашались здравницы и воздавались почести, с шипением выползает змеиный голосок Серафимы Игнатьевны:

– Должна ли я вас понимать так, что вы таки намерены дать ход этому делу? Я держусь с ней корректно, а она попросту игнорирует меня, дает понять своё превосходство. Кстати замечу, её следовало бы наказать за опоздания. Ведет себя совершенно возмутительно.

«На редкость бдительная, но нечестная особа! – злится Елена Георгиевна, представляя себе лицо секретарши, исполненное слепой восторженной веры, обожания и готовности всё безоговорочно принять, всё исполнить. – По интонации слышу, что сегодня она настроена против меня особенно воинственно. С чего бы это?»

Елена Георгиевна входит в зал. Ей стоит большого труда удерживать на лице безразличное выражение. Иван Петрович – начальник отдела, он же шеф – касается её взглядом и бурчит предостерегающе хмуро:

– Не злоупотребляйте моим расположением. Терпение может лопнуть, и глазом не моргнёте, как испортите отношения. Не хочу показаться грубым, но вы вынуждаете меня так сказать. В делах подобного рода я обязан придерживаться определённых правил.

Елена Георгиевна, подавляя в себе инстинктивное желание взорваться, молчит, но гордым и уверенным поворотом головы красноречиво показывает своё несогласие. А секретарша улыбается противной, приклеенной улыбочкой. Для неё важно, что шеф её послушал.

«Напомнил о разделяющей нас дистанции. Положение начальника обязывает быть терпеливым, а он сразу выплеснул недовольство. Знаю, для кого старается. И где он откопал эту мымру? На какой почве они поладили? Сказать по правде, на редкость неприятная женщина! К тому же с норовом. Чем его взяла? Почему он неровно дышит к ней? Почему в своём кабинете в её присутствии его самоуверенность тает на глазах? Наверное, у каждого человека может быть маленькая слабость, но меня смущает этот его – пусть даже предполагаемый – адюльтер. Не пойму, он что, заморожен её льстивыми речами? А может, причина в его одиночестве?»

У неё, как всегда, безупречное декольте, роскошные белые крашенные волосы, вызывающая причёска, ярко наведённые губы, заученная томность в лице. Ну прямо ест шефа глазами. Молодчина – ничего тут больше не скажешь, умеет пыль в глаза пустить. А на самом деле она старая гримза, хищная, злобная, коварная мегера. К тому же вздорная, непоследовательная, бездарная, примитивная, но хитрая. И зачем она упорно продолжает втискивать себя в эти линялые джинсы и в кожаную, узорную безрукавку? В строгом костюме она смотрелась бы элегантнее.

Откуда у неё нездоровое, ненасытное, узконаправленное любопытство к личной жизни людей? И смотрит на всех вызывающе нагло. Кости моет не только женщинам, и мужчинам достаётся, а делает вид, что стоит на страже порядка на подведомственной ей территории. Как же, заместитель председателя профкома! Говорят, сплетни – способ самоутверждения. В данном случае – нет. Ей желчь свою чем-то загасить надо, вот и треплет языком. Очерняет всех сверх всякой меры, паутину раздоров плетет себе на радость. По степени удовольствия, извлекаемого ею из этого занятия, можно с достаточной степенью точности судить о его месте в жизни Серафимы.

Именно на почве лести и лжи снискала она себе «славу», именно от неё текут мутные ручейки клеветнических наветов, и вокруг неё плодятся и ширится гадюшник завистников, мелких злопыхателей и склочниц. Не знаешь, куда нырнут и откуда вынырнут такие вот неподражаемые особи. Внешне они все такие льстиво-ласковые: «Я к вашим услугам. Располагайте мной и моим временем. Всё всецело зависит только от вас». А за пазухой – мина замедленного действия.

Вот и сегодня утром Серафима получила записочку, мельком глянула в неё и даже подскочила на месте, потом, смяв бумажку, зло швырнула её в корзину. И это был верный знак того, что кому-то грядут крупные неприятности. Вероятнее всего, станет поносить чей-то образ жизни или попытается «посодействовать» тому, чтобы, затеяв баталию, забраковать чей-то проект, упорно указывая на его, с её точки зрения, слабые стороны. А может, будет мусолить недостойные политические пристрастия намеченного объекта. Насколько мне помнится, и эту грань жизни сотрудников она не обходит своим чересчур чутким вниманием, своеобразно интерпретируя их споры в курилке в угоду собственным наклонностям, хотя теперь – в этом плане – вроде бы никто не испытывает желания узнать её мнение. Не всякое лыко в строку. Какая вожжа сегодня попала ей под хвост?

Конечно, всем известно, что свинья грязь всегда отыщет, но почему именно вокруг неё копятя неблагоприятные суждения, сочиняются оговоры, заводятся ссоры? Сплетни, которые от неё разлетаются многоярусными вариациями, очень быстро становятся достоянием всего института. А как хотелось бы услышать высокие слова о прекрасных людях! Да, не переводятся любители сплетен.

И как быстро такие особи находят друг друга! Остудить бы их фантазию хотя бы немного, чтобы не портили деловую атмосферу. Инженер по ТБ называет их людьми повышенной стервозности. И что самое обидное, чуть ли не в каждом коллективе встречаются подобные экземпляры.

Серафима терроризирует всех, кого может, по понятной причине – завидует тем, кто моложе, кто удачливее. Её запала с лихвой на троих хватило бы. Эту бы энергию да в «мирных» целях. Но её недостаточно на большое и достойное дело. И как уличить её в беззастенчивой лжи? Работа для Шерлока Холмса.

Навязалась на нашу голову! Всех пытается подмять под себя, в черном теле держать и командовать. Многим изрядно подпортила репутацию своими сплетнями, некоторые семьи развела, то наизнанку, то налицо выворачивая личную жизнь каждого. Стихийное бедствие, а не женщина! И управы на неё нет. Никому связываться с Серафимой не хочется. Боятся её. Наверное, были времена, когда таких особ в приличное общество не пускали.

Меня Серафима считает дерзкой, надменной и слишком гордой, а я просто не лезу в чужие дела и судьбы и в свою душу никого не пускаю. Такая моя принципиальная позиция. Никто из её компании не переступал порога моей квартиры. Правда, это не спасало от сплетен, напротив, шансы оговоров возрастали. Ещё бы! Если женщина не замужем, сплетни приобретают особый, пикантный смысл! Но мне проще не знаться с навязчивыми сотрудниками. Ни перед кем я не собираюсь отчитываться или оправдываться, кому-то что-то доказывать.

Я давно и твердо уяснила, что люди всё равно не станут брать на себя труд выяснять, где правда, а где извращенные фантазии старой девы, просто верят – и всё тут. А не пугают меня сплетни Серафимы единственно по той причине, что нового она ничего больше не придумает, все темы уже исчерпала.

Конечно, к стыду своему, меня тоже мучает сознание своей незащищённости, но выслушивать не всегда искренние сочувствия коллег не считаю для себя нужным. Приучилась хотя бы внешне не зависеть от молвы. Сплетни для меня – непродуктивное дело. Я просто стараюсь, чтобы наши с Серафимой пути реже пересекались. Не хочу опускаться даже до разговора с ней, хотя этого избежать не всегда удается.

Парадоксальная тётка. Обольет грязью, а потом как ни в чём ни бывало подходит к этому человеку с просьбами. Некому наказать её за длинный змеиный язык. Ох уж эти мелочи жизни! Какие они бывают противные! – раздражённо думает Елена Георгиевна, подавляя в себе нарастание чувства гадливости. – Что греха таить, недолюбливаю я Серафиму и не стану этого отрицать, но всё же жалею её, хоть и не стоит она того. Такую отвратительно привередливую, взбалмошную, издёрганную стерву ещё поискать: бесцеремонная, мастер извращать любые добрые

слова и намерения. Не угодишь ей ничем. Но и в её голосе случается услышать грустный оттенок одиночества. Не клеится у неё собственная жизнь, вот и вымещает обиду на окружающих. При таком завистливом характере она в принципе не может быть счастливой. Никому такой судьбы не пожелаю. Ведь её жизнь, как ни странно, – сплошное разочарование. А шеф тоже хорош! Полагается на мнение секретаря и не считает нужным самостоятельно думать, подмечать. Что-то я сегодня ною не в меру. Устала. И нездоровится».

Мелькнул у Елены Георгиевны вихрь мыслей и исчез, не оставив в сердце следа, словно испарился. И минутная горькая отчуждённость, и отрешённость тоже сошли на нет. Привычно проглотив незаслуженный упрек (на часах ровно 17.00) – не заводиться же по всякому пустяку! – она садится около третьего окна, стараясь удобней приладиться к тёплой батарее отопления, и оглядывает зал: женщины составляют большинство. Александра с кафедры теоретической физики уже тут. Сидит с ощущением полной непринуждённости и уверенности, приходящей с годами в результате твердого осознания того, что ты всегда находишься в центре внимания студентов, которые тебя или обожают или боятся. Надя вошла с непоколебимой грацией достоинства. Серой мышкой проскочила в конец зала задерганная домашними заботами Марина.

Елена Георгиевна перевела взгляд на унылые, давно не отремонтированные стены, оскалившиеся рядами ржавых гвоздей и болтов, на местах крепления висевших здесь когда-то портретов учёных. Мельком взглянула в угол у сцены на рулоны обветшалых, линялых плакатов и схем, на обтрёпанные провода облезлых приборов, сложенных вдоль стены, на шкафы, забитые готовой к списанию аппаратурой, зияющей выпотрошенным нутром. Тихая, выматывающая тоска легла на её сердце. «Экономика в столбняке. Когда-то рекомендовалось раз в десять лет заменять все приборы новыми, более современными и совершенными или выдаваемыми за таковые.

Моему нынешнему руководству можно только посочувствовать. Как это ни прискорбно, задержка зарплаты за последние годы стала самым обычным делом. Всем приходится не сладко, но не бастуют, до этого дело не доходит. Сумеет пережить и эти неприятности. Люди не хотят добросовестно работать, на сторону глядят, подработки ищут. А может, причина гораздо глубже, чем принято считать? Рискну предположить, что это в самом деле так. Десятилетиями, веками, подневольно, за копейки, без стимула...

Много ли сейчас найдётся желающих усердно вкалывать задаром? Находятся, конечно, но редко. Раньше, при Союзе, больше было фанатично верящих в лучшее будущее. Хотя и в недавние времена только высунешься – тебя по макушке. Поддаваясь искушению добиться определенных высот, работая с присущим мне энтузиазмом и рвением, я сама многократно имела возможность в этом убедиться. И плевать было начальникам на моё справедливое возмущение.

Первый особенно запомнился. По молодости я не понимала очевидной, казалось бы, причины его недовольства моей активностью и посему постоянно попадала в немилость. Не ценил, в бараний рог сгибал, не допускал проявления инициативы. Потом закралось подозрение, что не нуждается он в деловых и энергичных, мешают они ему жить спокойно, в своё удовольствие. Хочет, чтобы хвалили только его. А «некоторые» тут высовываются без его ведома! Шоры наивности сбросила, но всё равно долго маялась. «Привычка к труду благородная» одолевала, потому и продолжала под ногами у него путаться. Никак не могла стать пассивной, хоть и поутихла немного.

А тут ещё ассистент Попов со своими неожиданными, пугающими речами: «Если бы не такие, как вы, «беззаветные труженики», давно бы мы начали строить новое общество и жили бы интереснее и богаче. Напрасно вы миритесь с таким существованием, только агонию продлеваете...». Правильно ли я тогда Попова понимала или не улавливала его иронии? К чему он тогда клонил, чего от меня хотел?.. Его уже нет с нами. И всё теперь в стране по-другому,

но пока не ясно: лучше ли? Когда-нибудь, конечно, будет лучше. А сейчас даже при самом удачном раскладе не слишком возрадуешься. Подобные мысли тяготят, но, думаю, «взойдет она, звезда пленительного счастья». Работать надо на совесть, и всё сложится.

Да, недостаточным оказался промежуток времени для того, чтобы в моей памяти терлись мрачные краски воспоминаний о работе с прежним начальником. К счастью, заметил мои старания Иван Петрович. Без малого пятнадцать лет прошло с тех пор, как перешла в его отдел. Ожила. Мне грех жаловаться – в смысле работы, а не денег, конечно. Не ко времени мои рассуждения», – меланхолично думает Елена Георгиевна, глядя в окно.

А там противоречивый безрадостный ноябрь. На фоне серого неба одиноко торчит стрела башенного крана. (И в прошлое собрание торчала.) Мелкий дождь рисует на стекле кривой штриховкой однообразный рисунок. В другом окне возвышается на пригорке желто-белая свеча колокольни без колокола, чуть ниже сквозь мглу дождя просматривается серый, наверное, когда-то золоченый купол старинного собора...

Из задумчивости Елену Георгиевну вывел громкий шёпот справа:

– Серафима опять куралесит, зараза, внаглую обрушилась на меня, инкриминирует неуважение к начальству, будто бочку на него качу. Она вменяет мне в вину...

Говорящие перешли на тихий шёпот:

– С шефом ты и правда разговариваешь неподобающим образом, на равных.

– А он слишком покровительственным тоном, да ещё изображает улыбку, которая наносит ущерб моему достоинству.

– Его положение обязывает.

– Серафима меня льстить ему вынуждает!

– Начальники не ищут льстецов, они сами всегда рядом в боевой готовности. Зря ты выставляешь на показ своё неуважительное отношение к руководству. Не то время, чтобы выкобениваться. Вылетишь, где работу найдешь? Лучше бы занялся наведением мостов.

– Я для себя уже всё решил.

– Молод ты ещё и потому глуп. Опять вытворяешь черт знает что. Тебе бы научиться видеть себя со стороны, в настоящем свете оценивать свои недостатки, а ты ропщешь.

«Без реплик Инны ни одна персона со сцены не уйдет. В каждой бочке затычка. Вот уж кого с полным основанием можно считать болтливой! Непоседа, не упускает случая с кем-то перемигнуться и переброситься фразами за моей спиной. Хлебом не корми – только дай поговорить. «Вынь да положь» ей по любому поводу правду, и немедленно. Следовало бы её приструнить, но работает прекрасно, не в пример многим, – как всегда в таких случаях, стыдясь своей слабости, вяло думает Елена Георгиевна, узнав голос Инны, и уголки её пухлых губ против воли брезгливо изгибаются. – И вот так каждый раз. Не удаётся мне избавиться от чувства неловкости за поведение подруги детства».

– Начнём! – басит Иван Петрович, деловито пробежав глазами по залу и затем по листку бумаги с повесткой дня. Его лицо, исполненное красноречивой убедительности, сразу принимает официальное выражение. – А где Шаров? Почему не соизволил явиться? Игнорирует собрание?

– Сослался на головную боль, – с торопливой готовностью докладывает секретарь.

– Час от часу не легче. Такую причину отсутствия на собрании можно принять с большой натяжкой. Придётся его вопрос снять с повестки дня, – насупился Иван Петрович и продолжил с приличествующей данному случаю торжественной медлительностью:

– Товарищи, опущу длинное предисловие и сразу перейду к сути. С какой стороны ни глянь, нескладное у нас положение с договором номер четырнадцать. Мы столкнулись с очевидной несурзностью, недостойной нашего института.

В этом месте Иван Петрович сделал паузу, чтобы посмотреть реакцию зала. Уже по первой фразе его выступления Елена Георгиевна уяснила, о чём пойдет речь на собрании, и сосредоточилась. Она поняла, что именно из-за этого договора разгорятся сегодня особенно жаркие споры, он станет камнем преткновения, и что руководителю темы Ивонову предстоит трудное объяснение с коллективом.

– И с моим тридцать шестым дело обстоит далеко не блестяще, а поскольку он имеет достаточно радужные денежные перспективы – его светлая изнанка, – может, имеет смысл сначала поговорить о нём? – с места возник Супонин, начальник технологической лаборатории. Потом повернул к Елене Георгиевне своё маловыразительное лицо и опасно впился в неё глазами.

Он не без основания полагал, что давнее соперничество между ними по-прежнему сохраняется, потому что чаша победы так и не склонилась ни к одному из них. Серьёзные размолвки в их производственных отношениях не случались, но оба не упускали возможности «взять быка за рога» и обратить благоприятные обстоятельства на пользу людям из своей группы, оба всегда тщательно планировали и взвешивали каждый свой шаг, предпринимаемый в нужном направлении.

– Носится со своей темой как собака с обглоданной костью, будто у него одного проблемы. Я могу на что угодно поспорить: выставляется, цену себе набивает, – с поразительным энтузиазмом отзывается Инна и оглядывает членов своей группы с видом человека, удовлетворившего своё самое главное желание. Не будет преувеличением сказать, что в глазах Инны светится такая радость, что можно подумать, будто ничего плохого в её жизни не происходило: не случались утраты доверия к миру, не возникало злых манипуляций, игравших её судьбой.

Она снова открывает рот, но предостерегающий жест Елены Георгиевны, руководителя группы, останавливает поток её слов, уже готовых вырваться наружу. Повинуясь деликатному намёку начальницы, Инна опускает глаза к полу.

Елена Георгиевна всем своим видом показывает Инне, что ужасно устала от её комментариев. Она хочет возразить или сделать замечание, вроде того: «У тебя талант совать нос в чужие дела», но только удрученно качает головой. А глаза её говорят: «Надеюсь, ты понимаешь, что причиняешь мне неудобства?»

А её неугомонная своенравная подруга, несмотря на запрет, считает своим неизменным долгом по любому поводу и с очевидным восторгом вслух отпускать выступающим шпильки. Ей не терпится с места поделиться с кем-либо (совершенно безразлично с кем) личными соображениями, подрывая такой невоздержанностью авторитет своего руководителя.

И заскользили сердитые мысли: «Слова не достигают цели. Пропускает она мои возражения мимо ушей. А наказывать её рублем – верное средство! – не хочется исключительно потому, что трудолюбивая и на редкость исполнительная особа. Когда припечет, выкладывается на все сто. И если уж быть до конца последовательной, то надо признать, что благоразумная, рассудительная, правда, временами надоедливая и чуточку вульгарная, но дружелюбная. Она оказывает всяческое содействие в различных сферах деятельности группы, при необходимости может на короткое время подменить любого, потому что давно созрела как самостоятельная единица.

Несмотря на то, что время искреннего энтузиазма уже ушло, работает не за страх, а за совесть. Свое философское отношение к трудностям формулирует шутливо – «была бы шея, а хомут всегда найдется».

Конечно, Инне доставляет удовольствие считать себя незаменимой, иногда нарочно перечить и делать всё на свой лад. Настырная и горластая не в меру. Нельзя её винить и в том, что, возможно, сама того не замечая, она стремится воспользоваться моим расположением. Это ещё

одна её маленькая слабость. Но следует иметь в виду и тот факт, что зная нетерпимое отношение к любой попытке вторжения в мою личную жизнь, она чётко соблюдает наложенное табу.

Она стала, если можно так выразиться, «своим парнем» в отделе и это придаёт ей какой-то невероятно положительный статус. В работе с клиентами зубастая, речистая: если надо – облает, если потребуется – успокоит. Казалось бы, когда кровь закипает, удержу ей не будет, но нет, вовремя себя стреноживает. В любом случае за неё всегда можно быть спокойной.

Как шеф о ней высказался, когда после испытательного срока брал её на работу? «... Прекрасно играет роль. Наверное, такое простодушное выражение лица нередко позволяет обводить вокруг пальца людей, считающих её наивной. Вопреки ожиданиям, не глупая, но никаких самостоятельных крупных шагов предпринимать не станет. Как большинство женщин, что угодно поймёт, выучит, полагаясь только на интуицию, ловко, даже изобретательно применит на практике, но как бы то ни было, нового ей никогда не открыть и не создать. К тому же она слишком занята частными проблемами, чтобы углубляться в глобальные вопросы. (На что он намекал?) И всё же что-нибудь мало-мальски стоящее из неё выйдет, потому что труженица». После всего лишь одной беседы с Инной шеф дал ей очень даже точную характеристику.

Какова причина возникновения «гнилой изюминки» в её характере? Была юная, красивая. Влюбилась. Обольстил её эффектный сорокалетний ловелас. Ох уж эта наша слепая самоуверенность юности, как она ломает жизни неплохих в принципе девчонок! Их авантюрный роман закончился, а в больнице бедняжке сообщили, что детей больше не будет. Все дальнейшие замужества из-за этого заканчивались разводом. Упрямая статистика неумолимо сообщает, что если в семье нет детей по вине жены – супруги чаще всего расходятся, а если муж тому причиной, то берут ребенка из детского дома или живут только для себя. Сейчас Инна одинокая, ещё привлекательная, но время работает против неё. Налицо (и на лице) явные признаки надвигающегося «среднего возраста». Живёт прошлым. Цинично относится к мужчинам.

И семейный человек порой нуждается в прекрасных мечтах-фантазиях. А ей фантазий мало. Да, это от скуки она такая въедливая и прилипчивая. Нет своих интересов, вот и живёт чужими. Здесь кроется объяснение. Все по-разному проявляют себя в одиночестве. И мама постоянно вмешивалась в мою жизнь, всё как лучше хотела».

Елена Георгиевна тяжело вздыхает, её сердце сжимается от тоски. И она снова мыслями «возвращается» на собрание.

То, что Супонин прервал начальника, само по себе неслыханное нарушение этикета. Иван Петрович привык к тому, чтобы всё было обставлено в полном соответствии с порядком, заведённым им много лет назад. Естественно, последовала его незамедлительная реакция.

– Смелое, но несвоевременное выступление. Вы забыли общеизвестные истины или вообще не имеете ни малейшего понятия о нормах поведения? Этому необдуманному шагу предшествовала существенная причина? У вас есть серьёзное объяснение этому факту? Нет? Тогда откуда это своеволие, эта бестактность? Кто кому здесь отдаёт распоряжения? Я не намерен ради вашей пустой прихоти ломать план работы собрания. Будем придерживаться хронологической последовательности, намеченной в повестке дня. Предоставьте мне решать, что обсуждать в первую очередь! Это моя прямая обязанность. Я достаточно определённо высказался? И вообще, я не вижу смысла выносить ваш вопрос на собрание. Разве случилось что-нибудь непредвиденное? Рад буду выслушать любое ваше объяснение приватно, – неприятно отрезает Иван Петрович Супонину и удовлетворённо и в то же время выжидающе смотрит на инженера.

Возражений при свидетелях шеф не терпит (старая закалка), если только в шутливой форме, и то только от избранных. Не позволяет он отбирать у себя трибуну, ревностно оберегает свой авторитет. Поэтому в подкрепление своих слов он делает в сторону невоспитанного

инженера раздражительный жест, свидетельствующий об отказе более решительно, чем смог выразить его достаточно красноречивый язык.

Супонин молчит, признает власть.

«Хороший руководитель в разговоре с подчинёнными не должен переходить на личности, тем более прилюдно», – отмечает про себя Елена Георгиевна.

– Товарищи, довожу до вашего сведения, – начинает Иван Петрович подчеркнуто официально, – ...собственно говоря, позвольте мне сказать несколько слов относительно странного, непредсказуемого, из ряда вон выходящего поведения нашего коллеги Ивонова и выразить в его адрес некоторые критические замечания, непосредственно касающиеся его работы.

Иван Петрович резко поворачивается в сторону виновного и бурлит его сердитым взглядом.

– У вас, любезный, не договор, а форменные джунгли, тарабарщина какая-то. Как получилось, что вы запустили проект, растянули его исполнение на недопустимо большой срок? Ваньку валяли! Мне неведомы причины столь позорной небрежности. Там ещё непечатый край работы. У вас сто процентов провальная тема! Чем вы объясните такую проволочку, чем оправдаетесь? Что вы сможете предъявить нам в конце года? Может, у вас есть иные свидетельства и доказательства? – обрушивает свой гнев Иван Петрович на руководителя злополучного договора. – Вы изучили тему во всех подробностях? Где логически связанное повествование в изложении пунктов технического задания? По мере того, как я вникал в него и подвергал тщательному исследованию, я пришел к заключению, что даже стилистика отчета оставляет желать лучшего. Вернее, она не выдерживает никакой критики.

В данный момент я не берусь утверждать, что вы в безвыходном положении. Может, я ошибаюсь и виноваты существующие между нами некоторые разночтения? Что на вас нашло? У вас что-то в семье стряслось? Нет? Тогда это возмутительная, ничем не оправданная безответственность! Деньги благополучно растаяли, а где дело? Оно ни с места. Рукав жуёте? Расхлёбывай теперь за вас.

Хотите, чтобы вмешалась и дозналась прокуратура? Уж она-то разберется! И с нами, само собой, разумеется. А с прокуратурой шутки плохи. Вы представляете, какая участь ждет вас? Не сбрасывайте со счетов и то, что вы, прежде всего, подводите меня. Я поручился за вас. Если вдруг что – моя голова полетит первой. Я должен разобраться в этом деле, чего бы мне это ни стоило. Чем вы можете объяснить такое положение вещей? На вас нельзя положиться?

– Кто бы сомневался! А всё из-за неадекватной оценки своих способностей. – Это Инна осторожно «выстреливает» в адрес обвиняемого одиночным пробным зарядом.

– Многообещающее начало. Шеф пошел в наступление, с места в карьер понёс! – Теперь она тихим шёпотом бросает реплику в адрес Ивана Петровича и с гордым удовлетворением глядит на сидящую рядом лаборантку Лилю.

– Я располагаю если не прямыми доказательствами, то, по крайней мере, косвенными, но вескими, и подозреваю, что вы совершили подлог, изменили условия ТЗ (*техническое задание*). Факт вопиющий! Попробуйте, насколько возможно, опровергнуть меня. Это глупая выходка или невероятная, неслыханная дерзость? Вы имели целью ввести в заблуждение заказчика или меня? Вы забыли, что утверждённое обеими сторонами ТЗ не подлежит одностороннему пересмотру. Оговоренные условия должны быть выполнены точно и в срок, в противном случае мы лишаемся зарплаты. Наше положение в этом плане и так незавидное, а по вашей вине может сделаться просто невыносимым.

Иван Петрович сердито повел могучими плечами и продолжил сбивчивый обвинительный монолог, больше похожий на попытку защитить бестолкового сотруdnика.

– Может быть, правила писаны не для вас? А вдруг заказчик поднимет невообразимую шумиху или задним числом, подобно вам, начнёт утверждать, что его мнение на счет ТЗ расходится с нашим? Да мало ли что может придумать, наговорить, предпринять.

Опрометчиво вы поступили, поставили нас перед клиентом в глупейшее положение, почву из-под ног выбили. Ввернул бы я сейчас крепкое слово в ваш адрес, да присутствие женщин не позволяет. Я, признаться, не ожидал от вас такого, вы всегда производили впечатление серьёзного человека. Значит, я приписал вам качества, которыми вы не обладаете.

Вы не созрели быть руководителем даже малого звена. Не зря говорят, что если человек не меняется в лучшую сторону, значит, его повысили до уровня его некомпетентности.

Я хотел сначала поделиться своими опасениями с директором института, что я имею обыкновение делать, но счел уместным предварить свой визит к нему обсуждением вашего поведения в коллективе. Чтобы другим неповадно было.

Извольте объяснить, как могло случиться, что вы до сих пор не сделали ни малейшей попытки обосновать свои действия и принять меры по устранению последствий своего необдуманного шага?

Чего вы добивались своим молчанием? Что побудило вас солгать? Будьте так добры сообщить нам, кто вас подстрекал к этому? Почему я должен подталкивать вас вопросами? Не томите мне душу, рассказывайте.

«Умный человек, когда дело касается технологии, но стоит ему заговорить...» – кривит губы Инна, всеми силами сдерживая желание вслух высказать своё недовольство.

– Ионов, вы осознаёте положение, в котором оказались? Что это – случайность или ваша некомпетентность? Я полагаю, что только очень уж необычайное стечение обстоятельств могло толкнуть вас на такой шаг. Обрисуйте нам истинную ситуацию, восстановите картину событий. Пожалуйста на ковёр! – возвышает голос Иван Петрович, демонстрируя свою власть.

Он ещё долго нанизывает гневные фразы, а Елена Георгиевна беззлобно усмехается про себя, непроизвольно постукивая при этом по крышке стола кончиками длинных нервных пальцев: «До чего же в нём чувствуется прирожденный наставник! И эти краткие чёткие повторы одной и той же мысли с легким привкусом однообразия тоже выдают в нём педагога. Методично вдалбливает.

Шумит, пар выпускает. Чересчур резко обрушился шеф, рано вышел из себя. Смотри-ка, удила закусил. А ведь за ним прочно укрепилась репутация добряка, хотя он волен делать всё, что ему заблагорассудится. Права теперь такие руководителю даны: хочу – казню, хочу – помилию. Видно, достал его Ионов, капитально испортил настроение. Но шеф не ищет на ком сорвать гнев, а долго и добросовестно распространяется о побочных обстоятельствах, имеющих очень отдалённое отношение к обсуждаемой теме, чтобы убаюкать себя. Выговаривается, выплёскивает раздражение на пустяках. Пытается таким способом вернуть себе душевное равновесие. А может, ещё и вчерашний звонок из Москвы раскрутил ему нервы?»

– Пошумит, пошумит да на том и успокоится. Но какие кружева плетёт! Страдает неумеренным словоизвержением, – тихо в пространство бурчит Инна, нисколько не заботясь о последствиях своих слов.

«Иван Петрович слабый руководитель? Далеко не идеальный, тем более для этой жизни. Мы с ним в этом плане схожи. Но человеческие качества перебивают его недостатки как администратора и, может, даже в чём-то компенсируют, – автоматически оценивает Елена Георгиевна своего шефа.

На «лобное» место – рядом с обшарпанной кафедрой – выходит пристыженный, красный, вспотевший Ионов. Это огромный тридцатилетний мужчина, водоизмещением не менее ста сорока килограммов, круглолицый, черноволосый. Правда, количество волос на его голове уже приближается к стадии полного исчезновения. Стоит грузно, расставив ноги, глаза потупил, на губах неуверенная оборонительная улыбка. (Зевота одолевает смотреть на него.) Мялся, мялся, наконец заговорил:

– Не знаю, право, что и сказать. Я ничего не имею против ваших замечаний. По-видимому, здесь уместно будет заявить, что нескладно как-то всё у меня вышло. Перемудрил, недооценил сложности проекта, хоть изучил его от корки до корки, попал в затруднительное положение и сделал то, что считал единственно возможным, чтобы предотвратить чрезвычайно неблагоприятное, прямо-таки угрожающее развитие событий с моим проектом. Моё поведение продиктовано инстинктивным стремлением спасти договор.

Войдите в моё положение. Я считал этот шаг в сложившихся обстоятельствах благоразумным, думал, что в этом есть необходимость. Тогда эта идея не казалась мне такой уж абсурдной. Она имела даже некоторое преимущество перед другими. Я решил, что взял инициативу в свои руки, а тут случилось непредвиденное, и я растерялся.

Я места себе не находил. Я не то чтобы не сознавал, что делаю... внутренний голос, к стыду моему, подбивал на авантюру. Я не без долгих колебаний принимал решение. У любой идеи должны быть ноги, сама она не пробьется, но не туда я направил свои стопы.

Потом возникли новые обстоятельства. И оказалось, что уладить их не так легко, как я предполагал. Не стоит доискиваться до глубинных подспудных причин, выкапывать криминал – хотя некоторые могут придерживаться иной точки зрения, – всему виной, очевидно, всё-таки то, что я не сумел противостоять соблазну самостоятельно и быстро решить все проблемы, повёл себя, как последний недоумок. (Иногда полезно поругать себя!) Не смог я найти правильный путь. Раз за разом пытался снизить градус ситуации, но всё без особого успеха. Поздно убедился, что мои ухищрения ни к чему хорошему не приведут, что ожидаемого чуда не произойдет.

Втайне я полагал, что пронесёт, что выкручусь, не привлекая к себе особого внимания, что мой подлог в дальнейшем утонет в ворохе отчётных бумаг, а там, глядишь, удастся пересмотреть исходное соглашение. Правда, эта идея быстро потеряла для меня привлекательность. Здесь также уместно сказать, что других ввязывать я не хотел. А когда уверенность улетучилась, не решался признаться, хотя с трудом сдерживал паническое настроение. Я намеревался оповестить вас о своих затруднениях. Ну а теперь вот... руки опускаются от безысходности.

Буду краток: примите во внимание, что я сумел не отойти от тематики. Я предполагал только пользу... и, скажем так: есть у меня некоторые недостатки, но я без всякого умысла... Зло в любых формах претит мне. Понимаю, пока не поздно, надо исправлять ошибку. Надеюсь, ещё не всё потеряно, – невесело и неуверенно подбил неутешительный итог Ивонов и, тяжело переминаясь с ноги на ногу, стыдливо демонстрируя свой провал, безнадежно поник головой.

«Надо же, подтвердились слухи о подлоге. Так, стало быть, всё это правда. Я располагала лишь самыми приблизительными сведениями, у меня не было уверенности в правоте слов Инны, и я решила, что всё это напрасная хула. Вот так дела! Не придумал ничего лучшего, как пойти на обман! Этот факт не делает Ивонову чести, – про себя отметила Елена Георгиевна. – А дознание не принесло результата. Так-таки ничего путного и не сказал. Я ничего не поняла, кроме разве что одного: Ивонов виноват и сам это признает».

Иван Петрович тем временем разразился новым потоком грозных слов:

– Не забывайте, по вашей милости мы сегодня здесь заседаем! На карту поставлен наш профессиональный престиж. Не можете обосновать свои притязания на дополнительные расходы и потребовать у заказчика новых финансовых вливаний? Со слезами не ко мне. Не грузите меня своими оправданиями, о деле говорите. Не в ваших интересах молчать. Я жду от вас простое наглядное и убедительное объяснение вашим позорным действиям, а также хочу услышать мнение о способах разрешения возможных конфликтов с заказчиками.

Да, подсуропили вы, Ивонов, всем нам. Вы отдаёте себе отчет в том, что подмочили репутацию нашему отделу? А он и так дышит на ладан, у нас и других неприятностей через край. Ещё один важный момент не упустите: конкуренты на пятки наступают. А если не удастся избежать осложнений? Как нам теперь заставить заказчиков утвердиться в уверенности, что

мы ведём честную игру? А мы обязаны дать им чувство сравнительного спокойствия – по теперешним временам это немаловажно – а из-за вас мы находимся в подвешенном состоянии, – продолжал разнос шеф.

Иван Петрович никак не мог успокоиться. Ему было бы намного проще, если бы известие о подлоге настигло его вчера вечером. За ночь он успел бы переболеть неприятностью, продумать все варианты своего поведения. Он не любил скоропалительных решений. А тут как снег в июне... час назад ошарашил его заместитель. И Серафима подлила масла в огонь.

«Отчего шеф так многоречив? Помнится, ещё в детстве дрова ли колю, в огороде ли работаю или по дому вожусь – часами могла «перемалывать» в голове свои проблемы и обиды. И всё по кругу, по кругу... Но не вслух, не на публику», – вспомнила Елена Георгиевна.

Фразы Иван Петрович произносил всё резче, всё отрывистей и непримиримей. Он входил в форму, он набирал силы.

– Не юлите, скажите прямо: прибегнул к подделке, обманул, зашёл слишком далеко. Задали вы мне работы! Ведь и в самом деле, от того, как мы строим отношения с окружающими, возникают наши сознательные, а чаще всего бессознательные действия – от сострадания до предательства. А как вы интерпретируете наше взаимодействие, как созидательное? Тогда попробуйте отстоять свою точку зрения. Смоделируйте ситуацию.

К тому же потрудитесь ответить: откуда у вас иллюзия или непробиваемая убеждённости в безнаказанности? Может, именно она помешала вам задуматься о последствиях совершаемого проступка? Говорят, что новое старыми мерками не меряют, но зарубите себе на носу: порядочность должна остаться и в нашей новой, перестроечной жизни. Любые понятия со временем трансформируются, но отречься от всего положительного, что было при Союзе, нельзя. Это моё глубокое убеждение, – наставительно закончил Иван Петрович.

Он достал из обширного внутреннего кармана куртки большой клетчатый платок и отёр им потное лицо. Видно, нелегко дался ему обвинительный монолог.

Услышав жёсткую отповедь, Ионов – посрамлённый и униженный – совсем сник и, торопясь поскорее завершить неприятное обсуждение, коротко и скорбно побормотал:

– Признаю, виноват. Были минуты, когда я хотел уйти из института, но не смог. Прирос, привык, полюбил коллектив.

А сам подавленно подумал: «Уж больно пренебрежительно обошёлся со мной шеф, словно стремился доказать моё полнейшее ничтожество. Даже делал обидные намёки. Что это должно означать? Не избежать мне наказания? Так или иначе, но чувствую я себя прескверно. А если до отца слух дойдет? От раздражения шеф не владеет собой или, изливая свои чувства, играет на публику? Двусмысленное всегда прячется в деталях. А я от волнения лишился дара речи, мямлил, дураком себя выставил».

– Взвездил ИONOва шеф. Смотрите, присмирел, выслушал обвинения со спокойствием приговорённого к смерти. Слезу чуть не пустил! Как вы, конечно, догадываетесь, по большому счёту Ионов далеко не гигант мысли. Не светит бедняге быть крупным руководителем. Нельзя ему доверить принятие решений в чрезвычайных ситуациях. Поставленный перед выбором, он теряется. Такое с ним случается сплошь и рядом, а это небезопасно. К тому же не умеет подчинять себя жёсткой необходимости. Сам может «выплывать» только благодаря невероятно счастливым обстоятельствам. А в этом конкретном случае он преследовал только личные цели, на группу ему было наплевать, – не без злорадства, тихо, так, чтобы её могла слышать только Елена Георгиевна, поделилась своим мнением Инна.

Всё это она выпалила одним духом, явно довольная возможностью продемонстрировать свою логику.

– Не твои же цели, – с быстрой усмешкой, означавшей несогласие, шёпотом откликнулась Елена Георгиевна.

– Я говорю об общественных, – обиженноотреагировала подруга. – Придёт же вам, в самом деле, такое в голову.

«Молодец, прилюдно «выкаты» не забывает», – удовлетворённо подумала Елена Георгиевна и строго уточнила:

– А я сейчас думаю об Ивонове, об индивидуальной ответственности, которая никогда себя не исчерпает.

– Эх, молодёжь пошла! – ударился Иван Петрович теперь уже в лирическое отступление. – В толк не возьму, почему я должен всё перепроверять? То указание не выполнят, то недостаточную профессиональную ответственность проявят и поставят под удар работу всей организации, а у нашего отдела и так шаткое положение. Ивонов, ваш проступок затмевает ваши прошлые заслуги и причиняет моральное и материальное неудобство не только вам. Вы понятия не имеете о чувстве локтя, о чувстве коллективизма.

«Старые мотивы сгодились. Велика инерция советского мышления», – усмехается про себя Елена Георгиевна.

– Я угораю! Не верю собственным ушам. Всё-таки грешит наш шеф непростительной болтливостью. (*На себя оборотись!*) Мастер заливать. Опять впал в неуместное красноречие. Чем на этот раз запудрит нам мозги, что втюхает? – закатив глаза к потолку, шёпотом возмущается Инна.

А Иван Петрович вдохновенно продолжает монолог:

– Нет теперь розового оптимизма шестидесятых, а в памяти остались идейное единение людей, их моральная чистота, чувство надёжности, стабильности. Я, конечно, не затрагиваю глобальных государственных проблем, с точки зрения среднего обывателя говорю: шестидесятые были и остаются в наших сердцах.

– Иван Петрович ностальгирует по Союзу, на лирику его потянуло, – неодобрительно шепчет Инна, склонив голову к уху Елены Георгиевны. – Не перестаёт всматриваться в своё прошлое и выискивать положительное. В трудные дни мысли шефа всегда возвращаются к тем временам, когда он был молод, успешен и счастлив. Хотя это как раз я могу понять. Все мы жили с чувством глубокой веры в социализм.

– В полной мере твоё замечание применимо и ко мне, – вздыхая, кивает Елена Георгиевна.

Иван Петрович повышает голос:

– Какие теперь идеалы? Машина, жена с фигурой, породистая собака, дом с бассейном и фонтаном – и всё?! Где они, истинные ценности, выверенные веками? Представление о чести быстро поменялось. Некоторые производители товаров, возможно, и могут позволить себе сбавить халтуру не очень притязательному заказчику или незатейливому потребителю местного разлива, но у нас НАУКА! Об этом нельзя забывать, товарищи. И никто не заставит нас уважать откровенную подделку.

Раньше за идею работали лучше, чем теперь за деньги. (Хотя какие там были зарплаты!) От прекрасной мечты словно крылья выросли. Для интеллигенции материальные блага не были определяющими, главное – сколько ты успеешь сделать людям добра, сколь близко сможешь приблизиться к истине. Какой полёт, какая радость были от удачно содеянного! Ушло это от нас. Всё делаем на бегу, нет сочувствия, нет сострадания к человеку. То было время, в котором нормально жилось и доверчивым идеалистам, и фанатам коммунизма, потому что это была их родная среда.

Сейчас происходят тектонические, не всегда правильные сдвиги в головах людей даже старшего и среднего возраста. Следуя логике прошлых лет, нам трудно связать воедино всё свалившееся на нас многообразие. Всё в стране происходит по прихоти кучки олигархов. Прут

на нас, а трактор хворостиной не остановишь. Будь он трижды неладен, этот капитализм! Такой вот поворот-водоворот!

Нас учили, что если хочешь, чтобы с тобой считались – иди в ногу со временем. Вот поэтому, раз невозможно качнуть весы в другую сторону, нам требуется тотальная, глубинная перестройка собственного мировоззрения. Лихие девяностые прошли, пора серьёзно задуматься о будущем нашей страны и о себе. Мы же понимаем, что ничего чудесным образом само не изменится, тем более что рост температуры социального недовольства ещё не прекратился. И так как нас не привлекает перспектива оказаться за бортом жизни, решение напрашивается само собой: надо учиться думать и работать на опережение, иначе останемся на задворках истории. Согласитесь, я прав? И всё-таки на нашу долю выпало богатое событиями интереснейшее время!

Он мельком взглянул на Елену Георгиевну и еле заметно улыбнулся. Искал её одобрения и поддержки.

– Хорошо поёт. Разыгрывает перед нами маленький спектакль или от души говорит? – вслух, но очень тихо засомневалась Инна, вслушиваясь в слова шефа.

– Каждая эпоха выводит своих героев, – попытался подсказать Ивонов дальнейшее направление разговора и, не дождавшись приглашения, тяжело опустился на стул, сердито скрипнувший под ним.

Ивонов знает: чем больше горьких слов выплеснет шеф на «общие темы», тем меньше оплеух полетит конкретно в его адрес.

– Капитализм у нас, да только не настоящий, имитация его. Это, я вам скажу, не одно и то же, – подхватывает Иван Петрович.

– И жизнь наша – имитация, – сладким голосом подпела шефу Серафима Игнатьевна и посмотрела на него счастливыми глазами.

– Есть или была? – внимательно уточняет Иван Петрович.

– И есть, и была, – грустно выражает своё мнение обруганный Ивонов, тем самым давая шефу возможность продолжать высказываться и спорить.

В приоткрытую дверь зала заглянул запыхавшийся вахтер.

– Иван Петрович, зайдите, пожалуйста, в кабинет. Москва на проводе. Срочно, – доложил он.

2

Шеф с заместителем проследовали в кабинет. Но разговоры, шёпотом начатые в зале, не затихли, а перешли в громкую фазу.

– Если мне не изменяет память, в Париже не скажешь по внешнему виду, богатый человек идёт или нет, а у нас жуткое расслоение, пугающая разница, – осторожно произнёс грустный, нелепый, исковерканный долгим приспособленчеством инженер Белков из группы Ивонова. Высказался и трусливо замолчал.

– Можно подумать, во Франции бывал. А может, и в Америке? – ехидно фыркнул другой инженер, Власьев Борис, который был намного моложе Белкова. – Что с вами? Накатило?

Белков недоумённо заморгал, пожал плечами и отреагировал на неожиданный выпад коллеги смущённым смешком.

– Нарвались на грубость? Досталось, разделал вас Борис под орех! Выпад получился отменный. Сказал, будто по спине огрел. Молодежь и раньше не всегда была снисходительна к старикам, а теперь в особенности. Норовит нанести удар по чувству собственного достоинства и даже испытывает стыдливое удовлетворение, узнав о неудаче соперника. А некоторые и нестыдливое – не постесняются воспользоваться затруднительным положением соседа, друга,

даже родственника, не ощущая при этом ни малейших угрызений совести. Не стану ехидничать, хлеб у Бориса отбирать.

Мы, старшее поколение, не принадлежим к подобной категории людей. Мы всегда стремились облегчить участь ближнего. Нас не прельщала, даже пугала такая перспектива развития взаимоотношений между поколениями, – со знанием дела внесла свою пространную лепту в разговор мужчин Инна. Не упустила случая вставить своё слово. Но на Елену Георгиевну всё же украдкой посмотрела.

И неясно было: сочувствует ли она Белкову или просто в силу привычки вклинилась в разговор и комментирует услышанное. Она и сама не определилась. Ни следа неловкости, ни жалости на её лице в эту минуту, только привычная, чуть ехидная спокойная ирония как результат многотрудного жизненного опыта, добавляющего морщинки на её подвижной, достаточно привлекательной физиономии.

Инна Григорьевна весьма сдержанно относилась к Белкову, с умеренным отвращением. Не одобряла за то, что его слова редко превращались в дела, про себя обзывала его «чертов старпёр», с таким же предубеждением относилась и к его инженерным способностям. Её раздражала его манера втягивать голову в плечи, привычка смотреть искоса, будто исподтишка задумывая гадость. Часто ловила себя на мысли, что в нём не было ничего исключительного, примечательного, а главное, в нём не наблюдалось так любимой ею в мужчинах русской широты. Скучен он был, неинтересен, если не сказать больше: безжизненный, весьма посредственный субъект. И лицо его постоянно напоминало ей физиономию человека, застигнутого врасплох за каким-нибудь непристойным занятием. Не сказать, чтобы она питала к нему жуткое отвращение или совершенно не выносила его, нет, конечно, только отзывалась о нём всегда не особенно одобрительно, хоть и не зло, и в её голосе при этом часто прорывалась брезгливость. Но своего мнения она никому не навязывала.

Инна потеряла к Белкову интерес и, подавляя в себе медленно нарастающее желание обрушить на него целый шквал оскорблений, отвернулась от коллеги.

– Ну и ляпнул, сказал, что плюнул. Это у вас в порядке вещей? На вашем месте я бы помалкивал в тряпочку. Париж ему снится! Свою жизнь здесь бы разгрести. Сейчас требуются доказательства на право существования, – тоном, исполненным грубого негодования, едко произнес совсем молодой, с недоверчивым взглядом инженер Зарубин.

Его оскорбительно насмешливые серые глаза в этот момент смотрели с вызовом. Своим вихрастым чубом и бойцовской стойкой он напоминал раздражённого петуха.

– Я со своей стороны, не стесняясь, скажу: если вы не сумели проявить себя в Союзе, так сейчас докажите свою состоятельность. Вы теперь, как говорится, – хозяин положения. Не просиживайте штаны, не фантазируйте и попусту не раздражайте присутствующих. Боритесь не на живот, а на смерть, как того требуют законы капитализма. Нам, молодым, пример покажите, – с неприязненной насмешкой добавил Зарубин.

Белков негодуя обернулся к нему.

– Я ничего, как вы выразились, не фантазирую. «Поучайте лучше ваших паучат»! Позволю себе поставить вас в известность, что Остапа Бендера из меня не выйдет. Я – слишком социалистический. К тому же я считаю, что балансирование на острие ножа не может продолжаться бесконечно долго. А если так, то страна наша катится в преисподнюю – вот как обстоят дела. И если уж говорить о перспективах, то я бы предположил в ближайшем будущем одни лишь сложные проблемы и провалы.

У меня давно росло и множилось в душе предощущение больших перемен, и ничего тут удивительного нет, ведь беспокойство – естественный спутник неизвестности. Поначалу перемены не выглядели бесповоротными. Помню, вид у всех нас был очумелый, как у крестьян из глубинки, впервые приехавших в столицу. И вот теперь мы окончательно потеряли смыслы

и ориентиры. Нельзя ставить под сомнение идеалы старшего поколения, стирать ореол былого могущества и славы нашей страны.

Нам надо заполнять жизнь добрым и высоким, а мы бешено гребём под себя всё мелкое, пошлое и надеемся, что чья-то мифическая предприимчивость возродит нас к жизни, заново зажжёт и утвердит нашу вытесненную перестройкой даже обыденную мечту. Нашим олигархам просто-напросто не хватает элементарной порядочности на то, чтобы желать направить награбленное у страны и народа на развитие производства и науки. Они, скорее всего, ещё долго будут удовлетворять свои бесконечные, ненасытные потребности.

На кого мы возложим ответственность за происходящее? Кто бы помог нам разобраться что к чему? Не разминуться бы нам со своим временем. Сейчас нет людей, готовых умереть за идею, – призвав на помощь всю свою силу воли и сдержанность, бестолково, обиженно и нудно бубнил Белков.

– Когда это было, дай бог памяти? Нечего прошлое ворошить. И не сгущайте краски. У вас от страха поджилки трясутся, потому что вы не вписываетесь в современную картину жизни. Вам не понятен её невероятно запутанный узор? Как мне представляется, ваша звезда закатилась, не успев взойти. Вы и при Союзе не смогли доказать, что способны на нечто большее, чем все от вас ожидали. Не нашли средств выражения своего таланта? Теперь есть на что свалить все свои неудачи: не было простора для творчества, да? Потом простор обрели, да денег нет. Так? А теперь вы воображаете, что пали невинной жертвой перестройки.

У вас крыша поехала, ходите как пришибленный, бормочите несурезицу. Ни дать ни взять – бедолага. Не выдумывайте! Ваши мозги всегда оставляли желать лучшего, вы нахлебник, бесталанная серость и нытик. На поддержание собственных штанов заработать не можете, а туда же... Уму-разуму нас учите, прошлое восхваляете. В пострадавшие лезете? Хотите нас разжалобить? Он, знаете ли, робок, не решается носа высунуть из пазухи своей жены, боится, что накостыляют по шее. Эдакое неприспособленное существо, которому нечем подогреть своё тщеславие и которое бесполезно нахваливать или ругать.

Нашли отговорку в перестройке? Вы – дачник-неудачник. Я не прав? Или всё же преуспели в этом как нельзя лучше? Вы же теперь, говорят, преимущественно заняты «на вольных хлебах», тогда на кой ляд вам институт? Вам здесь уже не по чину, – с язвительной любезностью в голосе продолжает Зарубин и глядит на своего товарища, надеясь на его одобрение. Но тот сидит, привалившись к стене, и дремлет под музыку романсов, тихо льющихся из его наушников.

Прямой намёк на непрофессиональное занятие Белкова был встречен бурей негодования инженеров, расположившихся на галерке и явно сочувствующих замученному нищетой старику. Их тоже безденежье «погнало в поля» и они завели огороды.

– Вы о чем? – переспросил Белков с недостаточным негодованием в голосе.

Он в буквальном смысле поперхнулся жёсткими словами молодого коллеги. Морщась от неловкости, красный от стыда и обиды, он, угнувшись, то нервно теребил полы своего заносенного пиджака, то крутил верхнюю пуговицу рубашки. И лишь иногда косо оглядывался на ровесников, ища их поддержки.

«Ну вот! Осталось перейти к изобличению слабостей других коллег, а вслед за этим к обмену дерзостями. Из-за чего сыр-бор разгорелся? И чего это Зарубин напустился на беззащитного? Не красит его грубость. Не ожидала я, что он может наслаждаться сомнительным удовольствием досадить старому человеку. Какая девальвация человеческой личности! Хочешь услышать интеллигента, а видишь перед собой хама и жлоба. Зарубин, таков твой гаденький характер? Мог бы и мягче выразить свою концепцию, ведь Белков из числа бессловесных, да и взгляды его на прошлое не отличаются своеобразием.

Нет, вы посмотрите на него, какой взъерошенный, с колючими глазами! Счёл уместным, как сам признался, разъяснить Белкову всю безнадёжность его положения, а тому в его годы

уважение окружающих требуется, уверенность, что не зря жизнь прожил. Дорого могут обойтись старику злые, обидные слова коллеги. Случись что, чем тогда оправдает Зарубин своё поведение?.. Иисус Христос тоже был невиновен, а его всё равно распяли. И в наше неуверенное время трудно между плеведами находить зёрна добра.

Сам-то ты, Зарубин, из каких будешь? Если сможешь – сотрешь в порошок, а нет – так станешь стелиться, пресмыкаться? С нижними чинами жесток, категоричен и резок, а с высшими – наоборот? Зря я его, пусть даже мысленно, отхлестала? Может, Зарубин сам пропитался взрывной горечью осознания безысходности и удушающей неуверенности. И всё же...», – недовольно кривит губы Инна, молча осуждая грубый выпад молодого коллеги.

Елену Георгиевну коробят и беспокоят бестактные заявления Зарубина, удивляет способность подпевать насмешникам. Она старается подавить в себе нарастающее негативное чувство и незаметно для себя начинает выбивать кончиками длинных пальцев на кожаной папке с документами мелкую нервную дробь.

«Вот он, диалог глухих. Себя только слышат, – вздыхает она. – Все напряжены до предела. Маленькой искорки хватит, чтобы взорвались. До чего доводит безденежье! Людям, постоянно находящимся в стрессовом состоянии, можно простить некоторое временное раздражение. И ведь этот же Зарубин совсем недавно над племянником ночей не спал, на коленях перед доктором стоял, молил помочь спасти, плакал...»

Кира вспомнила, что грустные мысли о жертвенном поведении молодого инженера заставили Елену Георгиевну вернуться памятью в своё прошлое. Всплыла многолетней давности поездка на юг. «Шум моря, ослепительное солнце, обжигающая ноги галька и сынок Антоша. В воду тащила его – он оглашал визгом пляж, из воды – тоже, только уже по причине противоположной. Было ощущение счастья, несмотря на скудность и никудышное качество столовской пиццы. Много ли нам тогда надо было, чтобы ощутить райское наслаждение!

А в конце отпуска я встретила на пляже однокурсницу Таню. Несколько лет не виделись, а тут, как говорится, карусель нашего бытия на миг чуть-чуть притормозила, и так совпало, что мы пересеклись. Каким болезненно-жадным взглядом она охватила моего сынишку! Сколько в нём было зависти, горечи, обиды на судьбу. Муж – тот самый однокурсник Вовка – обнял её за плечи, прижал к себе и увлёк подальше от источника страдания. Он жалел жену. Он умел любить, но когда они были студентами, не смог противостоять своей маме, потребовавшей избавиться от будущего ребенка.

Мне тогда показалось, что измученный взгляд этой молодой красивой несчастной женщины с признаками шизофрении. «Не может быть!» – воспротивилась я своим ощущениям. Я тогда долго не могла избавиться от тягостного состояния жалости. Саднило сердце, возмущённое несправедливым роком. Даже возникло на некоторое время состояние иссушающей злости и обиды. Помнится, с трудом переборола себя и твердо решила не поддаваться нервам, не расслабляться. «Какая была девчонка! Наехало на Танюшку колесо судьбы, опрокинуло, раздавило. Слишком жестокая расплата за единственную ошибку. Какие радости отпустила ей судьба? У каждого из нас есть уязвимое место. Чем она теперь живёт, что дает ей силы?» – грустила я, вспоминая её тоскливо-безумные глаза».

А Зарубин продолжал сыпать едкими фразами, ритмично ударяя рукой по спинке стула, будто отсчитывая промахи ответчика. Набухшие кровью вены на висках говорили о том, что он не шутит. И с каждым его словом Белков всё больше поникал и всё глубже вжимался в стул. Ему казалось, что его публично раздевают. Он слушал отповедь коллеги с непроницаемо-мрачным, угрюмым видом, но усталые складки его лица углублялись, болезненно опущенные уголки губ ещё больше заострялись. Он беспомощно и как-то автоматически шевелил плечами, и его сухие нервные руки бессознательно теребили полы ветхого пиджака.

«Зачем так грубо накинулся и злыми словами отхлестал человека? Ему ведь давно перевалило за шестьдесят. Перегибает палку Зарубин. Надо будет в личной беседе указать ему на недостаточно развитое чувство такта, на неумение уважать чужие права, – почувствовав в глубине души укол совести, подумала Елена Георгиевна. – Сколько помню себя, мы не позволяли себе глумиться над старшими, никогда не опускались до оскорблений, если они даже с нашей точки зрения были не правы, мы превыше всего ценили в себе интеллигентность, а теперь все молчат, никто не становится на защиту пенсионера.

Хотя чему тут удивляться, теперь каждый за себя. Конечно, любому поколению людей приходится заново возвращаться к вопросам воспитания и образования, редактировать, корректировать их в связи с меняющейся обстановкой в обществе, но базовые, нравственные основы всё-таки должны сохраняться.

А может, Белков сам позволяет обращаться с собой подобным образом, сам нарываясь на грубость и обречён становиться мишенью для насмешек? И всё же ребята слишком распоясались. Какой в этом резон? Он же никому из них не конкурент, места чужого не занимает, последний кусок хлеба не отнимает. Чего ему не могут простить? Возможно, слова Белкова гораздо ближе к истине, чем им хотелось бы верить, и это их раздражает?

Старик в отцы Зарубину годится. Этого-то как раз он и не принимает во внимание и не делает скидки на возраст. Молодые жёстче нас? Бесчувственные, безразличные, будто эпидемия равнодушия prošлась по ним. Не по всем, конечно...

Другие времена пришли, и, естественно, у молодых другие приоритеты. Я склонна предположить, что злость и равнодушие у них от бессилия перед обстоятельствами, от неудач, от страха и неуверенности перед будущим. Мельчает человек, не имея достойной для ума работы. Голос истинно мыслящего человека всегда был тихим, а они на всю ивановскую... Откуда в них этот запал толпы? Слепая власть случая или всё-таки тенденция? Не понимают молодые, что их поколение стоит на плечах предшествовавших им людей. Им бы сейчас больше думать, классиков читать, свой духовный мир развивать, обращаться к искусству, подзаряжать свои сердца красотой и гармонией, а у них одни деньги в голове.

Оправдываются тем, что выживают. А наши родители и мы в пятидесятых годах тоже не жировали, но духом не падали, мечтали, работали, учились для будущего. Деньги уходят, а внутреннее богатство на всю жизнь остаётся. Духовный человек уверенней. А в чём моя вера? Только в науку и верю».

Елена Георгиевна зябко поежилась. Потрогала батарею отопления: чуть теплая. «Экономят», – подумалось ей. В пуховый платок плотнее закуталась, и, похоже, забылась. Вспомнила дружка своего детдомовского. Тогда тоже было холодно...

«Мы идём в деревню на горку к домашним детям. Глубокою осеннюю колею давнишняя выюга сравняла с лугом, разделяющим два села. Теперь легкая струящаяся позёмка бежит по санной дороге и, застревая на обочинах, образует маленькие наметы. Позёмка ластится, льнет к накатанному следу, но, едва прикоснувшись, скользит по нему, как по льду, и ветер гонит её всё дальше и дальше. И только сияющая серебристая пыль некоторое время ещё курится над тем местом, где только что мчался белый стремительный ручеёк.

Мы расставляем ноги в огромных валенках. Позёмка огибает их и проскакивает между ними, словно через открытые ворота, оставляя на носках обуви бугорки снега, и продолжает свой путь. Чистейший снег слепит глаза, зажигает в сердце радость. Мы зачерпываем его горстями, прикладываем к лицу, потом лепим снежки и кидаем в ближайшее дерево. Там остаются следы, подтверждающие нашу меткость. Мы радуемся каждому пустяку, визжим от восторга! Если нас хватятся – накажут. Обойдется! Кому мы нужны...

...Возвращаемся назад. Поднялся ветер, но он тёплый и хотя забирается под хилые пальтишки, не вымораживает нас, тощих и голодных. Пошёл густой снег. А мы не боимся! Это же

не вьюга с её круговертью и хаосом, воем и стонами, надрывающими сердце. Её не раз приходилось слышать зимними вечерами...

Идем с дружкой и вспоминаем одну такую злую метель.

«Пурга тогда стонала на чердаке, трясла оконные рамы резкими порывами ветра. Дребезжали стёкла, кряхтела и бряцала щеколдой входная дверь. Нашу комнату освещал слабый свет керосиновой лампы. Язычок огня нервно вздрагивал, точно сам боялся бури. Мы сидели вокруг плиты и бросали на раскалённое железо сушёную кукурузу, которую натаскали с поля ещё летом, вышелушили и запасливо припрятали под матрасами. Она выстреливала во все стороны, мы поднимали её с пола, ссорились, делились, потом счастливо хрустели ею, прижавшись друг к другу. В тот день дежурила добрая воспитательница.

Из приоткрытой дверцы плиты на пол выскользнул красный уголек. Один мальчик схватил его, подбросил на ладони и кинул в поддувало. Там ему место. Сделал он это небрежно. Мы гордились его смелостью. Он не позволял смотреть на его обожжённую ладошку. Гордый! Он уже большой, ему почти семь лет».

...Ветер усилился. То в лицо толкает, то в спину. Это уже круговерть. Снег валом валит, спиралью закручивается. Невольно настораживаемся. А вдруг это затяжная метель на весь день? Под сердцем пробегает зябкая дрожь. Кажется, что тополя вдоль дороги струнулись с места и ушли в никуда. Теперь главное не потерять направление. Надо оглядываться на свои следы, пока их не занесло снегом? Бесполезно. Сплошной мохнатый снег окружил нас непроницаемой колеблющейся стеной высотой до самого неба. На расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Мы как бы в сказочной трубе. Стихотворение Пушкина «Зимний вечер» припомнили. Няня недавно читала...»

Елена Георгиевна слышит громкий добродушный смех и отвлекается от собственных мыслей. Шум вырвал из сонного оцепенения и молодого, никогда не унывающего, беззаботного инженера Щербакова.

– ...Вот это нокаут! Не улавливаю пафоса происходящего! Досталось вам, товарищ Белков, по полной программе. За что это он с вами расквитался? Ну и попали вы в переплет, – весело, с грубовато простодушной непосредственностью проехался он по Зарубину. И добавил примиряюще, обращаясь к Белкову, придавая голосу искренный тон:

– Да будет вам, коллега, не дуйтесь, не тушуйтесь. Не мне вас учить, но не придавайте значения словам, сказанным в раздражении, выбросьте их из головы. Было бы с чего на стену лезть. Не впадайте в излишнюю чувствительность, не ищите проблем там, где их нет. И не вздумайте рубить с плеча и пороть горячку. Чего свирепеть? Смотрите в корень: время сейчас наглое и бессовестное.

Я вот попробовал себя в торговле. Решил, что стал тесен мне белый халат экспериментатора и серый инженерский пиджак, захотелось бордового, предпринимательского. Так вот, когда мне подставляли соперники подножки, я отвечал им тем же. Промышлял в основном перепродажей. Трудно во что-то верить, когда ты пережил десять партнеров и все – дрянь... Всякие номера выкидывал. Даже совершал проступки и преступления в «особо мелких размерах», когда вводили в соблазн.

Вы знаете, поначалу всё это было очень даже «занятно». Это как игра в карты. Сошелся я там с несколькими бизнесменами. Они вызвались помочь, когда я «успешно» сел на мель. Потом чуть ли не на стенку полез от такой их помощи. Ходили за мной по пятам. Думали, шапку перед ними ломать стану, а я наотрез отказался. Долго со мной не канителились. Близкое с ними знакомство обошлось мне минутами страха. Избили и выкинули, как босяка. Деликатно так – лицом об асфальт. Такого удара не постеснялся бы и лучший боксер международного класса. Довели наши отношения до логического завершения. Положили, так сказать, конец нашему короткому «адюльтеру». Благо, что не убили. В общем, у них там рука руку моет.

Торгаша, как видите, из меня не вышло. Никакого навару не получил. Каков поп, таков и приход. Прибрали к рукам моё дело молодчики. Их работа – коммерческий грабёж доверчивых лохов. Бросил я всё. Сыт по горло их фокусами. Один важный фактор сыграл решающую роль: я понял, что не умею делать деньги, а главное – не испытываю к ним благоговейной страсти. Торгуя, я постоянно ощущал чувство неловкости, даже неполноценности. Наверное, я так воспитан. Не удалось себя переделать. Не по Сеньке шапка оказалась. Но других, у которых получается, критиковать не стану. Каждому своё.

Потом ещё беды на меня навалились, квартиры лишился. И старые проблемы разворошил вдобавок. Всё пошло через пень-колоду. А дело, мне думается, тут в том, что мы теперь живём в мире, где существует много зла. Вот и приходится учиться бороться, чтобы жить по-новому. Теперь многие попадают в положение, когда остается только надеяться. А сейчас я еле свожу концы с концами, но не ною. Я на своём месте, – подавшись к Белкову всем телом через стульев, внятно изложил Щербаков. – Нет среди нас богатых и хитрых, есть только умные и не очень.

Не переживайте, любезный, пройдёт, скажем, ещё лет десять, и всё у нас наладится. И, как говорят мои старики, выкрутимся, если войны не будет. Работать надо хорошо, а там, глядишь, и наступят лучшие времена. Нельзя нам на себе крест ставить, вы это знаете не хуже меня. Россию трудно опустошить, она большая и великая. Возродимся. И никто меня в этом не переубедит. Течение жизни общества неумолимо подчиняется определенным законам. Колесо истории знай себе вращается.

Инна, будто стрелка чувствительного компаса, обернулась к «выступающему».

– Щербаков, ты нам ещё лекцию по истмату прочти, – фыркнула она неодобрительно, но про себя подумала: «И всё же с завидным благодушием вступился за старика. А что же это Севостьянов, дружок Белкова, помалкивает, не защищает его? Такой всегда добродушный. Сильно поредевшие волосы открывают его оттопыренные уши, чем ещё больше усиливают впечатление о нём, как о бесхитростном человеке. А эти круглые нелепые очки и выпуклые, слегка растерянные, подслеповатые, водянистые глаза о чём говорят? Он добродушный, потому что равнодушный, добродушный, но не добрый? Сегодня он – редкий случай! – глубокомысленно «занят» и не горит желанием вносить свою лепту в общую беседу, и дело с концом! Прижух. Пустой, суетный человек, но с хитринкой».

Белков, помедлив, в ответ на слова Щербакова, презирая себя и свою слабость, выдавил жалкую полуулыбку и произнес горестно: «Ваши бы слова да богу в уши». Он был слишком раздражён и оскорблён, чтобы должным образом воспринимать и отвечать на веселую, пусть даже грубоватую поддержку коллеги.

Инна оценивающе глядит на Щербакова. «Любопытный предмет для наблюдения. Один из тех, кто обычно спит почти всё время, пока длятся заседания. Крупный, крепкий, руки золотые. Внешность непривлекательная, манеры, если так можно выразиться, своеобразные. Недалёкий, точнее, без полета. Если можно его заподозрить в каких-то пороках, то, пожалуй, это слабость к горячительным напиткам. Водочку любит. Попав в нетрезвом виде в затруднительное положение, сам выпутаться не может, приходится друзьям препровождать его в безопасное место. Но впечатление производит. В разводе. По женщинам глазами не рыскает, но есть в нём какой-то животный магнетизм», – отвернув от Елены Георгиевны вдруг жарко вспыхнувшее лицо, отмечает про себя Инна, игриво поводит плечами, небрежно всколыхнув эффектную, огнедышащую грудь, и грустно усмехается по поводу уходящей молодости: «К сожалению, желания и возможности теперь не всегда совпадают».

Трехдневная серебристо-рыжеватая щетина на крепком, литом лице Щербакова почему-то напомнила ей встопорщившиеся чешуйки у плотвичек в брачный период, которые она однажды, неожиданно для себя, разглядела во время майской рыбалки. И она – ни к селу, ни

к городу – вдруг загрустила о слишком быстро пролетевшем и неплодотворно проведенном на «чертовом» огороде лете.

Елена Георгиевна всё же успела перехватить взгляд Инны и тут же вспомнила её грустный рассказ при их первой встрече после долгой разлуки. «Было три мужа, потом ещё четырежды пыталась создать семью – безрадостные романы. Слепое томление плоти принуждало меня к этому бесполезному, бесперспективному занятию. Ни один из мужчин не устраивал меня в постели так, как тот, первый. Ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Да и душевные качества оставляли желать лучшего. Все как один – с куриными мозгами, затурканные. Строили из себя покладистых, незатейливых, бесхитростных. Усахаривали, чтобы прийти по душе, а потом начинали откалывать штучки-дрючки. Часто приходили в непотребном виде. Все их словеса и жалобы были от лукавого, себе на потребу.

Потом стала прикидывать, в чём этот, новый, уступает другим или превосходит их, и больше не позволяла себя обаять. Гнала от себя. А они привязывались. Поражало их отношение к жизни, которое годилось разве что на то, чтобы влачить жалкое существование. Было много мучительно-грустного, часто чувствовала себя стрекозой, сбитой с листа камыша неожиданно высокой речной волной...

Получалось, что разменивала свой серебряный рубль на медяки. А лучших претендентов на примете не было. Просто поражалась, как с такими данными и возможностями они на что-то претендовали. Ещё и от жён, по их рассказам, бегали, на стороне что-то искали. Не могу взять в толк, почему никакой себе трезвой оценки не давали? Откуда в них эта слабоумная мания величия, почему больны глупым тщеславием? Похоже, и правда, поведение мужчин определяется спросом и предложениями.

А уж о духовности я вообще и не заикаюсь. Помню, один сорокапятилетний, всё ещё пребывая в наивной юношеской беспечности, считал себя одинокой взыскующей душой. Предлагая мне своё сомнительное чувство, печально и потерянно произносил: «Жизнь не стоит расхода моих творческих сил!» Бес попутал меня с ним. Не стала я прикидывать возможности его платежеспособности, потому что осторожная радость толкнулась в мою душу, сердечко ёкнуло... Ну, думаю, удачный случай представился, точнее сказать, подвернулся – не прозеваю. Нежный, ласковый, романтичный мужчина!

Меня всегда тянуло к порядочности, к чистоте. А он оказался ненастоящим, ничтожным. Видно, выучил немногие душещипательные слова и говорил всем женщинам подряд, авось какая глупая клюнет. Душа его, как оказалось, кроме водки, ничего не требовала. С утра уже за воротник закладывал. И ведь держался до загса, ни разу пьяным не пришел! А как проникновенно выпрашивал на бутылку! Обхохочешься. С таким жить – лучше, не умствуя, удавиться. Он же не давал ни минуты передышки. «А коль это так, то нужен он мне как рыбке зонтик. Обременительно любить такого. Кругом одни минусы. Такие экземпляры с изумительной быстротой садятся на шею», – решила я.

На изучение всех его метаморфоз у меня ушло не больше месяца. Выгнала поклонника. Покинул меня без лишних скандалов и проволочек. Быстро отступился и убрался под добру-здорову восвояси. Ушел смурной, тоскливый, покорный, тусклый, ещё не до конца осмысливший происшедшее. Видно, привык к такому исходу событий. Не отвергаю эту вероятность. Вновь я оказалась добровольно обманувшейся дурой. И откуда во мне эта детская доверчивость?

А встречались и жутко настырные. Намучалась я с ними, пока отвертелась от их притязаний. Задержали совсем. Такие гадости устраивали. Надолго отбивали желание «иметь в доме мужчину». Часто попадала в щекотливые ситуации и не знала, как из них выпутаться, случалось терпеть изошрённое хамство. Никак не удавалось мне встроить себя в пространство счастливой семейной жизни. Хотелось бы если и страданий, то счастливых, радостных. Если

любить, так достойного: чтобы летать в своей любви, чтобы с полуслова, с полувзгляда понимать друг друга, уважать, чтобы было духовное единение, чтобы ощущать себя как за каменной стеной. Ведь бывает же такое? А эти – в грязь тебя лицом.

Скажешь, почему так мрачно? А как ещё? Я не ищу виноватых. Глупой была. И почему липли ко мне всякие слабаки и подонки? Может, за мною укрепилась репутация человека, способного, по доброте душевной, на великие подвиги во спасение заблудших душ? Вот они и повадились ко мне в поисках легкого счастья. Беспочвенно, неубедительно? Или они думали, что если мне за тридцать, так любого подберу? Фу, гадость какая, даже вспоминать противно.

Я не каждому встречному-поперечному жалуясь, только тебе, Лена, душу раскрыла. Ты же знаешь, если не захочу, из меня невозможно что-либо вытянуть даже клещами. С годами у меня чутье на плохих мужчин появилось, спинным мозгом стала их чувствовать. Я вывела для себя, что выбирать не из кого и создала образ разведенного мужчины, достигший удивительно убедительной реальности, который мне и даром не нужен, и перестала искать своё счастье. Перебродила, перегорела во мне любовь. Претят мне не только унижительные поиски удовольствий, но и тихого семейного счастья с порядочным старичком. Брошенные мужчины скучны, не дотягивают до желаемой, даже самой низкой планки. Правильно говорят, хорошего мужика женщина не выгонит. К сожалению, у меня не было случая убедиться в обратном. А как бы хотелось! Скажу начистоту: поняла, что не могу жить с человеком, которого не люблю или хотя бы не уважаю.

Мир не рухнул в моих глазах. Книги мне стали интересней. В них я почти теряю ощущения реального. В них мечты, сдобренные разного рода иллюзиями. В них красота».

Я тогда, помнится, спросила у Инны: «Ты думаешь, если мужчина способен себя критически оценивать, так он не может быть плохим?»

«Ещё как может, если он циник. Такой субъект даже по отношению к себе не умеет быть добрым, что уж говорить о других. Такой никому не может принести радости, сделать кого-то счастливым. Он умеет только разрушать. Встретился на моём пути такой субчик: наглый, безмерно грубый, со скверной привычкой разговаривать снисходительно-насмешливым тоном. Философствовать любил. Скажет, а через минуту отрекается от своих слов. Страшный человек. Чего только стоила его манера жёстко и надменно смотреть в глаза. У меня хватило ума не сблизиться с ним. Быстро раскусила его «типичные» черты, – усмехнулась Инна. – А ему нравилась моя решительность, когда я во время разговора с ледяным бешенством смотрела на него. Он чувствовал во мне достойного противника. Наверное, это его возбуждало. Я распознала в его голосе угрозу, и моё сердце «выдало» осторожное предупреждение. Оно-то и оставило меня от ответной резкости, и я не приняла его игру, деликатно уклонила. Хотя очень хотелось обломать наглеца. Если бы рискнула, то ни за себя, ни за него не поручилась бы...

Какой резон бороться с ним до изнеможения? Он не стоил того. Такой человек не оценит чужую победу и постарается любыми подлыми средствами стереть противника в порошок, дабы потрафить своему самолюбию. Мне достаточно было его яростного, ненавидящего взгляда. К счастью, вопреки ожиданию, он быстро отвалил. Хотя, конечно, мучил меня червячок досады, что отступила, не наказала, чтобы другим не гадил. И самое главное, ничего в нём за его форсом не стояло. Не жил, а с удовольствием играл роль злодея, выискивая более слабые, чем он сам, жертвы».

3

Белков догадывается, что инженеры намекают на то, что он садовому участку уделяет больше времени, чем науке, и со злой решимостью огрызается:

– Мне совершенно не ясна ваша ирония, Зарубин. Потрудитесь объясниться, и я попытаюсь сформулировать свою позицию. Я не придумываю отговорки и тоже понимаю, что это

в высшей степени жалкое существование, недостойное образованного человека, когда каждый поход в магазин грустно отзывается на бюджете семьи, когда голову не применяешь по её прямому назначению, когда не ясна жизненная перспектива. К тому же бедный человек не может быть свободным, что тоже очень важно понимать.

Вся моя жизнь состоит из трагедийных кусков. Лучшие мои годы были потрачены на борьбу с бедностью. Вот только расправил плечи, а она, судьба, опять гаечным ключом по голове – есть от чего прийти в отчаяние. Все мы испытали неожиданное потрясение. Никто не представлял, что уготовано нам судьбой. Если я правильно понимаю, те, что наверху, заняты чем-то великим, поэтому к земным делам простых людей относятся с пренебрежением. Когда приходится мыслить такими масштабами, до мелочей ли?.. Тогда для кого всё это затевалось?

На лице Белкова застыло удивленное выражение человека, уверенного в том, что он прав, но почему-то неизменно проигрывает.

– Не от хорошей жизни я взял огород. Раньше даже слышать о нём не хотел, а сейчас за него как утопающий за соломинку ухватился. Он – моя отдушина и подспорье. Не зарьтесь, Зарубин, на чужое. Нелегкий и непроизводительный там труд. Позволю вам заметить, безработица многих обрекла на нищету и заставила взять в руки тяпку. Ткнуть бы этих «революционеров» лицом в нашу нищету. Оставьте пустые разговоры и насмешки! Вы, что ли, моих внуков растите? Моя дочь потеряла кормильца. У вас пока нет детей, а значит, одной проблемой меньше, поэтому вам не понять меня, – с видом оскорблённой добродетели закончил Белков.

Все знали, что у него две дочери-учительницы в разводе и ещё три внучки-школьницы, и что все они живут в его двухкомнатной квартире. Он десять лет первым стоял в очереди на расширение жилья, но так и не успел до перестройки улучшить свои жилищные условия, не получил обещанную профкомом четырехкомнатную, и теперь, утвердившись в собственной невезучести, не видел конца своим злоключениям.

Зарубин в ответ не к месту пренебрежительно рассмеялся.

Белков нервно пошевелил пальцами, сделав характерный жест, будто считает купюры. Он был возмущён тем, что его бесцеремонно прервали, но не смог одёрнуть обидчика.

– В продолжение своей мысли спрошу: какова вероятность того, что всё быстро изменится к лучшему? Что потерял – я знаю, а что получу взамен? При определённых обстоятельствах огород – это лучше, чем ничего. Все наши беды проистекают от того, что нынешнее время привносит такое, что нам, старшему поколению, трудно понять, принять и перестроиться. Мы не поспеваем за событиями и ничего не можем предвидеть. Таково действительное положение вещей.

Вдобавок нас лишили своей привычной среды, и теперь у нас в головах разруха. Эти чувства сродни с теми, что ощущали наши родители в семнадцатом. Наверное, такая постановка вопроса вызывает у вас отторжение? Новая эпоха требует от нас, стариков, невозможного. Конечно, хочется верить, что это просто новое поветрие, ничего серьёзного, и не придётся восстанавливать попорченную справедливость, достаточно образумить людей...

Как бы то ни было, раньше и в любви, и в работе всё казалось возможным, доступным, легко достижимым. Молодые, обратите внимание на очень интересную особенность: наша эпоха носила на себе печать уникальности, самобытности. Мне кажется, целая вечность прошла с тех пор. А я как сейчас помню: вынашивали планы, мечтали о коммунизме, с полным основанием могли гордиться собой, друзей выбирали не по должностям, умели наслаждаться тем, что давала жизнь, довольствовались, как я уже сказал, малыми радостями каждого дня, и в этом не было ничего искусственного или зазорного. Шагая по земле, мы чувствовали полет, – мечтательно закончил Белков, седой, тощий, сутулый, но в тот момент такой вдохновенный! И добавил уже пасмурно:

– Не поторопились ли мы броситься в капитализм? Не разорвать бы связь времен и поколений.

– Тоже мне Евтушенко! Высокие словеса – мишура. Умора! Вошёл во вкус, развернул пропаганду. Надоело! Не порите чепуху, оставьте свои фантазии при себе. Всем известна болезнь тех лет – тупая, неукоснительная вера в нереальные мечты, – нисколько не стесняясь, Зарубин опять издевательски прерывает нехитрую цепочку воспоминаний Белкова. – Красиво воссоздаёте картину ушедшей эпохи. Интересное наблюдение: чем хуже сейчас, тем лучше было раньше? «Я в полном недоумении. Ах, где мои славные величественные руины!» Мы опрокинули ваши донкихотские представления о жизни? Вы не пришли ко двору? Вот и утешайтесь огурцами и редиской, на развалинах брошенных кем-то садовых участков!

Ноет, ноет! Наверное, думаете – смешно сказать! – что у всех всё в порядке и только у вас одного неприятности? Ни дать ни взять – под дурачка работаете! Не время задаваться глупыми вопросами. Прокопаетесь в себе и настоящей жизни не увидите. Надо учиться работать по-новому, а не словоблудием заниматься. Остановите своё безудержное словоизлияние, оно никого не трогает.

Но «лектор» неожиданно для всех не дал смутить себя грубой издёвкой. Смешался, но только на миг, и невозмутимо продолжил сипловатым монотонным голосом, словно и не было ехидного укола.

– Наша жизнь не изобиловала необычайными приключениями, скромное, но счастливое, спокойное, стабильное было время. По тогдашним понятиям, мы хорошо жили. Люди самых разных судеб и наклонностей были искренни, открыты для общения, и это главное, потому что душа – храм истины. – Теперь Белков говорил уверенно, как о чем-то не подлежащем сомнению. Его голос окреп, зазвенел.

– Раньше быть русским означало быть братом людям всего мира. При социализме боролись за человека, а теперь за деньги. Произошла глубинная трансформация душ. Конечно, проще на удар ответить ударом. А ты попробуй не запятнать себя жестокостью, не унижить другого грубостью. Всё это ушло в прошлое. И поворотным пунктом явился тот день, когда Горбачев... да что там вспоминать! Тоска подступает к сердцу. Не пришлось бы некоторым посыпать себе головы пеплом.

Нынешней молодёжи не понять атмосферы товарищества. Не достучаться до их сердец. Искалечены юные души целого поколения. Свидетельств тому немало. А потом некоторые скажут: «Знать ничего не знаем, ведать не ведаем. Мы тут ни при чём».

Белков как бы в подтверждение своих слов убеждённо мотнул головой в сторону Зарубина.

– Что творится, что творится кругом! Как всё невероятно быстро изменилось! Какую нам держать позицию по отношению к происходящему? Прошли благостные времена советского периода. Из людей уходит последняя человечность: не принимают друг друга, враждуют, испытывают души на излом, рот на чужой каравай разевают. А мы не научены держать удар. И в семьях теперь не хватает чуткости, нежности. Может, они и сохранились где-то в подсознании до лучших времён, но эти времена никак не наступают. За деньгами никто ничего не видит. В окружающей нас жизни появилось что-то глубоко чуждое. Смутное время. Оно состоит из одних абсурдов. Что может теперь раскрасить нашу жизнь в яркие цвета? Чем нас, пенсионеров, можно порадовать? Конечно, надежда и теперь иногда вспыхивает и расцветает на короткое время, пока не вянет под тяжестью разочарований, пренебрежения, обманов. А ведь только надежда держит человека на земле.

Дали свободу! Кому, чему? Хамству? Вы говорите, что мы семьдесят лет на коленях стояли, а вы теперь голым задом в дерьме сидите. Лучше, легче стало? Вы подрезали людям крылья, лишили прекрасной мечты. Погибло всё, во что мы прежде свято, пусть даже слепо, верили. Теперь в России всё со свистом уносится в пустоту, в пропасть. Всё псу под хвост. Вместо прыжка в новое измерение мы сделали скачок в никуда. Лицемерие, шитое белыми нитками, так и прёт из многих людей, они прямо-таки на глазах у всех превращаются в тартюфов.

В нашей эпохе была чудная музыка. Теперь её нет. В памяти остались заученные в детстве прекрасные, героические слова, от которых по-прежнему вздрагивает сердце и душа рвется в бой. Мечты разбились вдребезги и разлетелись, и мы уже не вернемся назад и не почувствуем себя счастливыми. Вот что самое ужасное.

Ну, были очереди в магазинах, штурмовали мы прилавки с колбасой, случалось занимать десятку до зарплаты. Были трудности. И что из того? Без них ни одно государство не обходится. А кто бесплатно учил, кто давал квартиры? А сколько мы строили! Всё как есть забыли. Все захотели стать миллионерами, да только такого не бывает. Закон сохранения денежной массы никто ещё не отменял. Если в одном кармане густо, то в других пусто. Дело до смешного доходит, только смех этот сквозь слезы. Что вы на это скажете? Я не прав? Всё вокруг начало давать трещины и рассыпаться. Наплевать олигархам на простых людей, на страну! Долго нам ещё ждать придётся, пока среди них появятся патриоты?

Нам, людям науки, не грозит стать миллионерами. Ни лгать, ни воровать, ни изворачиваться мы не умеем. Не та закваска, не торгашеская. Надо «верхам» прежде было подумать, из каких фишек им придётся выбирать. Всё ли они перепробовали, прежде чем ломать старое? Может, стоило бы попытаться кое-что хорошее и доброе оставить? Всё равно ведь ко многому из нашей жизни придётся возвращаться. Я не стыжусь своего прошлого и не отрекаюсь от него. Я не коммунист, но усердный поклонник и защитник своего времени.

Конечно, я могу быть необъективным и не возьму на себя смелость выделить главные проблемы нынешнего общества, но рассмотрим хотя бы непохвальное пренебрежение прошлым, критику нашей партии, попытку приписать ей нарушение естественного течения истории. Всё равно не обойтись без партии, без идеологии, скрепляющей страну. Другую создадут, удобную. Может, и ошибаюсь, я человек маленький.

Раньше я всегда был востребован. А теперь я – не поймешь, что из себя представляю! Фитюлька, ничтожество. Я уже перестал надеяться на лучшее. О чём трубят газеты? Это уму непостижимо! А эти холодные, бесстрастные чиновничьи лица!.. Поймите, дорогие мои, переписывание истории ведет к искажённому пониманию настоящего и будущего. Память о Великой Отечественной войне, например, – ключевой момент в российском сознании – ...она, может быть, краеугольный камень нашей идентичности. И разрушение памятников на могилах героев войны – не простое варварство...

– Не нагнетай, старик. Отвлекись на минутку от стонов. Во многих странах мира – возьми ту же Францию – переписывают историю и сносят памятники, потом возвращаются к ним и снова восстанавливают. Каждое поколение ищет себя и своё место в истории. Заворожённое будущим, оно торопится разрушить прошлое, ломает традиции. Для нас это особенно характерно, потому что наша страна развивается не эволюционно, а революционно, рывками. Вспомни Петра Первого, семнадцатый год, девяносто первый. Одним вождям свойственны и важны глубокие размышления, другим решительные действия.

– Кому убожество и прямолинейность, а кому трезвость или лисья тактика и волчья хватка, – хмыкнул Белков.

– Ну, ты, батя, совсем не в ту степь попёр, – искренне удивился Щербаков.

– Ты не согласен со мной? В мои намерения не входит критиковать, но если в разумных пределах, не увлекаясь, без перебора... Теперь что ни человек, то новое мнение, новый взгляд. Не знают, а судят. Перешли к дикой свободе без руля и без ветрил, вот и не можем управиться с ней без царя в голове и без соответствующего воспитания. Идеи, может быть, и блистательные, да идиотское исполнение и жуткие последствия: произвол, неурядицы, распущенность, ложь, воровство. Мы это уже проходили много лет назад. Опять через тернии к новым звездам?.. – ухмыльнулся Белков. – Я не сторонник резких реформ.

Он неожиданно умолк, будто что-то перемкнуло внутри него. Стоял с застывшей, приподнятой, будто проклинаящей рукой, но лицо его ничего не выражало.

Тут пошел в наступление Мосин, бывший когда-то комсоргом отдела. По лицу было видно, что его колотила злая дрожь, даже в глазах проскальзывали искорки. Очевидно, излагаемые Белковым мысли его не слишком устраивали. Но при этом его взгляд нет-нет да и соскакивал на своего руководителя группы, будто Мосин искал в нём поддержки. Но тот молчал, уткнувшись в блокнот.

– Избавьте, пожалуйста, наше общество от никому не нужных подробностей, которые вы ещё собираетесь высказать. Не несите околесицу. Это вы жили, как в тумане, а мы теперь реально смотрим на жизнь и не хотим уравниловки. Трудности переживем. Они не потрясение, а неотъемлемая часть любого переходного момента. Сейчас время, богатое событиями, и этим оно интересно. Меня удивляет ваше упрямое нежелание добровольно признать истину. Смотрите только вперед, чтобы не застрять в дебрях прошлой жизни.

Мосин говорил с нажимом, как бы понукая присутствующих присоединиться к его мнению.

– Вот вы, Белков, воскрешая прошлое, партию хвалите. Мне не довелось побывать в рядах КПСС, но я слышал, что если человек не умел врать и предавать, то в руководители комсомола и партии дорога ему была закрыта, – поспешно, даже как-то обрадовано восклицает из глубины зала молоденький Зайцев и тем самым подкидывает «дров в огонь».

В зале разгорается жёсткий спор о методах построения и сущности любой партии. Зайцеву тут же достаётся от обеих спорящих сторон за распространение глупых сплетен.

«Томится Белков по прошлому, боится непонятого будущего. Его же ещё строить надо. Любой процесс происходит во времени. Перестройка, возможно, потребует не одного десятилетия. Воспоминания старого человека – это всегда путешествие во вчера – в детство, в юность – туда, где, несмотря на любые трудности, преобладали наивные радости и светлые надежды. Когда человек утрачивает веру, теряет все свои перспективы и желания, он становится тенью своего прошлого... Но зачем же временные трудности возводить в ранг губельных? В одном он, безусловно, прав: нельзя забывать, что жили и живём мы в великой стране», – справившись с охватившими её противоречивыми чувствами, грустно думает Елена Георгиевна.

А Инна презрительно фыркает, давая тем самым понять, что считает себя выше подобных проявлений слабости Белкова. Не хватает ещё всем разнюниться! И чем всё это может закончиться?

– Пусть Белков выскажется, иначе не угомонится. – Это из глубины зала раздался непонятно чей голос неожиданной поддержки.

Но ещё раньше, чем защитник услышал ответ на своё предложение, он почувствовал угрожающее недовольство аудитории и, поняв, что ошибся, пригнулся, став невидимым, дабы не принимать на себя раздражение усталых людей.

– Нет, вы только посмотрите на него! Нашёлся самый умный среди нас. Хватит митинговать! – возмутился в пространство Зарубин.

Ему негромким ропотом вторил недовольный зал.

А Белков ничего этого не заметил и продолжал высказываться с выражением обиженного ребёнка, нервно жестикулируя худыми руками.

– Собственно говоря, я хотел сказать, что у молодых грубое благоразумие взяло верх над романтическим героизмом стариков. Нам теперь отводится незавидная роль. Словом, я чувствую себя, как рак без панциря. Быть невостребованным – трагедия. Изоляция любого человека может привести на грань безумия, а тут ещё, как на грех, этот дефолт! Все мы попали под его колеса. Он как бикфордов шнур. Вы знаете это не хуже меня.

Но опять хочется попытать счастья. Только теперь полной уверенности ни в чём нет. Раньше у всех поголовно на тридцать лет вперед всё было расписано, предрешиено, были гаран-

тии, а теперь главную роль в жизни каждого играет случай. Добавьте к этим соображениям и то, что возникают серьёзные разногласия у детей и родителей относительно будущего. Прежде чем порицать, надо принять во внимание многие смягчающие обстоятельства. Я вот тоже нахожусь в двусмысленном положении. Казалось бы, общие проблемы должны нас сплотить, ведь мы многое вместе пережили за эти годы. Но нет! Кое-кто даже затаил на меня личную обиду, потому что в обществе идет игра на понижение духовных ценностей.

Так проще жить: не надо делать никаких усилий по воспитанию в себе личности. Конечно, в каком-то смысле мы все зависимы от обстоятельств, но если уж пришлось распрощаться с надеждой, то как жить дальше, чтоб не скурвиться, не заблудиться? Напомню, раньше всегда шли на выручку друг другу, а теперь об этом не может быть и речи. Утратили былое товарищество. Отсутствует приподнятость духа. Что и говорить...

Я понимаю, что мы находимся на изломе эпох. Вот сейчас многие ругают тусклое, глухое брежневское время, а кто сегодня олицетворяет героя? Бандиты? Представители прогнившего механизма правосудия, подверженного беспредельному варьированию, противостоять которому невозможно, если только ты сам не являешься их частью и в этом случае они обязаны тебя защищать.

А была эпоха личностей. Об этом сейчас умалчивают – вот что является для меня камнем преткновения. Люди должны жить по глубине своей души, а где она, эта глубина? Все волнения на поверхности. А личности должны быть, иначе человеку два шага до животного. Люди шалеют от безработицы и безделья. В деревнях стоят заброшенные фермы, в городах – заводы. В магазинах много чего есть. Облизываешься, но купить-то не на что. К тому же всё ненатуральное, импортное. И вздорожало во сто раз. Мы, как в безбрежном океане, где под водой нет ощущения низа и верха, а на поверхности не видно берегов.

Думаете, моя тревога не обоснована? Как бы не так! Говорят, надо искать свою тропу. А сейчас у всех одно на уме – вырвать жирный кусок из горла товарища и увернуться от пресного пирога. Мол, сколь скоро появилась такая возможность, значит, надлежит незамедлительно ею воспользоваться независимо от того, как это скажется на других.

Белков судорожно вздохнул и продолжил:

– Файлы-то у молодых пока пустоваты, а заполнять их надо чем-то хорошим. Гоголь ввёл абсурд, чертовщину и бесовщину в русскую литературу, а кто ввёл её в нашу жизнь? Я не питаю большого пристрастия к поэзии, но Пушкин чувства добрые лирой пробуждал, и даже Библия призывает не с ненавистью судить, а с любовью, ратуя за возвышение души человеческой. Некому идти апостольской дорогой. Иногда мне кажется, что ничего русского, кроме языка, у нас не осталось. Только он ещё отвечает всем параметрам русской души и русского характера. Была наша страна самая читающая, а теперь стала самая торгующая.

Недавно встретил на рынке подругу моей дочери. Умница, лучшей на курсе была. Торгует турецким барахлом. Увидела меня, заплакала. «Вы, – говорит, – наверное, меня презираете, но у меня двое детей и муж безработный. Надеюсь, когда всё в стране наладится, я ещё смогу учить детей. Сейчас и Эйнштейну не разобраться в «теории относительности» нашей перестройки. У многих из нас всё в жизни пошло наперекосяк».

А что произошло с поэзией человеческих отношений – с любовью? Она исчезает по какой-то невнятной логике. И за это приходится расплачиваться искорёженными судьбами. Чем объяснить возникновение унижительных гражданских браков? Они разрушают устой семьи, – последнее прибежище души, – уничтожают само это прекрасное понятие. Это же демонтаж традиционной ячейки общества! Не зря говорят, что от здравого смысла до абсурда один шаг. Я хочу, чтобы вы поняли всю глубину своих заблуждений. Кто ответит за развенчание идеалов? Сколько времени придётся употребить на восстановление нравственности? Когда начнем взвешенный разговор на эту тему?

Наши родители верили и боялись, а мы просто верили, но каждый знал своё место. Превалировала чистота помыслов, занимали во всём твёрдую, неуступчивую позицию. Не зря говорят, что лучшее – враг хорошего. А теперь, когда грянул гром, что делать? Настала эпоха равнодушия, – завершил свой путаный монолог Белков. – Вы понимаете, о чём я? И до нас дошли сквозняки мировой капиталистической скорби. Лукавое время.

Глаза Белкова, густо оплетённые мелкими морщинками, устало потухли. Губы горестно вздрагивали на невыразительном блеклом лице, он весь подался вперёд, будто желая лучше рассмотреть товарищей или точнее донести до них смысл своих слов.

Теперь он заговорил с болью, тихо, не следя за смыслом, не задумываясь о логике. Слова сами лились, не встречая привычных контролирующих препятствий. Потом стало казаться, что он изо всех сил пытается не сбиться с мысли, что его язык еле ворочается, увязая в густой трясине слов. Фразы наслаивались, наползая, перебивая одна другую. Он вдруг потерял нить рассуждений и странным образом закончил свою несуразную речь:

– Молодежь требует перемен, не особо вникая в их суть. Помните, была прекрасная песня «Листья жёлтые над городом кружатся»? Победоносно, как эпидемия из пункта в пункт, неслась, из каждого окна лилась. Так и она надоела. На смену ей пришла другая песня, по моим меркам менее яркая, но другая. Вот в чём суть. И она всех устроила, всем нравилась. До некоторых пор. Потом ещё одна появилась. Такие вот мои параллели.

4

Инна сидит, удивлённо приоткрыв рот. «Какой контраст между физической измождённостью Белкова и его моральной силой!» – думает она. Проняла её речь коллеги неожиданной откровенностью. Она смотрит на него со жгучим любопытством и искренним участием, сердцем осязая каждое слово. Ей ясно: он не одинок в своём мнении.

Инна уже собралась было поддакнуть, но решила повременить. «Неровен час, «поведет» его со своим доброхотством куда не надо», – подумала она. И не ошиблась, так как Белков понес, по её мнению, ахинею.

– Я понимаю, не сразу разразилась беда, проблемы накапливались постепенно. Но кто бы мог подумать, что всё так обернётся? Абсолютно неожиданный, непредсказуемый результат. Мы – жертвы дикого безвременья. Где обещанное, грамотно структурированное, благополучное общество? Сколько ещё продлится нестабильность? История знает такие случаи? Не было прецедента! Придет время, и мы найдем объяснение этим явлениям, они у нас ещё попляшут, – вдруг забормотал Белков, отвечая на какие-то свои мысли, бессознательно вторгшиеся в развиваемую им выстраданную теорию.

Глаза многих присутствующих с любопытством ощупывают «трибуна».

От волнения у Белкова сбивается дыхание. Он нервно облизывает губы, словно пытаясь стереть с них следы своих неожиданных слов, и прикрывает морщинистые веки, от страха, что из глаз могут брызнуть позорные слезы. А в завершение произносит странную фразу о том, что на том свете всем нам корчиться на костре.

«Как мне отнестись к этому инциденту и к самому Белкову? Маленький, озлобленный, оскорблённый, замороженный жизнью человек? Не от мира сего? Никто не оспаривает его прав, но и никому нет до него дела. Он волен говорить всё, что ему заблагорассудится. Но, как ни горестно разрушать его иллюзии, я вынуждена признать, что «его поезд ушел». Пусть так, ну и что из того? Интересно, его обычная застенчивость – следствие отсутствия денег или наглости? Мало я его знаю, – думает Инна. – Старпёр чертов, перестал притворяться и, не сумев смирить волнение, выпалил то, что казалось и вымолвить никогда не сможет. Вот что пряталось за его отстранённостью! Исповедовался. А какую цель преследовал? Очистил свою душу

откровением. Для его репутации выгоднее было бы скрывать истинные причины, побудившие к возмущению. С чего это его прорвало? Что с ним стряслось? Отчего им завладело отчаянное желание выговориться, вынести из души наболевшее, набрякшее за последнее десятилетие? Дошел до грани?

Видно, давно думал об этом, но не решался озвучить. Не исключаю такую возможность. Молчать стало не вмоготу. Совсем задавили житейские проблемы. А раньше духу не хватало. Он боялся высунуться, всегда такой тихий, вкрадчивый. Ни мысли, ни намерения свои не обнаруживал. Никогда не слыл брюзгой. Смотри, как убивается, как всё близко к сердцу принимает! О мечтах говорит с такой счастливой мальчишеской улыбкой. Похоже, он из бывших романтиков. Что есть, то есть, и крыть тут нечем.

Чувствует, что выглядит смешным в своей наивной искренности, а поделаться с собой ничего не может? Один он – смешон, а когда их таких много – это трагедия... Он внушает мне самые серьёзные опасения. Зачем распинается перед нами? К чему такая экзальтация? Что хочет этим доказать?

Его выступление смахивает на глупость. Он отдаёт себе отчёт в том, что говорит? Сдаётся мне, что выпил. Стоит, перегнувшись через спинку стула, ухватившись за край стола. Теперь все будут на него показывать пальцем (фигурально выражаясь), смеяться по углам. Близорукый, совершенно незащитный перед неотвратимостью судьбы, жалкий, убитый горем, глубоко несчастный, какой-то одинокий, а туда же – избаловать. Действует угнетающе», – с некоторой тревогой ловит себя на совершенно неуместной мысли Инна и смотрит на коллегу с отчаянным, безотчётным сочувствием и любопытством, какого прежде за собой не замечала.

Её охватывает глубокое сострадание. Она никак не может избавиться от мучительной совестливой неловкости, причиной которой были так неожиданно нахлынувшая на неё острая жалость и стыд за собственное бессердечие. Она незаметно для всех вздыхает.

Но уже через несколько минут от этого мелькнувшего в душе интереса ей вдруг стало противно, захотелось защититься от горького, непрошенного, тягостного сочувствия, которому она, повинувшись внезапному порыву, потеряв самоконтроль хоть и кратковременно, но тупо повиновалась. Мгновенно её сочувственное расположение к Белкову сменилось неприязнью.

Инна тут же оставила намерение защищать старика и уже бесцеремонно разглядывала его. «Умные речи радуют сердце. Ха! Кто бы мог подумать, что он способен на такое? Всех отбрил, никого не одобрил. И сочетание «современная молодёжь» произносит с ироническим подтекстом, словно заведомо предполагает – она плохая! Строго говоря, эти его слова, наверное, предназначались не для большой аудитории. Не сомневаюсь, что давит на жалость. Апеллирует к женской чувствительности, сбивает нас с толку. Именно этого добивается? А может, хочет, чтобы его убедили в обратном? – Инна раздражённо посматривает в сторону Белкова, но всё равно не может отделаться от тяжелого, томительного ощущения жалости.

А Белков тем временем делает паузу, шумно вздыхает, нервно трет кончик своего тонкого длинного носа и снова заводит свою «шарманку». Правда, его неистовство и ярость остыли и утихли так же быстро, как и вспыхнули. Он сразу поскуучнел. И в довершение всего на всех смотрел уже боязливо и как-то виновато.

– Я не точно выразился, легкомысленно оговорился, сказав... Мне отнюдь не доставляет удовольствия говорить. Со мной трудно и неудобно иметь дело... Теперь одним разрешают делать всё, другим – ничего! Как тут не остаться в проигрыше? Как научиться извлекать выгоду? Приходится действовать на свой страх и риск. Я не могу с этим свыкнуться. Мне противны ханжеские улыбочки и змеиные глазки. – Белков с трудом пытается собрать и связать свои разбредающиеся мысли. В них уже не звучат мятежные нотки.

– Нам всю жизнь в голову вбивали: героизм, честь, достоинство. И эти понятия прочно вошли, въелись в душу. А кому теперь нужны эти слова? Вдалбливали, что долготерпение –

наша национальная черта. Но ведь и терпению есть свой предел. Где найти истинную оценку событиям? По разношерстным отзывам газет? Задавили нас противоречивой информацией. А экраны телевизоров что несут людям? С ума можно сойти от всяческих хитросплетений. Всё из рук вон плохо! – горестно добавляет он.

– Будь добр, говори без вопросительных и восклицательных знаков, тошнит от них. Улавливаешь? Брось молотить чепуху и хватит строить из себя наивного, обиженного или блаженного. Держи свои чувства при себе. Дикторы говорят не для того, чтобы люди со всем соглашались, а чтобы задумывались, через себя информацию пропускали, выводы делали – энергично откликнулся на риторические вопросы Белкова парень из первого ряда, прерывая его затянувшийся экскурс в прошлое. Он говорил без сочувствия, но и без тени злорадства: твердо, спокойно и просто, словно густым частоколом уверенно отгораживал себя от старика.

– Утешаю себя мыслью, что человек живёт надеждой. Правда, теперь наши мечты и желания – глас вопиющего в пустыне. Я постоянно пребываю в депрессии. Такая глубинная тоска гложет!.. Остается искать утешение и «пить горькую», – ища себе оправдание и сочувствие, пристыженно, раздавленным безжизненным голосом наконец закончил Белков.

Его уже не рапировали противоречивые чувства. Он определил для себя стёжку-дорожку – жаловаться.

В разговор вступил Сидоренко, внешне неприметный, но въедливый лаборант, неясно каким путем попавший в модульную мастерскую год назад сразу по окончании ПТУ.

– И поделом тебе. Надоело выслушивать твои маразматические бредни. Кому ты теперь нужен со своим замшелым героизмом? Уцелел, вот сиди и радуйся, замаливай старые грехи. Я выведу тебя на чистую воду, как ты того заслуживаешь. Что вытарачил глаза? Не корчи из себя несчастного. Не притворяйся шлангом.

Осточертел, блин, кондовый старик! И как с такой дремучестью ты изловчился попасть в инженеры? Решил, что если поднаторел чуть-чуть в науках, так теперь имеешь право учить нас до самой своей смерти? Какое самомнение! И на хромой козе не объедешь. Нетушки, устарел ты, батенька. Псу под хвост твои излияния. Пакуй вещи, дедуля. По этой жизни со старым багажом редко кому удастся проскочить. И с чего ты взял, что все должны быть счастливыми? Только те, кто сумеет. Думай, прежде чем высказываться. Бубнишь, как долгий осенний дождь! Заснуть можно под твоё нытьё. Долдонит, блин, долдонит о своём призрачном счастье. Может, чего доброго ещё расплачешься? Едва не свел с ума своей болтовней. Хватит причитать, прикуси язык. Думаешь ты один такой умный и разговорчивый?

Никто не одернул невоспитанного парня. Похоже, все были поглощены своими мыслями.

– Ты меня слушаешь до обидного невнимательно. Тебе что, уши заложило? Нашёл время вскрывать болячки общества, а заодно и свои! К чертям собачьим твои вонючие стоны. Мы не нуждаемся в твоих, блин, речах. К чему задаваться подобными вопросами, попусту раскачивать людям нервы? От твоих слов пользы, что от полива огорода после продолжительного ливня.

Собственно говоря, мечтать, может, и не вредно, только что может дать констатация выдуманных фактов? Окати себя ледяной водой реальности, посмотри правде в глаза, не прячься от неё. Любопытно то, что всё вокруг происходит независимо от того, хочешь ты этого или нет. Оно просто происходит, и к твоим желаниям, старик, это не имеет никакого отношения. И у простого народа никто не спрашивает, нужно ли ему это или нет. В своё время вы уже проделали нечто такое... только много худшее. А на сегодняшний день у вас, видите ли, проблемы!

Вот ты сейчас прокукарекал, а что толку? Что сдвинулось с места? Правильно говорят, что человек раскрывается в несчастье. А у тебя на роду написано: не высовывайся. Ты ни на что не годишься. Вот увидишь, выгонят тебя. Дадут пинка – не успеешь и чирикнуть. Нутром

чувствую, прихлопнут тебя, как муху, и уйдёшь ты не с цветами, а под оркестр неодобрения. С треском уволят. С лестницы спустят.

С задних рядов кто-то зашикал на распоясавшегося юнца. Но это не возымело желаемого действия, напротив, воодушевило. Его слушают! И он продолжил:

– Думаешь, пронесёт? Не надейся. И будешь, старик, искать себе работу по графаретным объявлениям типа: «Кандидат биологических наук быстро и грамотно окучит вашу картошку» или «Райсобесу требуется вышибала», «Мясокомбинату нужны рабочие-вегетарианцы».

А вообще, единственно подходящее место для таких, как ты, – кладбище. Катись туда ко всем чертям и лежи там себе полёживай... Путаешься тут, блин, под ногами. Получил по рогам, козёл?» – теряя остатки совести, презрительно выпаливает Сидоренко короткие враждебные фразы, дающие уму злое удовлетворение.

Он явно вошёл во вкус, и, приклеив на лицо придурковатую улыбочку, упивался своей наглой речью. Как же, заставил всех обратить на себя. Обычно молчаливый, отчуждённый, малоприятный в общении, здесь он непринуждённо перепрыгивал с «ты» на «вы» и громкой грубой скороговоркой приводил в замешательство присутствующих. Он был без ума от своей смелости, он восторгался звуками своего собственного голоса!

И все взгляды на самом деле обратились к неожиданно возникшему оратору. Неприличная, скандальная выходка шокировала многих. Лаборант говорил с места, сидя, бесцеремонно откинувшись на спинку стула, лениво покачивая ногой, закинутой одна на другую. Он никогда не выступал на собраниях, но похоже было, что сел на своего любимого конька – валить все беды на старших и презирать стариков.

Такое дерзкое изъяснение чувств вызвало в задних рядах зала новый взрыв откровенного негодования, выразившегося в хаотичных выкриках, которые, впрочем, достаточно быстро затихли.

Неподготовленному человеку резкую отповедь трудно снести. И Белков опешил. Инна нарушила молчание:

– Наступила зловещая пауза. Устав от бури, природа безмолвствует. Начну с того, что мы стали очевидцами сцены, красноречиво свидетельствующей об омерзительном, безответственном и нелепом садизме, напоённом чрезмерной жестокостью, – строго продекларировала она. И в этот момент очень напомнила сама себя лет тридцать пять назад. Но это её несколько не смутило.

Белков внезапно обрел речь:

– Нерадивый, не обременённый постами, должностями... ни умом, ни воспитанием, неприметный даже на уровне заурядности. Конечно, не всем суждено стать наполеонами... Решил, что произнес приличествующую моменту шикарную речь? Закончил свои умозаключения? Из кожи вон лезешь? Тебе главное больше нагромоздить гадостей, по обыкновению не вдаваясь в подробности, в суть дела. Обнаглел. Думаешь, обойдётся, не аукнется... Ты – не человек, а жертва недоразумения, – тоном, полным злой иронии, проговорил Белков. – И где только такие типы произрастают? И вас, таких непутевых, к сожалению, больше, чем хотелось бы. Я и раньше был по горло сыт твоими вывихами, твоей настырностью, неумением и нежеланием работать. Глаза тебе застилает туман глупости. Что с тебя взять?

Белков вдруг сжался, точно кто-то жёстко сдавил его безвольные тощие плечи, и замер в приступе панической растерянности.

Оторвавшись от статьи, Елена Георгиевна лихорадочно взглядывается в лица окружающих её людей, рассчитывая обнаружить некие внешние признаки сочувствия. Почему ни у кого не поднимается рука одернуть грубияна? Сама она никак не могла отделаться от тяжёлого, брезгливого ощущения, вызванного выступлением Сидоренко, но не вступала в разговор, не желая выслушивать от мужчин обычные укоры женщинам: «Опять все перегрызлись». «В

конце концов, чья прерогатива быть защитниками своих подчинённых? У обоих есть руководители. Один на один я бы быстро поставила мальчишку на место, но лезть без их ведома в «чужой огород» не принято, – раздражённо размышляет Елена Георгиевна.

Безучастно-задумчивый Дудкин под пристальным взглядом Елены Георгиевны поспешно уткнулся в окно. Равнодушно-величественный Ивонов опёрся локтями на исписанную крышку стола, водрузил свой трёх-ярусный ступенчатый подбородок на прижатые друг к другу кулаки и погрузился в глубокомысленные соображения, наверное, по поводу своих проблем. «Молодой, а уже отрастил себе «шикарное жабо». Может, больной? – сочувственно подумала о нём Елена Георгиевна. Власьев вздрогнул, выйдя из состояния летаргического сна, каким обычно сопровождал монологи шефа, и устало, но беззвучно, одним жестом, изъявил своё несогласие. В нём смесь трусости и наглости очень быстро меняла свой процентный состав в зависимости от ситуации.

Щербаков, точно желая избавиться от навязчивого видения, встряхивает головой и протирает глаза. Его принцип: «Я не я, эта хата не моя. На всех души не хватит». Это заглазно он с удовольствием костерит начальство, особенно, после рюмки. Он не любит присоединяться ни к какому «хору», не хочет ни перед кем расшаркиваться, предпочитая оставаться в стороне. Поэтому сейчас торопливо занялся составлением и заполнением каких-то бумаг, лежащих перед ним, делая вид, что чем-то очень озабочен. Елене Георгиевне вспомнилась фраза, произнесённая телеведущим какого-то шоу: «Где у таких мужчин находится точка «джи»? На пульте телевизора? На дне рюмки?» Но тут же у неё мелькнула другая мысль: «Не слишком ли крепко достаётся от меня мужчинам? Я их щажу. Женщинам я в лицо не такое ещё говорю. Они адекватно воспринимают критику».

Председатель профкома сидит с лицом, приличествующим его теперешнему положению. И на заднем плане взбаламученное, но молчаливое море людей. На приставном стуле сидит Шибин из слесарной мастерской. Он всегда радостно-довольный, беспроблемный. Этакая тощая, костлявая, добродушная громадина. Он не одобряет Сидоренко своими широко раскрытыми, удивлёнными глазами. Нина Петровна из бухгалтерии – обычно уютная, милая и доброжелательная – растерянно моргает длинными белыми ресницами. «Всё, что происходит у неё дома, её волнует больше, чем работа. Наверное, для женщины её типа это правильно. А может, безразличие – защитная реакция организма в наше сложное время? Хотя какое такое сложное время? Все времена по-своему сложные. И вот что меня занимает: отчего все эти, поодиночке, в общем-то, хорошие люди, вместе, в коллективе, сильно дешевеют? Излишняя тактичность или зависимость тому виной?» – думает Елена Георгиевна.

А грубые, хлёсткие слова, как градины, продолжают сыпаться на голову Белкова. На галёрке зала, как неожиданный порыв ветра, опять пронёсся шелест возмущения.

– ...Об остальном, учитывая границы моей компетенции, промолчу. Мне подвернулся удобный случай, и я воспользовался им, чтобы высказать своё мнение. Когда ещё такое представится? Для меня было огромной честью и удовольствием выступать перед столь представительной публикой. Искренне признателен всем присутствующим, – развязной артистической тирадой закончил свою речь Сидоренко, очень довольный собой.

Он вскочил со стула и, с невыразимым бесстыдством глядя на Белкова, отвесил ему насмешливо-торжественный, церемонный поклон. Потом галантно оправил свой выдавший виды пиджак, оглядел зал, чтобы дополнительно получить удовольствие от оказанного ему внимания (о яркий миг мимолётной славы!), и с удивительно невозмутимым, беззаботным, даже безмятежным видом – очевидно вполне удовлетворённый увиденным – размашисто сел на своё место.

Елена Георгиевна подумала горько: «Похоже, он преисполнен высокомерия. Наверное, думает о себе: «Какой я умный!» Может, даже пребывает в самонадеянной уверенности, что является предметом всеобщего восхищения. Считая свою концепцию единственно верной, он

не догадывается ни о своём скудоумии, ни о явной невоспитанности. И это самое страшное». Она готова была вскочить с гневной отповедью, даже чуть привстала, стараясь рассмотреть то место, где, по её предположению, с наибольшей вероятностью должен находиться Сидоренко. Но головы и спины надёжно скрывали от неё неприятный объект её брезгливого внимания.

Инна опередила ее:

– Ого! Зрелище поистине захватывающее. Ну и молодёжь, я вам доложу! Устроил «малыш» старику Ватерлоо. Шут гороховый. Тормози. Кому ты задал унизительную трёпку? И как только ты позволил этим гнусным словам сорваться с твоего поганого языка! Мальчишка! Рехнулся, что ли? – громко возмутилась она и сердито взглянула в сторону зарвавшегося Сидоренко.

Она брякнула первое, что пришло ей в голову и, похоже, это принесло ей облегчение. В зале повисла согласная тишина. Но Белков не отреагировал.

После безапелляционной речи «подмастерья» Сидоренко, как полушутя всегда называл этого лаборанта Белков, лицо его ещё больше омрачилось, и он стоял с выражением угрюмой пришибленности. Только пальцы рук то сжимали потертые полы куцевого пиджачка, то нервно теребили пуговицы. Он как бы сдерживал себя, подыскивая нужные слова. И вдруг вскинулся, точно нечаянно задел оголённые контакты заряженного конденсатора, быстро облизал пересохшие губы, повернулся лицом к обидчику и глухо выдавил сквозь изъеденный частокोल мышинных зубов:

– Много себе позволяешь! Возьми назад свои мерзкие слова. Не вижу предмета для зубо-скальства. Я вынужден заявить, что неизвестно ещё, как твоя жизнь обернётся. Думаешь, с прошлым окончательно покончено? Такие, как ты, позволяют надругаться над памятью... Прошу принять во внимание, что я имею достаточно сведений, подлинность которых не подлежит сомнению...

Зачем понадобилось меня оскорблять? Хочешь, чтобы я тоже обижал, оскорблял, или не допускаешь, что это возможно? С таким характером ты никуда не устроишься и нигде не удержишься. Скажи спасибо, что тебя пока здесь терпят. Или считаешь, что нет на таких, как ты, управы? Найдётся! Надеюсь, и мне ещё представится такая возможность. Думаешь, старые мозговые извилины уже не работают? Я могу подписаться под каждым своим словом, – неожиданно для всех угрожающе холодно начал Белков, успев оправиться от замешательства. И тем ввёл всех в заблуждение.

Казалось, ещё миг – и он разразится какой-нибудь безобразной вспышкой гнева или нелепым поступком. Но, видно, этими словами, произнесёнными для поднятия собственного имиджа, Белков просто пытался спастись от поражения в жёстком споре с молодым нахалом. На большее его не хватило. И это согласовывалось с его характером.

В мыслях мы часто допускаем то, чего в жизни никогда бы не сделали. Размышляя, мы сбрасываем отрицательные эмоции, в своём воображении больше и злее ненавидим, готовы убить, ни на миг не ослабляем смертельную хватку, неоднократно проигрываем сцены унижения и падения врага. Человеку свойственно бороться, укреплять, расширять и защищать своё жизненное пространство. Но то ведь в мыслях... Вне всякого сомнения, Белков не полностью отдавал себе отчет в том, что говорил.

Ответа от Сидоренко, конечно, сразу не последовало. Он собирался с мыслями.

И тут встал аспирант Миронов – он был из деревенских, – сверкнул светлыми глазами и молча пошел по направлению к Сидоренко. Зал настороженно замер. Непредсказуемая ситуация. Миронов спокойно подошел к «герою», положил свою крепкую руку ему на плечо и, даже не сжав его, дал понять о своём радикальном намерении. Сидоренко также молча, как под гипнозом встал, медленно вышел из своего ряда и проследовал к двери. И только перешагнув порог зала, опрومتью бросился наутёк.

«Нашёлся-таки человек, выпроводивший наглеца», – удовлетворённо подумала Елена Георгиевна. И ей показалось, что весь зал вздохнул с облегчением.

И вдруг Белков издал мефистофельский смешок. На лице старика неожиданно промелькнула горделивая усмешка. Точнее сказать, он просиял страшно-счастливой, затаённой улыбкой, буквально на одно мгновение с победным видом глянул на присутствующих и тут же опустил глаза к полу. Только, видно, не сразу справился с лицом. Многие заметили, что глаза его в тот момент смотрели недобро, словно давая немое заверение в том, что ещё допечёт он всех своими высказываниями; в затравленном взгляде мелькнули злые колкие искорки, и это никак не вязалось с его предыдущим жалким, растерянным видом.

Синеватые склеротические жилки под дряблой кожей его длинного тонкого носа на фоне побледневшего лица потемнели ещё больше, и это тоже наводило на мысль, что много ещё произнесённых слов осталось в преклонённой голове выступавшего, с тайным удовольствием предвкушавшего что-то для всех неожиданное.

Ропот прошёл по рядам. Недовольство зала было столь непритворным и очевидным, что оно не ускользнуло от внимания профессора Святковского, который, занятый своими мыслями, невнимательно следил за развитием спора и бесстрастно взирал на «разминку» сотрудников. Он сдвинул брови и быстро обернулся к Катасонову. Они обменялись недоуменными взглядами.

И тут Белков весь сжался, будто ожидая удара, потом вяло «опал». «И кому нужен этот затяжной, нудный, конфронтационный спор? Представляется мне, что речи некоторых людей, обладая на первый взгляд всеми признаками разумности и даже некоторой глубины, на самом деле не несут информации, заслуживающей внимания. В них нет смысла. – Елена Георгиевна успокаивает себя; пальцы, выбивавшие дробь на папке с отчетом, она сжала в кулаках, чтобы они не выдавали раздражения от вынужденного безделья. – Мне-то рассиживаться некогда – основная работа на кафедре ждет, – но ведь приходится терпеть, бред всякий выслушивать. Вот хотя бы этого потерянного Белкова, несуразностью своей вызывающего жалость.

Высох весь, потемнел. Сухой блеск слабовидящих глаз, в которых глухая изолированность выцветшей старости. Кажется, что тонкая нить его жизни готова оборваться, не выдержав груза печали. Какой смысл ему с таким пылом продолжать бессмысленный разговор? Эта тема не для собрания. Кому нужны его мысли-черновики? Зачем он цепляется за остатки заученных фраз и лозунгов? Он будто живёт в тягучем прошлом, во сне.

А этот Сидоренко? Как он позиционирует себя в современной жизни, в коллективе? Похоже, он из тех, которые весело появляются и легко уходят. Наверное, здесь долго не задержится. А потом что с ним станет? Надеюсь, этот диспут больше не повлечёт за собой скольконибудь значительной потери времени и мне удастся извлечь из собрания что-то путное... Что-то шеф застрял».

Елена Георгиевна окидывает быстрым взглядом весь зал: кто деловито строчит в своём блокноте, кто внимательно, с глубокомысленным видом погрузился в раздумья, некоторые торопливо просматривают компьютерные распечатки и роются в ворохе отчётной документации – и на их лицах тоже отражается сосредоточенная работа ума. Зевота раздрает челюсти Ивонова. Чашка кофе ему сейчас не помешала бы. Чувствуя ответственность момента, сидят притихшие, присмирившие инженеры его группы.

А технологи задумчиво устались в окно, дипломатично уклоняясь от неприятного спора. Там, на фоне серого неба, безуспешно пытается пробиться сквозь плотную хмарь чахлое, бледное осеннее солнце и продолжает одиноко торчать неподвижная стрела башенного крана. Рядом, на здании мэрии, колышется трехцветный флаг. Сегодня он вялый, безвольный. А на другой стороне площади добрый ангел на стеле, распахнув приветливые руки, желает укрыть своим широким плащом всех страждущих. Мелкий дождь всё ещё оставляет на оконных стёклах, долго глотавших городскую пыль, тонкие косые автографы. По мокрому, свежо

чернеющему изломанному асфальту, нескончаемым нашествием фантастических жуков-роботов, ползут машины. По тротуару истаивающими в сумраке тенями мелькают силуэты людей. Приоткрытые фрамуги огромных окон НИИ упорно доносят монотонные, утомительные до головной боли шумы улиц – звуки жизни быстро разросшегося города.

Елене Георгиевне вспомнилась деревенская школа из её детства, урок истории. Вот так же, на подоконнике, сидела унылая мокрая ворона, и ветер хлестал дождем по стёклам, тополя сердито размахивали ветвями... И в том тоже была какая-то символика.

«А если стать на позицию Белкова? С его колокольни иначе всё смотрится, его даже можно понять, но никак не оправдать. Почему все молчат? Безразличны? Не одобряют старика? Самим тошно. И у меня есть веские причины прилюдно воздерживаться от всякого вмешательства в его проблемы. А почему молчат профессора? Им же ничего не стоит направить разговор в нужное русло. Дают самому выговориться? Для них это слишком мелко?» – озабоченно думает Елена Георгиевна.

– Очень содержательная дискуссия! Актовый зал превратился в поле сражения спорщиков по пустякам. В словесной дуэли выигрывает тот, кто наглее и грубее. Зарубин состряпал и запустил настоящее шоу! Сколько нам понадобится времени, чтобы разгрести эту кучу мусора? – с фамильярностью старой знакомой торжественно и громко провозгласила Инна и быстро оглянулась на Елену Георгиевну, ожидая её неодобрительного взгляда. Она меньше всего желала навлечь на себя гнев подруги, потому что новых настоящих друзей в этом коллективе она не приобрела и крепко держалась старых привязанностей, но в силу своего невоздержанного характера не высказаться не могла.

– А Щукин переметнулся в лагерь... – Инна замерла на полуслове.

«Опять сделала глупость? Ленка никогда не выдаёт всего, что творится у неё в голове, а мне никак не удаётся научиться «помалкивать в тряпочку». И почему я считаю своим важным личным делом каждую минуту влезать в разговор? Ничего не могу с собой поделаться. Натура такая! – весело корит себя Инна. – По жизни я никогда ничего наперёд не рассчитываю, следую интуиции, и если в чём ошибаюсь, так это мои ошибки, и я ни на кого не обижаюсь. Просто я делаю то, что на данный момент считаю правильным или возможным. Я не задаю себе лишних вопросов, принимаю жизнь как нечто само собой разумеющееся и не «выступаю в роли провидца».

Мелочная суэта «высокой» политики меня не касается. А Ленке хватает одного взгляда на ситуацию, чтобы опровергнуть любое моё предположение. Ну и что из того? Строго говоря, она логик. Она даже способна находить причину по следствию. Зато я умею радоваться жизни, поэтому выгляжу моложе, привлекательнее. И на фоне серьёзных «монстров» с тяжёлыми характерами – я ангел. *(Эта мысль возвысила её в собственных глазах.)*

Если верить Елене, мне вменяется в вину болтливость. Но разве милая болтовня не украшает женщину? Об этом ещё литературные классики говорили. Не могу взять в толк – чем лучше понуро молчать? Как-то сравнила меня с Серафимой: «Непрошено вторгаешься в жизнь людей! Опять начинаешь «заправлять арапа»? Не давай повода для пересудов. Твои хитрости шиты белыми нитками».

Обидела. Серафима сводит-разводит, оговаривает, а я только констатирую факты и вывожу подлецов на чистую воду. Понимать надо разницу! А недавно, говорят, Ленка высказалась: «Я безуспешно пытаюсь вразумить свою ветреную коллегу». Не верю своим собственным ушам! Ну и ладно, переживу!»

Инна понимала правоту Елены, но ей было приятнее придерживаться своего мнения, и она его придерживалась.

А Елена Георгиевна уже не замечала подруги и сидела в грустной задумчивости. Пока шёл пустой спор, много мыслей о работе успело промелькнуть в её голове. Потом она «умчалась» в недавно ушедшие года.

«Обидно за ученых, погибают в бездействии без настоящей работы. Много истинно талантливых инженеров стойко переносят ломку, перестройку. А вот Катасонова подкосили неудачи, и у Левича залегла у рта грустно-ироничная складка – он лучших аспирантов потерял. От этого удара ему уже никогда не оправиться. Жаль, и больше ничего тут утешительного не скажешь. И всё же не бросают они заниматься научными изысканиями, не сбегают за кордон, дожидаются нормального финансирования, верят. И я настроена умеренно-оптимистично: трудиться надо при любых обстоятельствах. А вот некоторые, работая за копейки, в борьбе за существование становятся мелочными. Что скрывать? И этот момент тоже присутствует».

– Молодых жаль, упускают драгоценные годы плодотворной работы, – неожиданно для себя вслух произнесла Елена Георгиевна.

Инна вмиг подхватила тему:

– А ты как начинала много лет назад?

Елена Георгиевна улыбнулась ей.

Инна затихла, вспоминая свой разговор с Еленой после их долгой разлуки, когда, не щадя своего самолюбия, та рассказала ей вкратце об основных событиях своей жизни и, уже не удивляясь самой себе, выкладывала самое сокровенное. Истосковалась, видно, по близкому, с детства дорожному человеку.

5

Шум собрания отвлек Инну от мыслей о Лене.

– ... Не надоело вам, господа-товарищи, погружаться в свою молодость? Мы все во многом ещё не вышли из ситуации конца двадцатого века, зато кляп из горла вырвали, заговорили свободно. Поистине, огромное облегчение и удовольствие иметь возможность безбоязненно открывать рот. – Это подал голос Шувалов, самый молодой инженер из группы наладчиков.

– Должен признаться, я не горю желанием идти на баррикады, для меня сейчас важнее молча получать хорошую зарплату, – горько усмехнулся Белков.

– Ваши слова – неопровержимое свидетельство закоренелого пессимиста. Если для вас погасли звёзды, то они вообще не существуют, так, что ли? Нет гармонии в человеческом обществе, она есть только в природе, да? Воспринимайте нынешнюю жизнь как данность, не нойте. Нечего сопли жевать, воюйте. Или пусть другие стараются, а вы отсидитесь в пыльном уголке? – жёстко спросил Шувалов.

«Раньше у нас хорошим тоном считалось поучать молодых, а теперь молодёжь за стариков взялась. Она стала менее наивной, более циничной, её трудно чем-то удивить». – Елена Георгиевна неодобрительно качнула головой в такт своим мыслям.

– Привыкли на сознательной интеллигенции выезжать. Зарплата инженера и учителя всегда была поводом для насмешек, а теперь вообще... – поддерживая Белкова, недовольно отмахнулся от молодых инженеров Симонов из группы Дудкина.

– Хватит спорить. Дискуссия начала принимать затяжной характер. Выше истины всё равно не поднимется. Ссориться – это без меня. Вы меня очень обяжете, если все разом дружно умолкнете, – раздражённо повысил голос Дудкин и поднял руку, призывая к всеобщему вниманию. – Мы чересчур уклонились от предмета нашего обсуждения и от мысли, на которой я всё время настаиваю.

«На чём он настаивал? Какой нежелательный оборот его беспокоит? Я что-то пропустила?» – удивилась Елена Георгиевна.

Но разговоры на посторонние темы не прекратились. Шум возникал то в одной части зала, то в другой.

– ...Это Симонов-то сознательный? Вот бестия! – с веселой злостью, так ей свойственной, запротестовала Инна тихо, но так, чтобы услышали подчинённые ему программисты. – Ничтожный, пустой человек, а карьеру сделал. Проныра. Три извилины, а уверен в себе, как слон. Самодовольный, вероломный. Мораль для него второстепенна, и вопросы щепетильности всегда отступают на задний план. Только палки в колеса коллегам вставлять способен. Тот ещё типчик, я вам скажу! За ним и до перестройки кое-какие делишки водились, но он всегда ловко концы в воду прятал. Представляете, утверждает: «Кто ловит, а кто упускает возможности». Теперь, мол, бесплатно и воробей не чирикает, а я человек с тонким логическим и психологическим мышлением». Какое самомнение! Есть люди, которые много отдают, а есть те, что больше брать предпочитают. Он из последних.

Одно у него в голове – жёнушке угодить. Стервозная она у него. Её орудие пытки – слезы. Никогда не оставляет мужика в покое. К тому же заставила его забыть о мечтах молодости и принудила вкалывать на нелюбимой работе. Говорят, с годами она несколько поубавила пыл желаний, но столь же властна, как и в молодые годы. А он со зла наладился к одной вдовушке. Её имя замнём для ясности. Прибавлю: втюрился он в неё крепко. Я была поражена этим открытием. Сколь ни велико было моё удивление, но изумление жены было неизмеримо больше! Надо же, подкаблучник – а туда же! Дело ясное, что жизнь у него тёмная. Жена бегаёт за ним, едва на пятки не наступает, но пока не поймала на месте преступления, – не без злорадства добавила Инна.

«Инна Григорьевна, конечно, говорит правду, только кому она нужна и какая от неё польза? И зачем она жену Симонова трогает? Это же сплетни, – думает Лиля, инженер из группы Лены. – Ох, достанется ей сейчас от Елены Георгиевны!»

А та напрягает слух, но едва различает отдельные слова. Инна продолжает:

– Этот Симонов доставил мне много неприятных минут. Не могу обойти молчанием тот факт, что от него можно ожидать чего угодно. Вот вам случай, лучше сказать, скандальный казус, расставляющий всё по своим местам, он, кстати, очень его характеризует. В ту пору мы вместе в «ящике» работали. Никогда не забуду, как он однажды перебил договор у конкурента и застолбил за собой, – удалось протащить свою идею, хвала ему за это – ловкий был ход. Обделал свои делишки, действуя с помощью лести и мзды, – и в дамки. Только оказался хапугой. Всё себе заграбастал. Наши советы выслушивал и за нашей же спиной всё по-своему проворачивал. Весьма немногие считали происшествие делом его рук, а я всё разнюхала, раскопала и разгадала. Ему хорошо, но мы-то – зубы на полку на целый месяц. А он и в ус не дует. История неожиданно выплыла наружу, и Симонов слетел с должности. И всё было бы ничего, только результаты его аферы оказались совсем неожиданными. Вышло ещё хуже, чем я предполагала: нас всех отправили в бессрочный отпуск. А через год я ушла из-под его начала и вот теперь у вас в НИИ вкалываю. Спасибо, подруга детства выручила, не бросила в беде, её стараниями я тут. Не пришлось мне скитаться в поисках работы.

Смотрю, и Симонов сюда перескочил. Теперь, естественно, я с ним не в ладах, – повысила голос Инна на последних словах. – Не с лучшей стороны он продолжает проявлять себя и здесь. Я нисколько не удивлюсь, если снова услышу о нём нечто этакое. Не зря говорят, что от обозлённого труса можно ожидать самой жуткой подлости. Кожей чувствую: подведёт он вас под монастырь. И как шеф не разглядел этого льстеца? Зачем принял его на работу? Женщин на лесть не возьмешь, а мужчины быстро на неё покупаются, даже самые умные. Необъяснимый факт!

Елена Георгиевна услышала последние фразы из монолога подруги и сразу дипломатично отреагировала:

– Позволь не согласиться с тобой. Ты вольна рассуждать, как хочешь, я не навязываю тебе своего мнения, но зачем о коллегах так огульно и бездоказательно? Конечно, мужчины часто не оправдывают наших ожиданий, только начальству видней. Вряд ли мне стоит говорить о том, что нам всем сейчас трудно. Но сильные люди в будущее смотрят, а слабые за прошлое цепляются.

Раньше предприятия обязаны были наукой заниматься, и всем нам работы сверх головы хватало, а теперь молодёжь обманом вырывает и без того редкие договоры. Конкурсы ведь выигрывают те, кто за разработку проекта меньшую цену запросит. Но ведь какие деньги, такое и качество. А мы на совесть привыкли трудиться, вот и маемся за гроши, лишь бы не потерять работу. Но не будем предаваться унынию, – добавила Елена Георгиевна и прислушалась к словам мужчин-спорщиков.

«Что-то сегодня прелюдия слишком затянулась. Болтают как заведённые, душу отводят. Шеф ещё «на проводе с Москвой», – поняла Елена Георгиевна и, зябко поведя застывшими плечами, закрыла глаза и как бы отключилась.

Почему-то перед глазами поплыли картины лета шестьдесят восьмого года, волнения в Чехословакии, беспокойство за подругу, вышедшую замуж за чеха. (Интригующая история!). Потом была странная осень. Очень рано ударили морозы. Двадцать пять градусов! И зелёные обледенелые листья деревьев представляли неестественную, сюрреалистическую картину... В то утро ветер ошеломлял, душил, хлёсткая снежная крупа опаляла щёки. Ей холодно, очень холодно бежать на лекции в тонком пальтишке из кожзаменителя. По лицу текут леденящие струйки таящего снега, они будто жёстко ощупывают его. Она прячет лицо в ладонях и поворачивается к ветру спиной. Не помогает. По пути забегает в магазины перевести дух и немного погреться...

Её мысли вдруг перескочили на совсем недавнее. «Она идет по площади Ленина. Перед памятником вождю стоит жалкая кучка людей с красными флагами, которые рвет у них из рук холодный порывистый ветер. Молча стоят, без всякой рисовки. С жадным любопытством их разглядывают идущие в школу дети. Ей неловко за «демонстрантов», за то, что не понимают они нелепости и бессмысленности своей акции. Даже озноб по спине пробежал при виде их унылого стояния. Но судить – это удел других. Люди имеют право высказывать своё мнение. Теперь можно. Как там, в шестидесятые годы в студенческой песне пелось? «Свобода, брат, свобода, брат, свобода...».

Это на работе я никогда не ошибаюсь в своих симпатиях, и всегда действую наверняка, а тут... Зачем пришли? Им уже успели надоесть вошедшие во вкус новые политические демагоги? Надо же, будто насмерть стоят. Один из демонстрантов начинает грубо поносить сегодняшнюю власть, отчаянно заслоняясь от милиционера красной книжкой члена коммунистической партии. Обветренное лицо молоденького стража порядка дрогнуло. Опустив голову, он отошел от старика на почтительное расстояние. Мне показалось, что посмотрел он на выступавшего уважительно, как на человека, бросающегося на амбразуру.

За спиной молодого милиционера находился пожилой. Меня поразило его мрачное грубое величие. Стоял словно памятник прежним временам.

Я сделала над собой усилие, решительно прервала эти ненужные для меня, неожиданные переживания, и слегка притормозив, прошла мимо. Меня ничем не удивишь, ничем не собьешь с толку. И всё-таки горько, безрадостно стало на душе, обидно за стариков, за их героическое прошлое, за теперешнее слепое упорство... Их жизнь прошла между революцией семнадцатого года и девяносто первым годом, а моя – началась великой Победой и... всё продолжается. О чём из своей жизни я чаще всего вспоминаю, наблюдая за демонстрациями коммунистов? Как «плечом к плечу отважно» шептались на кухне в брежневские времена? Потому что в прессе ни слова об ошибках, только о победах. Но не хулили, не кидались топтать, не присваивали

себе права унижать. Терпимость проявляли по отношению к тем, кто открыто возникал. Но пальцем не пошевелили, чтобы что-то изменить. Непреднамеренно пассивными были в политике, заикленными на работе. Шли по пути отказа от всего, кроме науки. Так, нехотя, в про-брос иногда упоминали, конечно, о проблемах в стране... А у женщин ещё домашние заботы, дети. Не до политики.

Свернула за угол. Когда фигурки на площади пропали из поля зрения, я с облегчением восстановила дыхание. Даже самой себе не хотела признаваться в том, какое тяжёлое впечатление производят на меня подобные встречи. Чтобы как-то переломить смутное состояние души, я в тот день обернула душу покрывалом бытовых забот и подальше затолкала её в надёжную скорлупу – спрятала от жестокости жизни, совсем как в детстве».

6

Недавнее прошлое из головы Елены Георгиевны исчезло как след от упавшей звезды. Но охватившему её наплыву чувств не было конца. Этому способствовала монотонная, нескончаемая дробь дождя, доносившаяся с улицы через форточку. Наконец её отвлék резкий хлопок двери. Стряхнув с себя столбняк воспоминаний, она подумала: «Старею, коль тянет в прошлое. Рановато мне сдавать позиции».

Громкий голос вернувшегося в зал Ивана Петровича окончательно привел Елену Георгиевну в чувство.

– ...Так вот, я так вам скажу, – начал свою мысль шеф, – как я уже говорил, хватит бодаться. Мы доберёмся когда-нибудь до сути? Так мы ни к чему не придём. Заканчивайте разминку. Лады? Белков, откровенно говоря, вы не самое удачное время выбрали для жалоб. Надеюсь, эти внутренние дискуссии не станут предметом нездорового ажиотажа в институте. Товарищи, вы все меня очень обяжете, если разом, дружно умолкните. *(Вот от кого Дудкин перенял это обращение, шефа копирует.)* Или хотите услышать в свой адрес нелестные замечания? Попрошу отнестись к моим словам серьёзно. Настраивайтесь на волну собрания.

– Усовестил? – гаркнул Иван Петрович в сторону галерки. – Так-с, вернемся, так сказать... к нашим... так сказать... баранам. *(Как двусмысленно прозвучала эта фраза!)*

Все смолкли. Заседание вошло в нужное русло. И будто не было жёсткой перепалки, тихих яростных препирательств. Елена Георгиевна с тревогой ждала речи шефа, но, придавая шагу степенность, на сцену вышел руководитель группы программистов Дудкин, маленький, узкоплечий, сутуловатый. Его вялые, выпуклые, серые глаза на узком невыразительном лице осторожно задвигались. Он осмотрелся по сторонам, выпрямил спину, словно готовясь произнести нечто значительное. Лоб его отразил напряжённую работу мыслей. Дудкин начал выступление с важного внушительного покашливания.

– Приведу некоторые свои соображения по первой части текущего вопроса. Я предпочту начать рассмотрение этой проблемы с того, что обычно отвергаю даже вполне созревшие фантазии ввиду их непредсказуемости и посему невозможности воплощения, хотя по своему «теоретическому опыту» могу сказать, что подчас они наилучшим образом способствуют созданию нужного эффекта, необходимого в работе с заказчиком. И как все остальные способы они тоже имеют право на существование.

«Говорит вычурно, выстраивает сложные, закрученные фразы, которые не проясняют, а напротив, затегают главный смысл. Кругами ходит. Не претерпел никаких изменений его метод «испражняться» перед аудиторией, как чётко выразился о нём когда-то шеф. Каждый объясняется в меру своего понимания или непонимания», – со скучающим видом усмехается Елена Георгиевна и опять неожиданно ловит себя на мысли, что выстукивает пальцами нервную дробь.

– ...Только кропотливо отбирая и отбрасывая лишнее, мы достигаем завершенности, и это отличает нас от бредущих на ощупь. Я думаю, нет причин для беспокойства. Все понимают, что в любой работе естественны чередования подъёмов с неизбежными спадами. И в таком случае становится очевидным, что при прочих равных условиях и, разумеется, при той неременной оговорке, что известная степень длительности данного договора абсолютно необходима для того, чтобы достичь определённого результата, как мне кажется, метод Ивонова в данном конкретном случае был приемлем. Он помогал оттянуть время. Из сказанного мною совсем не следует, что этот способ всегда работает. Я хочу подчеркнуть, что в подобных случаях неординарное решение является возможным. Имея в виду эти соображения... равно как и ту степень взволнованности от понимания им содеянного... и потом, если принять во внимание... если уж на то пошло, он не для себя старался, и в этом не приходится сомневаться, – начал вдруг мямлить Дудкин, заметив неодобрительный взгляд шефа. И растерянное лицо его уже словно предупреждало: «Я буду во всём с вами соглашаться».

По неизменному своему обычаю Дудкин всегда хвалил тех, кого любит или поддерживает начальство. А тут не сработало привычное правило, сбой вышел. Не сразу он сообразил, что к чему и откуда ветер дует, поторопился воспользоваться моментом в собственных интересах. Ему бы подождать, понаблюдать за развитием событий, взвесить все шансы на победу. А он не уяснил себе, какого ответа от него ждут, поздно понял, что не стыкуется такое его выступление с мнением руководства, вот и стал с лихорадочной поспешностью корректировать свою речь, приспособив её соответствующим образом. Попытался круто взять в другую сторону, но не сумел мгновенно перестроиться, хотя всегда славился именно этим.

«Адвокат взял не тот тон и проиграл. Серьёзно влип!», – мелькнуло в голове изрядно струхнувшего Дудкина.

Постыдная поспешная готовность, с которой он начал отступать, смутила многих. Явственно послышался шёпот: «Так вот чем снискал расположение...» Дудкин, почувствовав настроение зала, насупился, благоразумно подождал, пока в зале уляжется смятение, потом приосанился и продолжил уже откорректированную им линию выступления.

А Инна уже «ощутила волну». «Говорит на подтекстах многозначительно, но не однозначно, пытается «надлежащим» образом осветить ситуацию. Над его выступлением, как он сам чувствует, многие внутренне забавляются. Куда ему! Он даже опасается открыто выражать своё доброе отношение и оценивать положительным образом хорошие поступки людей, к которым начальство не благоволит.

У Елены поучиться бы. Наслышана, как она в былые времена отстаивала для сотрудников сокращённый рабочий день в связи с химической и электромагнитной вредностью исследований, как добивалась вопреки желанию руководства выдачи всем бесплатного молока. А этот увидел недовольство на лице шефа, услышал металлические нотки в его голосе и сразу на попятную. Привык подлаживаться под готовое мнение руководства и всем по очереди подпевать согласно табели о рангах. Играет беспроницательную роль подхалима.

Да, я забыла маленькую деталь: время теперь другое. А Ленка всё равно продолжает защищать права своих подчинённых. Ай да Дудкин! Заговаривается до того, что совершенно не слышит самого себя? Это уже переходит всякие границы. Даже не позаботился о том, чтобы придать словам более пристойный вид. На его месте я бы поостереглась так открыто проявлять своё низкопоклонство, предъявлять и полоскать перед нами скудный реквизит своего ума. Цена этому – неуважение коллектива», – презрительно думает о Дудкине Инна.

– Таков ваш мыслительный взнос в сумятицу суждений Ивонова? Вы неразумно расточительны в словах. Разложите вашу сложную конструкцию идеи на простые составляющие. Нам сейчас не до абстрактных рассуждений, говорите по существу. Ваши конкретные намерения

и действия? Вы можете пролить дополнительный свет на происшествие? – холодно прервал Дудкина Иван Петрович. И, как бы между прочим, добавил:

– Не везет вам отыскивать золото, даже когда оно под ногами.

Почувствовав недовольство шефа, Дудкин совсем растерялся и снова «развернулся на все сто восемьдесят градусов». Только отступать «защитнику» было некуда, и он, внутренне холодея, продолжил свой сбивчивый монолог.

– Я намерен изложить... тут кстати будет сказать несколько слов в поддержку Ивонова. Короче говоря, моя мысль была о разумности выбора способа выхода из создавшегося положения. Товарищи, предлагаю вашему вниманию своё личное мнение. С моей точки зрения, не подлежит сомнению, что сделанное Ивоновым не лишено оснований и подходит к данной ситуации. Следует принять во внимание, что здоровый авантюризм в наше время полезен. В нём нет больших прегрешений и большой беды. В сущности, это было со стороны Ивонова, может быть, в высшей степени благоразумно. Важно, что он не был безразличен к работе. Он искал выход из ситуации.

Главная его трудность и, следовательно, вина, заключается в том, что он заранее не продумал путь к отступлению. Оплочал. В этом смысле естественнее всего каждому из нас представить себя на месте пострадавшего. Жаль, что уловка не сработала и не обеспечила положительную развязку сюжета. Не повезло, не купился заказчик на авантюру, ушлый попался.

Убедительно прошу всех не поддаваться панике без каких бы то ни было на то оснований. Не будем форсировать события. Сочтём, что никакого инцидента не было. Надо представить всё так, будто имело место маленькое недоразумение, мол, всё произошло по глупости, по неопытности, по молодости инженера. А пока, чтобы на время успокоить заказчика, отдадим предварительный результат опытов, а там глядишь – всё само собой и образуется, – придав своему лицу солидное выражение, снова попытался вступить за товарища Дудкин.

И при этом он бросил быстрый взгляд на Елену Георгиевну, будто ощупывая её. Конечно же, признаваться в том, что он уже допускал подобную ошибку, ему не хотелось, тем более что удалось благодаря «старушке» Елене незамеченным уйти в кусты, не подставив никого из своей лаборатории.

«Что это с Дудкиным? Зачем он восстанавливает коллектив против себя? Кому нужен такой расклад? Разве он уловил в глазах заместителя шефа признаки начальственного расположения? Пытается расчистить себе дорогу наверх, намеренно выгораживая сына высокопоставленного чиновника? В друзья к нему набивается, давая шефу возможность «слить» на себя плохое настроение, или здесь ещё что-то неявное кроется? А может, стремясь завоевать ещё чье-то расположение, проявляет минимум внимания к словам шефа?» – трезво рассуждает Елена Георгиевна и тут же остерегает себя от стремления залезть в дебри ей неизвестного. Но эти мысли навели её на более простые размышления:

«Дудкина используют только в «политических играх», а ему как об стенку горох. В работе он бесполезный человек для отдела, даже напротив. Уже то, как струсил в прошлый раз... Мог бы не высовываться, а он ещё раз предпринял попытку отгородиться от им же самим уже совершённого. Забыл, кому пришлось отдуваться, разгребать результаты его глупости? Шефу скажи спасибо, попросил тебе помочь. Я бы такого выгнала. Мозгляк. Демагог. Корчит из себя святошу, да что-то плохо получается. И Ивонов того же поля ягода. Даром, что блатной. Но ведь за что-то держат...»

Иван Петрович, пользуясь привилегией перебивать любого, в весьма решительной и резкой форме высказал своё возмущённое мнение по поводу выступления Дудкина:

– Хорош! Нечего сказать! Что это сегодня с вами? Надо же додуматься до такого! Вместо того, чтобы нацелить нас на решение проблемы, вы хотите затянуть нас в трясины? Глаз да глаз нужен за вами! На мой взгляд, ваше заявление не только абсолютно беспочвенное, но

и вредное. И вы осмеливаетесь предлагать мне такое? Вы всерьёз полагаете, что это выход? Безответственные действия никогда не заканчиваются удачей. Чего-чего, а этого добра у нас не меряно. *(Иван Петрович и Елена Георгиевна при этом обменялись согласными взглядами.)* Да, вижу и ваше поведение несет отпечаток времени. Выгораживая и покрывая Ивонова, вы идёте на поводу у эмоций и заступаетесь за лодыря самым возмутительнейшим образом! Он виноват. И я обязан его наказать.

Товарищи, я призываю всех к осторожности в выводах. Я проследил основные тенденции в монологе Дудкина. Бросается в глаза тот факт, что он исходит из неверных принципов. Дудкин, вы не опасаетесь, что вас неправильно поймут?

Не морочьте мне голову вздорными глупостями. Не люблю риска, превышающего возможности. Первейшей моей заботой является воспитание научных кадров. Пользуясь случаем, заявляю: авантюра – это всегда сомнительное предприятие. Иллюстрацией к этому служит неудачный опыт Ивонова. Дудкин, вы меня очень обяжете, если возьмёте свои слова обратно. Не забывайте, что отсутствие моральных границ неоспоримо и властно приведут нас к краху. Ивонов, мне удастся облегчить вашу участь, если вы срочно уберётесь с глаз моих долой. Я вынужден временно препроводить вас за линию огня. Сядьте подальше, может, это поможет вам думать.

Евгений Ивонов, не оказав сколько-нибудь энергичного сопротивления, примостился на табурете в укрытии за фикусом. Он понимал, что только когда шеф поостынет, можно будет приблизиться к нему на безопасное расстояние.

А Иван Петрович продолжал «рвать и метать», но тем самым не убавлял своей привлекательности в глазах Елены Георгиевны. Она знала недостатки шефа, но ценила достоинства, которые не затмевали ни его горячность, ни невоздержанность в словах.

– Яркая, обличительная речь, – тихо и сердито прокомментировала в пространство слова шефа Инна.

Рядом с фикусом послышалось тихое шипение:

– Жень, с катушек не слетел?

– Нет. Не съел меня шеф. Видно, на диету сел, – миролюбиво изрек голос с другой стороны развесистого комнатного растения.

«Не растерял ещё юмора Ивонов. Женька – он из разряда «обожаемых». Блатной, поэтому не боится попасть в немилость. Но, видно, и у него сегодня не всё обстоит благополучно. Чуть смутился, но быстро овладел собой. А может, и роль сыграл. Его дядя всем в городе заправляет, поэтому шеф шумит на него долго, а стегает слабо, и на многие его выходки смотрит сквозь пальцы. Не станет он чинить над ним расправу и тем более вымещать на нём плохое настроение, хоть и вывел его из себя именитый племянничек. Дело примет совсем другой оборот. Наверняка заставит кого-нибудь из нас хвосты за Женькой подчищать, договор его выправлять. И это уже не гипотеза, а неопровержимая истина», – думает Елена Георгиевна. И в её голове сразу заработал счетчик: кого? На каких условиях?

А Инна от скуки уже за Леонида взялась, на ивоновского дружка-прилипалу переключила внимание. Не преминула проехаться и в его адрес, шепча Елене Георгиевне на ухо:

– Смотри, Лёнька слушает всех чересчур снисходительно, с милым безразличием сияет своей ослепительной плакатной улыбочкой, ни к чему серьёзно не относится. Даже ирония у него спокойная, не очень колючая.

– Позволь напомнить тебе, что ирония заведомо предполагает нанести обиду, зацепить, поддеть, ущипнуть, а ему этого не надо, – шёпотом сказала Елена Георгиевна и, повернувшись в сторону шефа, вся обратилась в слух.

Иван Петрович продолжил монолог:

– Во что нам выльется подлог Ивонова, изложу буквально в трех словах. Запомните, товарищи, как я уже ранее говорил, есть границы, которые никогда нельзя переходить. Завышенные

амбиции могут любого далеко завести. Вот тут-то, можно сказать, и начинается падение человека. Со всей очевидностью могу заявить, что Ивонов неправильно понял фразу «новые стандарты жизни», сплеховал, и теперь вопрос подлежит дополнительному согласованию между договаривающимися сторонами. Это оттянет сроки сдачи документации, но мы тем самым исключим возможность возникновения нежелательных последствий промашки нашего сотрудника. Не стану перечислять ошибок Ивонова. Он провалил работу.

Откровенно говоря, своим невниманием к нему и я в какой-то мере способствовал тому, что произошло и теперь потребовало незамедлительного вмешательства. Упущение с моей стороны. Я проигнорировал слухи и поплатился.

«Психологически выверенный способ шефа: взять часть вины на себя и тем самым смягчить ситуацию и спасти обвиняемого», – подумала Елена Георгиевна.

– Надеюсь, я не ошибаюсь в своём предположении: Ивонов сделает соответствующие выводы, придет к правильному решению и найдет выход из морального тупика. – Издалека испытующим взглядом Иван Петрович прямо-таки пришил виновного к стене. Тот утвердительно качнул головой и опустил глаза.

– Мы все тут свои, так сказать, из одной песочницы. А жизнь – длительный испытательный срок, и каждый может споткнуться. Надо помогать друг другу. Будем надеяться, что не все мои тревоги обоснованны. Но об этом чуть позже. Вопрос о дальнейших шагах непростой и требует внимательного изучения. И, тем не менее, давайте прекратим бесцельное блуждание в словесах. Я бы поставил вопрос ребром: «Дело не терпит отлагательства. От чего будем отталкиваться?» – сказал Иван Петрович, переходя на интонацию глубочайшей серьезности.

– Я вошёл в курс дела и считаю, что главной помехой на пути к достижению цели является главбух заказчика. Беру её на себя. Я исправлю досадное недоразумение. – Это впервые подал голос заместитель руководителя отдела Сабина Владимир Григорьевич.

– Отлично! Свяжитесь с ней. Только, пожалуйста, поскорее, – мягко попросил Иван Петрович. – Того и гляди, к нам плановая комиссия с ревизией нагрянет, и тут уж на кого налетишь.

Шеф сделал устрашающее ударение на слове «ревизия» и продолжил развивать свою скорбную мысль:

– Хорошо, если только пуговицы посыплются, а если без штанов оставят? Я вам честно доложу: ум за разум заходит, как о ревизии подумаю. Ведь нет единой законодательной базы. Всяк трактует законы как ему вздумается. Ничего невозможно доказать, хотя я всегда стою за прозрачность нашей отчётной документации. Их же хлебом не корми, а дай поискать нестыковки, чтобы придраться. Как запустят щупальцы – только держись – пух-перья полетят. И отнюдь не факт, что мы с их точки зрения окажемся правы. Нам не понять тайных происков ревизоров. Надо ли объяснять вам, как это было бы некстати? Ох, забегаем мы тогда, как тараканы ночью на кухне при включении света.

Не исключаю, что и конкурент может подсуется и наслат на нас внеочередную проверку. Я по своим каналам прощупаю обстановку и по возможности постараюсь предотвратить непредвиденные события. Владимир Григорьевич, пожалуйста, на всякий случай подключите к изучению этого вопроса нашего юриста.

Он хотел ещё что-то добавить, но только расстроено махнул рукой.

Первый претендент

«Кого же бросят на переделку ТЗ? На кого повесят тяжёлый хомут? – терялась в догадках Елена Георгиевна. – Кстати сказать, и выбирать-то, собственно, не из кого. Кому охота натирать на шее мозоли почти задаром? Мою группу захомутают? У нас своих дел хватает. Надо? Так-то оно так, но, чёрт возьми, как-то мне не особенно улыбается перспектива безропотно подчищать дела за каждым недотёпой».

Она настроилась перечить, противоречить и держать ушки на макушке.

По залу прошёлся настороженный шумок. Заручившись поддержкой (взглядом) заместителя, Иван Петрович перешёл к вопросу, волнующему многих:

– Не вижу причин для восторгов. Если вам интересно моё мнение, – он сердито глянул в сторону хихикающих и шепчущихся девиц из конструкторского отдела, и в его голосе почувствовалось накапливающее раздражение, – то скажу так: я углубился в исследование темы Ивонова, продумал все детали работы и пришел к заключению...

Иван Петрович извлёк из нагрудного кармана очки, не спеша надел их, внимательно осмотрел зал, снова сделал паузу, подогревая интерес присутствующих. Аудитория напряглась. Елена Георгиевна тоже вся обратилась в слух.

– Надеюсь, вы не сочтёте за дерзость с моей стороны, а, напротив, примете как доказательство моей благосклонности... – Иван Петрович сосредоточенно подыскивал нужные слова, а может, снова тянул театральную паузу. – Тем более что в свете новых веяний, когда нам рекомендуется продвигать и поощрять молодёжь... Я предложу в качестве претендента на эту важную роль, молодого, но уже достаточно опытного инженера Дудкина. Дело чрезвычайной важности и требует человека, способного во всеоружии... Рискну выразить надежду, что он справится. Посоветуем ему вести себя осмотрительно. Возможно, товарищи, вы пожелаете рассмотреть и другие кандидатуры. Предлагайте. Я охотно выслушаю любые дополнения, возражения и предложения.

«Вот, стало быть, кто первый претендент на роль. Ой, хитрый старый лис, не хочет никого обидеть и притом старается выйти сухим из воды. Ясное дело, предлагать никто никого не станет. И Дудкин не в счёт. На меня косвенно намекает? – сердито восхитилась Елена Георгиевна политикой шефа. – Отводит всем глаза, отвлекает от истинного намерения. С большой долей уверенности могу сказать, что промурыжит одного, другого – как и положено на данном отрезке времени ведения собрания – и вернётся к заранее заготовленной кандидатуре. Так сказать, выйдет на запланированный рубеж.

Хотя, конечно, никогда нельзя знать заранее, чем закончится этот спектакль. Трудно предугадать исход «сражения», могут возникнуть неожиданные пируэты. Для меня главное не форсировать события, а подождать, посмотреть, как они будут развиваться, чтобы увериться в своей правоте.

Не успела эта мысль посетить Елену Георгиевну, как Инна обеспокоенно наклонилась к её уху.

– Что ты о нём думаешь? Договор может показаться ему выгодным? Возьмётся, использует удобный случай, чтобы угодить начальству и продвинуться? В каком ключе станет выступать?... Потянет, не оплошает? Я лично очень сомневаюсь. Ты можешь поручиться, что у него всё получится? – не в силах справиться с собственным нетерпением, Инна поспешила шепотком выразить своё недоверие к предложенной кандидатуре.

– Что тут думать. Не следует всерьёз рассчитывать на то, что в угоду шефу Дудкин согласится. Не те времена. Не обольщайся. Ясно как день, не возьмётся он дорабатывать чужой проект. Думаешь, шеф предоставил Дудкину случай доказать свою преданность? Не приходится сомневаться, что он просто таким образом подчеркивает его значимость. Мол, верит ему, ценит. Только непонятно мне, за что ему такая милость. Молодец шеф, шьет, а швов не видно. Старые, доперестроечные уловки. По-настоящему альтернативные кандидатуры он пока не высвечивает, но они у него есть. От Дудкина, разумеется, следует ожидать уверенных возражений. Наверное, мучительно придумывает сейчас, как бы ему лучше вывернуться, скорее всего, займет оборонительную позицию, – одними губами ответила Елена Георгиевна, усмехаясь.

Она давно уже привыкла замечать и анализировать не только то, что говорят, но и как, и зачем говорят, и что на самом деле кроется за словами.

Дудкин, не очень обрадованный известием, встал и начал отвечать на предложение шефа негромко, степенно. Казалось, он нисколько не был смущён таким поворотом дела. Со стороны можно было подумать, что он заранее знал о том, что ему предложат эту работу.

– Вы мне льстите, Иван Петрович. Ну, как придётся разочароваться? И какой вам от этого прок?.. Я возражаю. Это недоразумение, удар ниже пояса. У меня возникло некоторое ощущение что вы, Иван Петрович, находитесь в плену иллюзий. Хотя, наверное, я ошибаюсь. Я не могу ставить под сомнение выводы руководства. Но, понимаете, там работы – конь не валялся. И к чему мне этот геморрой? В той мере, в какой я могу судить о теме Ивонова, полагаю, наскоком её не решить.

Говоря по совести, я не намеревался возникать. В принципе я согласен с руководством: закрытие темы будет признанием нашей собственной несостоятельности. Ко всему прочему, было бы чистейшим безумием отдать такую работу какому-то конкуренту в то время, когда приходится бороться за каждый договор, и с этим фактом тоже трудно поспорить. Пока есть хоть ничтожная возможность спасти тему, удержать её, надо действовать.

Я понимаю, надо помогать друг другу в трудных ситуациях, но положение Ивонова слишком уязвимое. И как вы, Иван Петрович, совершенно правильно подметили и точно указали, и я полностью присоединяюсь к вашему мнению, Ивонов оступился, нарушил устоявшиеся традиции, не в обиду ему будет сказано, по своим правилам играл. Поэтому определить единственно верный практический путь выхода из этой щекотливой ситуации мне не представляется возможным. Не знаю, какое впечатление на вас произведут мои доводы – простите, если кого задел, намерения такого не было, я охотно допускаю, что каждый может ошибиться – но я всё же буду просить вас передумать. Поймите меня правильно, моей группе эта работа не под силу.

– Лихо закручивает. Избегает прямых ответов на прямые вопросы. Юлит. Может, из самых лучших побуждений, но всё-таки врёт. Меня разбирает любопытство: я переоценила его возможности, лучше о нём думала? А следовало бы ожидать, что ничего нового и существенного я от него не услышу. Этот если и возьмет договор, так вежливенько потребует возвратить долг за помощь со сложными процентами. Не рассчитаться тогда с ним шефу вовек. Все тридцать три удовольствия запросит. Ценит себя больно высоко. Было бы за что... Умеют же некоторые! Считает для себя унижительным помочь отделу? – сдерживая благородный гнев, сердито бурчит Инна.

Голос Дудкина звучит спокойно. Это в начале собрания он, неправильно оценив обстановку, не смог подобающим образом ответить на вопрос шефа и предпочёл дурное впечатление о себе смягчить сначала покаянием и лестью, а потом осмотрительным заговорщицким молчанием.

Теперь он и глазом не моргнул, ни один мускул не дрогнул на его лице. Видно было, что успел прикинуть, как ему отступить с возможно меньшим позором. Он прекрасно понял, на какую гору ему можно лезть, а на какую не стоит, и постарался направить разговор в нужное русло.

– Я сам виноват. Накаркал, напросился на свою голову. Защитничек праведный выискался! Вот уж не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Знать бы каким ударом это обернётся, воздержался бы от предыдущего выступления, – самокритично, но как бы в шутку заявил Дудкин.

– Что вы этим хотите сказать? Мне следует понимать так, что к инциденту с Ивоновым вы не имеете никакого отношения или в этом деле у вас есть всё-таки свой интерес? – с хитровой ушмешкой уточнил Иван Петрович.

На прямо поставленный коварный вопрос Дудкин ответил на этот раз категорично.

– И в помыслах ничего такого не было. Откуда взялись такие предположения? Вас ввели в заблуждение. Слухи – дело ненадёжное. Никакой связи между моим выступлением и поведе-

нием Ивонова не существует. Не приходится сомневаться, что из обрывочных сведений можно сложить всё что угодно. Намёк воспринимаю как оскорбление. Не причастен, – не помедлив ни секунды, скороговоркой заявил он, встряхнул гривой чёрных, с лёгкой, преждевременной проседью волос, изобразил на лице сложную гамму верноподданнических переживаний и с наигранной досадой продолжил монолог:

– Инициатива и неуместные заявления всегда наказуемы, именно к этому, как я понимаю, сводится причина, по которой была предложена моя кандидатура. Но всё равно я с дополнительной нагрузкой не могу согласиться, – возмутился он, не собираясь сдаваться. – Я бы не настаивал на необходимости отказать в помощи Ивонову, но поймите меня правильно – мне приходится думать о качестве проводимых нами работ, то есть о нашей репутации. Это мой долг, – прочувствованно закончил он.

– Не подтвердил своё соавторство в деле Ивонова. Нет никакого сомнения, что и последняя фраза ни в малейшей степени не соответствуют действительному положению вещей в его группе. Туману напускает. И совсем не стесняется своего заискивающего тона, – сквозь зубы опять сердито бурчит Инна.

– Да, это недалеко от истины, – усмехается Елена Георгиевна, чувствуя, что почва под её ногами, как она и предполагала, становится более шаткой.

– Мы не согласны! Это удар под дых! – понеслись возбужденные негодующие голоса со стороны группы «поддержки» Дудкина.

– Симонов и иже с ним на дыбы встают, защищая начальничка. Легки на помине, – ехидно прошелестела Инна.

Заметив неподобающую склонность к излишней критичности и посторонним разговорам у некоторых своих сотрудников, Иван Петрович резко развернулся к нарушителям порядка. Его окрик возымел нужное действие: нарастание шума в зале прекратилось.

– Мне впору заплакать! Подобные разговоры здесь неуместны. Дела в вашей группе идут не так плохо, как вы меня уверяете, вы не похожи на загнанных лошадей. Ни к чему мне шквал ваших возражений. Валите с больной головы на здоровую как раз в тот момент, когда отдел более всего нуждается в помощи. Это никак не вяжется с тем, что мы воспитывали в вас годами. Всё забыли? Прошли те времена, когда можно было спрятаться за чужую спину. Кто хочет работать, тот ищет способы одолеть тему, а не оправдания. Для отказа нужны более веские основания, – ворчливо напустился на дудкинских подпевал Иван Петрович, «поливая» их, как из водомёта, массой стандартных, ни к чему не обязывающих фраз.

Возгласы из зала окончательно стихли. Народ напрягся.

«Шеф верен себе и своим привычкам: лавиной слов заливал суть вопроса, уводит от проблемы, – убеждается в своей правоте Елена Георгиевна. – А была минута, когда я засомневалась в своём прогнозе».

– Не знаю, как это будет воспринято руководством, но я не могу понапрасну раздавать векселя и не горю желанием взваливать на себя воз дополнительной нагрузки, тем более что моя и ивоновская темы совершенно несовместимы. Не выкрутимся, а потом поздно будет горевать или возмущаться, когда окажемся перед свершившимся фактом – провалом. Конечно, если потребуется, я не пожалею ни сил, ни времени. – Дудкин вздохнул, неопределённо пожал плечами и сел на своё место.

Он не стал негодовать, делать выводы и говорить заключительные слова, а предусмотрительно оставил всё в состоянии благоразумной недосказанности. Не хотел Дудкин лишать начальника его главной функции. Шеф ведь может задать трёпку за то, что он начисто отбросил его идею, настоял на своём, доказал, что мысль оказалась не стоящей выеденного яйца. Такое не прощается.

– Зарекомендовал себя как подлиза, поддакивает в нужный момент. Он же как флюгер. Личную инициативу проявляет лишь тогда, когда знает, что она будет гарантированно

одобрена. А в вопросах сомнительных вперёд не вылезает и выражается так, что из его слов ничего определённого не вытекает. Что ж, удобный, надёжный способ общения с руководством. Ничего не скажешь, быстро обучился, – в язвительном шёпоте скривила рот Инна.

Иван Петрович резким движением головы откинул свои густые седые волосы со лба и заговорил ровным уверенным голосом:

– Давайте подбивать итоги. Разговоров было предостаточно. Я услышал от коллег подтверждение своим мыслям. Нас не могут устроить половинчатые решения.

Слова шефа предвещали возобновление дебатов, только уже по новой кандидатуре. «Пробный шар намеренно пролетел мимо лузы», – поняла Елена Георгиевна. И её маленькие, очень маленькие сомнения насчет кандидатуры Дудкина окончательно рассеялись.

Иван Петрович снова провел рукой по волосам и вонзил в Елену Георгиевну повелительный взгляд. Она понимающе, одними глазами, улыбнулась ему. Знала, что таким образом он просит её не возникать, не влезать в спор. И отметила не без удовлетворения: «Значит, боится моей категоричности».

«Дудкин и более заманчивые предложения отклонял, объясняя отказ занятостью. Недавно от новой темы шефа отказался, равно как и от договора зама. Что заставляет его принимать такие решения? Ну, разве что... имеет «левые», более надёжно оплачиваемые подработки? Молодежь теперь шустрая пошла. Может, и шеф там с ним? Его, как полагается, уважают и, конечно, побаиваются и поэтому не сбрасывают со счетов».

Сомнительный вариант, если принять во внимание старую закалку шефа. Но сохранить себя очень трудно, тем более теперь. С чего бы это ему защищать Дудкина? Откуда такая благосклонность? Неужели всё-таки у него в делах Дудкина свой интерес? Кстати, я совсем не уверена, что Симонов в этом отношении безупречен. А уж зам – этот наверняка в доле, – размышляет Елена Георгиевна, неожиданно поймав себя на такой новой и очень любопытной для себя мысли. – Странно, что эта очевидная мысль ни разу прежде мне в голову не приходила. Я и не помышляла о том, что шеф может в обход... Но какие у меня основания предполагать такое? Это как-то нехорошо, непорядочно.

Хотя какие сейчас правила! Жизнь предоставляет шанс всем самим выкручиваться из ситуаций. Подозреваю, устоять перед подобным искушением шефу не так-то просто. Он всего-навсего обыкновенный человек с обычными человеческими слабостями. Нет, не запятнает он чистоты своей совести. Не верю. У меня это в голове не укладывается».

Елена Георгиевна тут же пожалела о своих неприятных мыслях. Ей захотелось, чтобы они оказались глупой выдумкой.

Второй претендент

– Итак, подведём предварительные итоги. Не умаляя достоинств инженера Дудкина, скажу: у меня нет к нему претензий.

В глазах шефа Дудкин разглядел свет высшей мудрости.

– Что и говорить, вы всё сами понимаете, куда склоняется чаша весов. Надо бы предусмотреть определённые гарантии, но дело опять-таки осложняется тем, что... – Иван Петрович опять сделал паузу и мимолётно взглянул на своего заместителя.

В течение следующих нескольких секунд никто в аудитории не проронил ни слова. Елена Георгиевна, стараясь не выдать своего интереса к решаемому вопросу, с безразличным видом разглядывала стену. Она понимала, что для некоторых руководителей низшего звена, сжигаемых нервным напряжением, эти мгновения были сопоставимы с ситуацией отсутствия глотка воды для умирающих от жажды.

– Суммируя всё вышесказанное, могу с уверенностью сказать... Что же у нас вырисовывается? Чтобы спасти положение, как мне представляется, попробуем...

Иван Петрович тяжело вздохнул.

– Наш выбор падает на Суханова, – равнодушным, бесцветным, казённым голосом под-сказал Владимир Григорьевич, молча следивший за ходом заседания. Шеф кивнул в знак того, что разделяет мнение своего заместителя.

Многим сразу стало легко и просто. И Елена Георгиевна опять было ухватилась за ниточку надежды: «А вдруг?» Но тут же засомневалась: «Ой, вряд ли. Просто произошла смена декораций: Дудкин – Суханов. Кратчайший путь не всегда лучший: не сразу шеф на меня выходит, паузу тянет. Цену мне набивает? Но что-то «круглой» путь на этот раз слишком долог. Хотя бы взглядом намекнул, я бы поняла.

А может, зам забивает клин между нами, хочет столкнуть меня с Сухановым лбами? Этот не замедлит осуществить своё «благое» дело. Надо готовиться к худшему? Такое мне не по вкусу. Не выйдет у него, не позволю нас поссорить».

Маленький, юркий, белобрысый Суханов вынырнул из-за стола, словно чёртик на пружинке из детской волшебной шкатулки. Похоже, он и правда не был готов к такому повороту событий. Ещё минуту назад его лучезарная физиономия светилась радостью, а теперь кровь отхлынула от его лица, взгляд заметался по залу, словно в поисках защиты. Не увидев поддержки, он, как ужаленный, опять подскочил на месте и зачастил:

– Буду говорить без обиняков. Оригинальное предложение, но неудобоваримое! Грандиозное заблуждение! За что я удостоился такой чести? Этот договор как приговор. Я не горю желанием пахать на других. Чуть что, так сразу мою группу и в хвост и в гриву. Зачем, позвольте вас спросить, мне влезать в эту тему? Я не ослышался? Это насмешка? Иван Петрович, спасите. Оцените происходящее и потребуйте оградить меня и мою группу от посягательств. Замолвите за меня словечко, вы же обещали больше не загружать, – взмолился Суханов, несколько не заботясь о впечатлении, которое производила его речь на руководителей других групп.

– Обещал? Не обещал! – сначала притворно удивился Иван Петрович, а потом отмахнулся и скучно поморщился. – Знаю я все ваши возражения.

Владимир Григорьевич остался невозмутимым. Некоторая утрата спокойствия никоим образом не отразилась на выражении его лица и позы. Он по-прежнему сидел прямо, заложив руки за поясницу.

– Иван Петрович, вам, как никому другому, известен уровень моей занятости. Это уже дикий пережим. Насилием мало чего можно добиться. Ваше предложение чревато последствиями. Сочту своим долгом предупредить: нас припёрли к стенке сроки по двадцать второму договору. Ко всему прочему мне поставлены жёсткие временные рамки для сдачи отчёта под номером шесть.

Но это ещё полдела. Проблемы Ивонова меня никоим образом не касаются. Нельзя списывать со счетов тот факт, что мы не пересекаемся с ним ни в теории, ни в практике. К тому же у ивоновской темы перспектива на следующие два года не из блестящих. Не те ставки. Нет, я в эти игры не играю. И состязаться в благородстве я ни с кем не собираюсь. Надо полагать, из уважения к вам я мог бы взять эту тему за неимением лучшего, но я перегружен по самую макушку и выше своей головы не прыгну, именно поэтому я вынужден вас разочаровать. На что вы меня толкаете? На авантюру? Ни под каким предлогом не соглашусь! К тому же нужно брать в расчет и то, что двое из моей группы покинули стены института в поисках лучшей доли. Кем я заткну образовавшуюся брешь? Работа сама собой не выполнится, – строптиво возражает Суханов.

Было очевидно, что вопросы в первую очередь относились к Ивану Петровичу. Но Суханов, ища поддержки, успевал кивать и в сторону ведущих инженеров других групп и скептически пожимать плечами, глядя на Владимира Григорьевича.

Не дожидаясь ответа начальника, он заговорил так, будто ему успели возразить.

– Понимаю, мои доводы вас не устраивают, но дайте мне закончить свою мысль. Я прекрасно понимаю: встает вопрос о принуждении. Но на любого человека можно давить до определенного предела, выше него наступает обратная реакция.

Я намерен доказать вам состоятельность моих возражений. Совсем несложные рассуждения приводят меня к мысли, что вы ко мне относитесь предвзято. На каком основании? Я понимаю, почему вы настаиваете. Вы даете мне почувствовать зависимость от вас. Кто-то встал на моем пути, подкапывается, метит на моё место? Предлог подвернулся? Интриги для меня не новость, хотя я совсем в них ничего не понимаю, но такой вывод напрашивается сам собой, – с обидой закончил Суханов и сел, нахмурившись.

Позади выступающего слабо ахнул женский голос:

– Вот учудил так учудил!

Елена Георгиевна поморщилась, осуждая ребяческую несдержанность Суханова, с шумом положила на стол скрещенные руки и сильно сжала их. «Сморозил глупость, Алексей, слишком импульсивный. Ну никак не можешь без подобных поступков! Не мужской почерк. И кто это сказал, что без восхитительных глупостей жизнь скучна? Где бы найти эти восхитительные? Мне что-то всё больше печальные на пути попадаются», – затревожилась она о своём бывшем аспиранте.

– Ого! – кратко, но выразительно выдохнул какой-то эмоциональный слушатель в противоположном конце зала.

– Душераздирающая сцена! Ой, Суханов в разнос пошел! Картина ясна как божий день: не успел вооружиться стойкостью, не смог найти простой способ уладить свои дела, убедился в бессилии своей ярости и взвинтил себя до истерики. Нервы сдали у бедненького. В порыве негодования забыл даже, чему учили в школе? Если необходимо сослаться на авторитеты, я – всегда пожалуйста. Или не тревожить память великих педагогов по пустякам? – тихо выстрелила в адрес злополучного оратора Инна и, хихикнув сквозь сжатые зубы, спряталась за головы впереди сидящих.

Нечёткие фигуры на заднем плане аудитории не издали ни единого звука, только заколыхались, словно водоросли, подхваченные игривой волной.

Казалось, после по-детски наивных слов поражение Суханова было очевидным, тем более что Иван Петрович начал нервно потряхивать плечами, что являлось явным признаком раздражения. И по лицу зама прошла тень недовольства. Елена Георгиевна тут же подумала о них: «Станный, но, в общем-то, интересный, а может быть, даже... временно удачный альянс у шефа с замом».

Иван Петрович, не привыкший к такой неприличной откровенности подчинённых, грозно насупив брови, бросил в зал сакраментальную фразу:

– Это всё, на что вы способны?!

Потом удивленно заявил:

– Не пойму, чего вы добиваетесь, что за странная постановка вопроса? Почему избрали такую оригинальную линию поведения? По принципу: а пусть мне хуже будет! Никаких более веских доводов вы не могли привести? Из всех ваших оправданий и высказываний последнее было наименее удачное. Предположение, скажу я вам, явно взято с потолка, продиктовано эмоциями, к тому же далеко не умными. Не разговор, а мелодрама у нас выходит, массаж для нервной системы. Во всяком случае, согласитесь, пальма первенства в произнесении подобных спасительных сентиментальных фраз обычно принадлежит некоторому типу женщин. Это дамский козырь, их своеобразная манера выражаться. С той, однако, разницей, что женщин она мило украшает, а нас, мужчин, – нет. Держите чувства в узде, не распускайтесь. С полным правом у меня возникает вопрос: откуда у вас такое сползание на чрезмерную, нервную

чувствительность? Почём знать, может, я тут что-то проморгал?.. – жёстко съехидничал Иван Петрович.

Ирония шефа вызвала у зама лёгкую улыбку, которая не ускользнула от внимания Елены Георгиевны.

«Ох, боюсь, взорвется сейчас Суханов. И понесла же его нелегкая переводить спор в такую плоскость. Крупная осечка. Вляпался в историю. А тут ещё Инна лезет не в свои сани, подзуживает. Карты Алексею путает, а ему и так трудно перестраиваться. Брякнула и сидит неподвижная и непроницаемая, как сфинкс, приличие, когда не надо, соблюдает, – раздражённо думает Елена Георгиевна. – Кто же стерпит, когда его выставляют в невыгодном, даже подозрительном свете. Что он предпримет, чтобы оправдаться? Эх, Алексей, тебе бы не выдавать своего настроения. К чему всем эта твоя мнительность? Может, и посочувствуют, но уважать перестанут. Такая тактика унизительна и бесперспективна. А ещё тебе бы увеличить дистанцию между собой и руководством».

Разговор начал принимать нежелательный оборот. По залу, как огонь по скопившемуся в низине тополиному пуху, пробежал тихий, веселый смешок.

– Кто бы возражал, – радостно поддакнула шефу Инна, ободрённая неуверенностью Суханова.

Лицо её меняло выражение без малейших усилий. Сейчас оно сияло детским восторгом. Её прямо распирало от гордости. Повезло. Вклинилась!

Иван Петрович метнул в её сторону сначала недовольный, потом грозный взгляд. В ту же секунду на безразличной физиономии Инны уже не читалось ни осуждения, ни одобрения. Паинька.

Суханов стоит как оплётанный, мнётся и незаметно для многих проводит большим пальцем себе поперек горла.

«Мое поведение играет шефу на руку. Зря я вышел из себя. Тонко рассчитанная грубость шефа имела целью осадить меня или сбить с толку? – пытаюсь обнаружить хоть тень сочувствия к себе, думает он. – Уж как пить дать, я ответил бы ему чин по чину, будь мы один на один. А принародно теряюсь. Проклятое детдомовское наследие! Обычно я держу язык за зубами хотя бы перед начальством, а сегодня, дурак, вспылит. Неудачи замучили, – жалеет себя Суханов и мысленно казнит за потерю контроля над ситуацией. Наконец он берет себя в руки и неуверенно мямлит: – Здесь было сделано замечание, порочащее мою репутацию как руководителя группы. Я виноват, но наказание несоизмеримо с виной. Понимаю... это не меняет дела, и я рискую показаться наглým, но...»

Деловой вид слетел с худого, нервного лица Суханова. От волнения ещё некоторое время он не может говорить связно.

А Иван Петрович продолжил наступать:

– Всё ещё не осмеливаетесь посмотреть правде в глаза? Долго ещё вы собираетесь развлекать нас своими рассказами и давать «исторические» обзоры происходящих событий? Не утруждайте себя объяснениями и оправданиями. Надоели ваши вечные претензии и жалобы. Вы редко бываете чем-либо довольны. Похоже, вашим требованиям не будет конца. Вам смелости хватает только на то, чтобы дискутировать? Так? – сумрачно поставил риторический вопрос Иван Петрович, и его рука предостерегающе взметнулась ладонью вперед, указывая на желание уклониться от продолжения неприятного разговора.

Суханов терпеливо снес несправедливые оскорбительные слова шефа. Он сделал паузу, стараясь окончательно овладеть собой, потому что считал себя обязанным что-то сказать в ответ, хотя понимал, что в этой ситуации его слова едва ли прозвучат убедительно. «Дело дрянь», – только и подумал он угрюмо.

– Предоставьте мне возможность закончить. Я до некоторой степени возражаю против такой интерпретации моего высказывания. Из моих слов ровным счетом ничего не следует...

– не находя других подходящих фраз, неуверенно произнес Суханов, уже боясь поддаться на уговоры и согласиться работать над чужой темой.

«Не стоит вступать в дискуссию. Может, шеф на это только и рассчитывает. Знаю, есть такой способ: довести человека до нервного срыва и заставить что угодно подписать, вплоть до заявления на увольнение. Тьфу. Профанация какая-то», – пробурчал он тихо и украдкой пощупал свой лоб.

От бессвязных высказываний очередного претендента на роль спасителя отдела одни сотрудники ошарашенно притихли, другие участливо зашуршали бумагами, а некоторые, приготовившись к худшему, заранее навешивали на лица сочувствующие мины. Елена тоже перелистнула несколько страничек отчёта, лежавшего перед ней, потому что бестолковые слова Суханова обдали её зябкой волной неловкости. Даже Ивонов поднял голову, расправив свой трехслойный подбородок. Дудкин, с заговорщицким видом перешёптывавшийся с соседом по столу, недоумённо замер, а потом с глубокомысленным видом погрузился в чтение. Белков усердно тёр носовым платком свои огромные, издали похожие на гантели, очки. Казалось, воздух загустел от напряжённого, тщательно скрываемого внимания присутствующих.

– Не отнимайте у меня время всякими глупостями. Его у вас слишком много? А если не приму в расчёт никаких доводов и заставлю играть на моём поле? Лаборатория ваша как захламлённый сарай. Хобби с работой совмещаете? Мне кажется, что ничего другого вы в последнее время и не делаете. А, между прочим, из вашего поведения вытекает очень, очень многое, – едко заметил Иван Петрович тоном, который счел наиболее подходящим для данного момента.

Чувствовалось, что терпение шефа понемногу иссякает. Но Инна сообразила, что он умышленно свернул на неосновную тропу критики, упомянув о хаосе в лаборатории своего подчинённого. Это был его ловкий тактический ход.

Елена Георгиевна понимала унижительную глупость своего ученика, подавшегося минутной вспышке раздражения, и мысленно горько возмущалась: «Какой удар по самолюбию! Ну и штуку ты, братец, выкинул! Что вбил в свою упрямую твердолобую башку? Может, заболел? Устал? Раз обижаешься, значит, чувствуешь, что не прав. Странная форма самозащиты. Позорно сорвался в истерику, поторопился, сделал из себя посмешище, публично сознавшись в своей неуверенности. Выставил себя большим недотёпой, чем есть на самом деле. И к чему эта попытка показаться грубым, невоспитанным? Она идет вразрез с элементарной интуицией. У тебя есть свои преимущества. И как бы малы они ни были, ими не стоит пренебрегать.

Сколько раз учила: старайся облечь ответ в такую форму, чтобы не задеть чужого самолюбия и самому остаться на высоте положения. Это же азбука взаимоотношений. Трудно даются детдомовцу эти азы. И как тебя угораздило сорваться! Кидаешься на шефа с мужеством отчаявшегося. Не к тому привлекаешь внимание.

Собственно говоря, в отношении тебя я не беспокоюсь. Осилишь ситуацию, извернёшься. Сумеешь всё уладить, не считаясь с собственным самолюбием. Ошибки у всех случаются. Молодой. Занозистый у тебя характер, иногда даже совершенно несносный. Но когда надо, он въедливый, непробиваемо упрямый. Тебе всегда удаётся доказать, что для отказа (или, напротив, для получения) были веские причины, какими бы странными и неприемлемыми они ни выглядели первоначально. Отвертишься. У тебя основной способ защиты – активное нападение. Не растратил же ещё свой прежний пыл, сохранил цепкую энергию сопротивления.

Так... теперь с достаточной убедительностью оправдывается, хотя излишне темпераментно. Пришёл в себя. Как открещивается! Глазами-буравчиками так и сверлит!» – восхищается Елена Георгиевна своим учеником.

Незаметно для самой себя Елена Георгиевна «ударилась» в воспоминания.

... Раньше, когда вместе ляжку договоров тянули, Алексей не позволял себе отлынивать. Поначалу мало отличался от других, разве что пылкой искренностью. Обладал на редкость доброжелательным нравом, открытой, немного беспомощной улыбкой, но главное – способностью думать самостоятельно, без подталкивания. Правда, было в нём это юношеское, самонадежное, ничем не подкреплённое стремление к независимости, которое расстраивало мои планы ещё до того, как я успевала их воплотить в жизнь; не раз на свой страх и риск он проявлял своеволие, часто приводящее к конфликтам. Они-то и делали его порой до смешного уязвимым. Но в любом случае, независимо от результатов его ошибочных действий, мне удавалось, поспешив на выручку, спасти заблудшего.

Сотканный из противоречий, он мог в любой, самый неожиданный момент, взорваться, словно проржавевший снаряд. И всё потому, что ему было необходимо постоянно самоутверждаться, бороться за себя. Часто не получалось. Отсюда нерешительность, которая опутывала его, парализуя волю. Отсюда и срывы. Но ему свойствен критический склад ума. Он-то и помогал не опуститься ниже установленной ему планки, заставлял дистанцироваться от вредных привычек. Да, хватало с Алексеем хлопот. Многого я прощала ему, детдомовцу, чего другим не спустила бы, потому что увидела в нём то, что до поры до времени было скрыто в глубинах его сознания даже от него самого.

В самом начале он отрицательно отнёсся к полушутливым словам шефа: «Вы временно поступаете в распоряжение Елены Георгиевны. Она разглядела в вас здоровое зерно». Мельком взглянул он на меня и поспешно отвёл глаза. Не знал, что это я вызволила его из слесарной мастерской, и тоном, не допускающим сомнений в своей аттестации, сформулировала своё мнение о нём: «Непростительная расточительность использовать толкового парня на побегушках. Таланты надо беречь и защищать. Если верить в человека, он, почувствовав даже маленький успех, начинает раскрываться, расцветать. Есть нечто, свидетельствующее о том, что в нём не всё так очевидно, как можно предполагать. Он со мной одного поля ягода. Трудно работать с много воображающими о себе бездарностями. Алексей пока что не отдаёт отчёта в значительности высказываемых им идей. Его утверждения, не подвергнутые изучению, могут быть полны глубочайшего смысла, а могут оказаться претенциозной чепухой. Учиться ему надо. Надеюсь, никто не станет разубеждать меня в этом? К тому же он имеет превосходный аппетит к науке, хоть и неразборчив пока».

А он и в тайных мечтах не позволял себе думать об этом и не представлял, какую роль я сыграю в его дальнейшей жизни.

Предупреждал меня заведующий кафедрой, отговаривал: «Совершенно бредовая идея, и просуществует она недолго. Молодого человека губит то, что он разбрасывается, на пустяки разменивается. Неумеренный во всем. Маловероятно, что сможет доводить проекты до конца – быстро загорается и так же быстро остывает. Начинает дело блистательно, а потом из-за пустяков бросает, и тут уж возникает вопрос о сроках исполнения, о доверии, а это, сами понимаете, играет на руку конкурентам и даже прохвостам. Нахлебаются с ним. С вашей привычкой доводить всё до логического завершения, даже если в конце предстоит оказаться в совершенно иной ситуации, нежели та, которая сложилась вначале и предполагалась в дальнейшем – этот мальчишка проигрышный вариант». А я только отшутилась: «Вы иль я пророк?» (Заведующего кафедрой звали Ильей).

С другим сотрудником и в другой обстановке он неминуемо разразился бы шуточками в адрес выбранной кандидатуры. Но только не со мной. Знал мой упёртый характер, потому что уступил и отступил. И, выступая перед аспирантами-первокурсниками, неоднократно полупуть повторял: «Вам, будущим светилам науки, стоит запомнить фамилию Елены Георгиевны. Мерилом таланта педагога служат успехи его учеников». Не скупился на комплименты. Он из тех, которые одной фразой могут поднять или опустить человека.

Три года в одной упряжке с Алексеем ходили. Подумать только, с тех пор прошло десять лет! Не могу сказать, что мне привалило огромное счастье воспитывать Суханова. Помаялась с ним, пока «выстраивала» его. Помнится, он сразу проявил себя как толковый аспирант. Быстро смекнул, что без должного усердия трудно будет рассчитывать на успех. Из кожи вон лез, учился с неослабевающим интересом, особенно налегал на квантовую механику. Не замахивался на чужое, не втирал очки – потом, мол, сделаю, сварганю, – но с предубеждением относился к моим жёстким рамкам, свой план развивал. Не гнушался любой работы, до ночи просиживал за вакуумной установкой, когда не ладилось у товарища, хотя поначалу не отличался усидчивостью. (Вот он, непостижимый уровень научного партнёрства!) Сейчас разве такого найдёшь? Обещаний на ветер не бросал. А вид у него всегда был самый неказистый, смешной даже. На кузнечика походил.

Не зря мой выбор остановился на Суханове, стойко переносившем муки безденежья. Знаком он был и с теми невыносимыми состояниями, в которых, как ему тогда казалось, только и можно понять о жизни самое главное – с алкоголем и последующим тяжёлым похмельем и бешеным вожделием, отягощённым муками совести. Пропадал парень. Испугалась я, что с его болезненно обострённой чувствительностью доломает-таки его непутёвая жизнь. Не смогла остаться безучастной к его трудной с раннего детства судьбе. И, веря в его творческую индивидуальность, одержимость наукой, клятвенно пообещала себе сделать из него настоящего ученого, потому что, несмотря на массу недостатков, его преимущества были слишком очевидны.

Для начала напомнила, что нельзя вечно ускользать от жизни, надо ведь и делать что-то, особенно если на плечах есть «котелок», который к тому же неплохо варит. Потом ломала голову над тем, как «выбить» и в какой необидной форме преподнести ему материальную помощь, по детдомовскому стеснительному недоразумению казавшуюся ему оскорбительной.

В необременительной форме поддерживала первые пробы сил, настаивала на его участии в своих экспериментах, ничего не выгадывая для себя (факт поддержки уже сам по себе немаловажный для начинающего аспиранта), не заботясь о своём приоритете, спешила на выручку. Помогала опереться, чтобы не проглядели талант, чтобы не утонул он в океане посредственностей, не затерялся. Резервировала ему место в своей группе, застолбила для него отдельный договор, умышленно заставляя распоряжаться самостоятельно, тем самым испытывая. Во всяком случае, как мне теперь кажется, вмешивалась в его дела ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы не позволить ему ошибиться и сломать себе шею. Но взыскивала за ошибки строго.

Зная его несдержанность, советовала поостеречься в словах, чтобы ненароком не сорвал защиту диссертации. Объясняла, что неосторожное высказывание может стоить ему карьеры. И я склоняюсь к мысли, что и тогда он не всегда принимал к сведению и учитывал мои замечания, часто не делился своими соображениями и попадал впросак, потом закипал от злости на себя. В состоянии сильной запальчивости пытался всё бросить. Один раз сбежал, словно под ногами у него горело, потом смущённо и обречённо каялся. Трудно одолевать себя. В этом и была его беда. Но ведь сумел!

Могу сказать без лишней скромности, что я снисходительно прощала ему случайно нанесённые обиды, полагая, что его частые приступы раздражительности могли быть естественным следствием постоянного чувства неуверенности, даже ощущением некоторой неполноценности, сформированной безрадостным детством. Воспринимала насмешки над ним как издевательства над собой.

Некоторые из сотрудников считали, что Суханову предназначено – в силу его какой-то патологической незащищённости, наивности и мнительности – быть козлом отпущения. Ему, естественно, это было не по душе, он не выдерживал несправедливого давления, обидно-снисходительного отношения и, нимало не задумываясь, решительно, как в реку головой, кидался на обидчика и наносил оскорбления действием, по принципу: кто сильнее, тот и прав. За

подобные «фокусы» своего строптивного ученика не раз доводилось выслушивать от шефа нареkania. Сам заведующий кафедрой не позволял говорить с аспирантами в уничижительном тоне, всегда стремился отыскать в них хорошие черты, поддержать. Конечно, это совсем не значит, что он закрывал глаза на их недостатки, но считал, что направлять заблудших в нужное русло – дело научных руководителей.

Из поведения Суханова отнюдь не следовало, что он был хулиганом. Воспитанности не хватало. Её основы должны закладываться в детстве. Взрослому эти азы воспринимать много трудней: ломать себя приходится. Вот и ходила за ним первое время буквально по пятам, в уши надоедливо жужжала. Каюсь, было такое. А что поделаешь? Слишком сырой был материал.

Постепенно приучала Алексея к мысли, что он талантлив, что обладает смелым, нешаблонным умом, ничем не ограничивала его в плане научных идей. Случалось, из-за своего болезненного чувства долга изводила его нравоучениями, помогая избавляться от вредных черт характера. Он тогда ещё неспособен был осознать, как много я для него делала, поэтому горячился, перебарщивал, считал мои воспитательные беседы совершенно бессмысленными. Утверждал, что ему достаточно намекнуть или хотя бы подсказать, а не вдавливать. Позже он в этом мне сам честно признался. Покаялся, так сказать.

Я ценила его яркую научную индивидуальность, ювелирную точность экспериментов, и именно это давало мне право иногда быть с ним очень даже не строгой. С доброй радостью следила за его успехами, не скупилась на похвалы, надеялась, что заткнет за пояс многих. Внущала: выше цель – интереснее жизнь. И со временем он вписался в команду моих аспирантов, стал украшением нашего маленького коллектива. А сколько было радости, когда мы с ним «запустили» в жизнь его первый проект!

Результат не заставил себя ждать. Мои усилия стали приносить плоды: он пошёл в гору, оставил однокурсников, первый из них защитился. Долго ходил в состоянии ликования и радостной приподнятости. Был в восторге от своего успеха, смущался от внимания. Но в нём не было самодовольства. Он был так мил в своём искреннем счастье. «Прочь сомнения, я настоящий, признанный ученый. Я ещё многое смогу», – ликовало его сердце. Во всяком случае, не возгордился непомерно, как, скажем, некоторые, с честью вынес испытание медными трубами. А ведь всё в его жизни могло сложиться иначе.

И я постепенно утрачивала свою власть над ним, как над быстро повзрослевшим ребенком. Сколько у меня было таких орлят? На руках пальцев уже не хватает для счета. И это тоже счастье. «Дерзайте, мальчики и девочки, у кого в душах не угасает жажда творчества, желание идти за своею звездой», – говорила я им, когда меня «тянуло на лирику». Бывало и такое. (Из технарей иногда неплохие поэты получают).

А кто научил не распыляться, сдавать проекты заказчику в лучшем виде, в надлежащей упаковке и объяснять так, словно и сам веришь в их идеальность? Ведь встречи с клиентами сопровождаются всеми обязательными и необязательными формальностями, тонкостями, в которых надо уметь разбираться. А кто надоумил заняться новыми технологиями? Сейчас, возможно, ему это видится не так. И даже приступив к самостоятельной работе, он не раз оказывался в неоплатном долгу.

...Нахвтался знаний и забыл? И ты, Брут?.. Впрочем, этого я, пожалуй, о нём не сказала бы. И всё же... Теперь, когда защитился, когда достиг потолка своих притязаний – больше ничего от меня не надо? Не торопись поворачиваться спиной к тем, кто помогал тебе подняться. Конечно, успешной защитой твой долг оплачен сполна. Долга-то, собственно, и не было. Моя душа пела. С чем мне ещё придётся столкнуться? Но ведь не предаст же в трудную минуту?

Теперь на коне, уверенный... Хотя не очень. Он, конечно, не подарок, но, несмотря на грубоватую решительность, в его голосе по-прежнему слышится тайная тревога... У него, как

ни странно, до сих пор удивительно детская улыбка. И эти усталые, близорукие глаза под круглыми, очень толстыми линзами очков часто бывают наивными. Что-то в них непоправимо печальное, иногда жутко трагичное, скорбное. Детдомовское наследие всё ещё выпирает из него? Справедливости ради скажу: болезненно реагирует на всё. Это отчасти его положительная черта. Замотанный, задёрганный, закрученный... Сколько раз просила – не загоняй себя в тупик. Но оправдывала: не исключено, что такова сила обстоятельств, а он – жертва.

«Откуда во мне сочувствие к детдомовскому мальчишке? Сама там жила не год, не два...

Бабушка никогда не понимала людского эгоизма. И у матери, несмотря ни на что, до последнего сохранялась потребность помочь, и сознание того, что она не может сделать что-то доброе, было ей обидно и оскорбительно. Такая вот порода. А отец, его дезертирство из семьи? Он для меня всегда был как приговорённый за преступление, незримый,

отъединённый всем своим существом... Вспоминаю о нём редко, болезненно, но помню постоянно и безрадостно», – отвлеклась на собственную давнюю боль Елена Георгиевна.

А в своём сочувствии к бывшему ученику она дошла до того, что совсем забыла, что в данный момент они находятся по разные стороны баррикад, что она уже не может смотреть на него прежними глазами. Каждый должен сам вытаскивать себя из беды. И нечего лелеять мечту, будто кто-то кому-то что-то должен. Но грустно-материнское чувство опять шевельнулось в сердце Елены Георгиевны, натолкнуло на жалость к Суханову, и она продолжила копаться в своих ощущениях:

«Вернулась с небес на грешную землю? Сочувствовать – не значит оправдывать. Боюсь ошибиться, но всё же молчаливые мужчины более ответственные. Власов, Иванов и Комов тоже довольствуются примитивными договорами, но справляются с «бесплатной» наукой, не тяготятся нагрукками, не ноют, не пускают пыль в глаза. Работают на будущее».

Елена Георгиевна отвлеклась от своего внутреннего созерцания, устало повела затёкшими плечами и прислушалась. В этот момент секретарь попыталась вставить слово в защиту своего любимчика, на что получила в ответ от Ивана Петровича резкое:

– Извольте печься о себе!

Та, естественно, обиженно надулась.

Инна не упустила случая быстрым шепотком, с плохо скрываемой завистью, продемонстрировать Елене Георгиевне свои познания о личной жизни шефа. Она делилась ими со свойственной только ей обезоруживающей искренностью и какой-то детской радостью. И не факт, что дьявол провоцирует её на подобные поступки. Кто и что инициирует в ней её откровенность – не важно, главное, что она в ней всегда «впереди планеты всей».

– Отвлекись, Елена. Обрати внимание, старушка втиснула себя в джинсы, увешалась косметическими цацками и думает, что этот эффектный молодёжный прикид придаёт ей особый шарм. И ещё говорит о своём прирождённом вкусе! Как бы она ни декорировалась причёсками и бижутерией – между прочим, привилегией девчонок, а не дам, – она моложе не становится. Воображает – по её собственному признанию, – что все просто тащатся от неё. Распирает её от гордости. Подумаешь, фифа какая! От моих «комплиментов» её спасает свойственный ей вульгарный напор тигрицы. Не хочу с ней связываться. Она который уж год обмирает по шефу. Поговаривают даже, что он дескать... что она из ревности... что они... диву даюсь... Эти события полностью убедили меня в том... – Чтобы не рассмеяться, Инна прикрыла ладонью рот. – ...Она тем самым цинично обнажила их личные взаимоотношения. Он задел её старые сердечные раны...

Эта тирада была последней каплей, переполнившей чашу терпения Елены Георгиевны. Она, понизив голос до конфиденциального шёпота, резко остановила несносную подругу.

– Прекрати! Достала! С фонарём стояла? Отдаёшь отчет своим словам? Это же грубое вторжение в личную жизнь! Тебя послушать, так создаётся впечатление, что рядом нет ни одного порядочного человека. Сплетни о частной жизни сотрудников меня не интересуют. Тебе – в чём я нимало не сомневаюсь – очень хочется чем-либо выделиться... да нечем, – резко закончила она, явно оскорбляя подругу. И ещё пожаловала её таким презрительным взглядом, что не только Инна, но и вся группа вжалась в стулья. Другого способа остановить Инну на тот момент Елена Георгиевна не видела.

Из чувства деликатности Лиля, молодая подопечная Елены Георгиевны, в эту минуту старалась не смотреть на Инну и всеми силами делала вид, будто ничего не случилось и она ровным счетом ничего не видела и не слышала. Елена Георгиевна нервно махнула рукой и отвернулась. Ей было неприятно своё собственное раздражение, хотя замечание она сделала для пользы подруги, чтобы другие её не осмеивали. «Сплетни всегда безнаказанно гуляли по земле. Да, не лучшее свойство человеческой природы», – философски рассуждала она, нервно барабанила кончиками пальцев по мягкой крышке папки с документами.

Инна понимала, что надолго её всё равно не хватит, но больше не обронила ни полслова на свою излюбленную тему о секретарше. И это притом, что ещё свежи были в её памяти утренние лживые слова той, про то, будто бы она, Инна, до сорока лет гуляла напропалую, а теперь взялась проповедовать нравственность и бичевать пороки. «Разве три неудачных брака характеризуют меня как порочную женщину? Скорее, как несчастную», – безрадостно и обидчиво подумала она. И, как всегда, успокоилась мыслью о людской зависти.

Неожиданно Галкин, очень молодой и не в меру и не ко времени активный инженер, вылез со своей идеей, и только раздражил своего руководителя. Суханов влёт пресёк его попытку вмешаться:

– То-то и оно, что теоретически возможно, а не практически. Не лезь не в своё дело. Это за пределами твоей компетенции. Ты ещё не способен проникнуть в ситуацию и прояснить вопрос. Делать каверзы – испытанный способ сутяг. Иди ты к вышеупомянутой бабушке!

– Что? – обиженно воскликнул Галкин и даже привскочил на стуле. Его перекорёжило от грубости ведущего специалиста. Он растерянно пригнулся, и его нескладная фигура потерялась в широком, похожем, отцовском пиджаке.

– Суханов, по себе не суди, – сердито буркнула Инна. Она сделала попытку защитить молодого специалиста, потому что ей надо было на кого-то выплеснуть излишек скопившихся эмоций.

– Вот и Николай Васильевич Гоголь тоже говаривал: «Скор человек на слово», – вздохнув, по-своему защитила Елена Георгиевна молодого, неотесанного, ещё не отформатированного жизнью коллегу, которого, вне всякого сомнения, считала человеком прекрасных технических способностей.

– Ведите дискуссию в рамках приличия, выбирайте выражения, измените тональность, вы сегодня непозволительно грубы, – деловито осадил Суханова Иван Петрович, ничем не выдавая кипевший в нём гнев, – подкрепляйте свои заявления серьёзными доводами, вескими аргументами. Не валите всё в кучу. Кому нужен этот нескончаемый спор? Ваши слова недостойны серьёзного опровержения. Я бы даже больше сказал, если бы не боялся обидеть вас. Наплели с три короба, а где дельные предложения, имеющие первостепенное значение? Напрягите воображение и постарайтесь уложиться в две минуты.

Суханов насторожился. Его неприятно задела непривычная сухость тона шефа.

– Вы знаете, на меня можно положиться, но я не могу позволить заговаривать себе зубы и делать из себя бессловесное вьючное животное. Случай с Ивоновым из ряда вон выходящий. Вот пусть он сам его и расхлёбывает. Ему на пользу пойдет такая практика, другой раз умнее будет. Учить надо не словами, а делами. Порочная практика – заставлять других исправлять

ошибки, – оправившись от нападок шефа за произнесённую им впопыхах недостойную мужчины фразу, бойко, с героической решимостью выступил Суханов.

Он говорил громче и агрессивнее, чем, может быть, следовало в данной ситуации.

Мысли Елены Георгиевны под влиянием слов её бывшего ученика получили другое направление.

«Ещё одна твоя ошибка, Суханов. С «политикой» у тебя всё ещё слабовато. Эмоции преобладают, превосходят логику. Думаешь, правду-матку режешь, а сам просто хамишь шефу, хорошему человеку. Забыл, на кого нападаешь? Бьешь по руке, тебя кормящей. Сколько раз учила: не трогай блатных, коли не по Тришке кафтан, не плюй против ветра. Уж не мальчик, пора бы не делать ляпов и промашек. Осторожнее надо быть. Судя по тону, можно подумать, что разговариваешь не с начальником, а с подчинённым. У меня возникли некоторые опасения на твой счет: зам ведь может и припомнить в недобрый час твои «перлы», лучше бы ты не давал ему повода. Придётся после собрания поговорить с тобой, за что имеет смысл бросаться на амбразуру, а за что не стоит.

...Его обругали, а он хоть бы хны. Никакой реакции. С мрачным упорством продолжает стоять на своем, дальше грубо свою линию гнет, отыскивая всё новые и новые защитные доводы, – досадует Елена Георгиевна. – Всё же в разговорной борьбе есть что-то мелочное, не мужское, хотя, конечно, многое зависит от интеллекта и интеллигентности спорщиков. Кто-то хорошо сказал, что «в споре истина не рождается, а закапывается».

Не дает мне покоя мысль, почему Алексей упорно не смотрит в мою сторону?.. Так, теперь виновато глядит, глазами побитой собаки. А в ответ на мой требовательный взгляд – неуверенно отвел глаза. Только ли потому, что стыдно ему за свою несдержанность? Понимает, что, отбиваясь от договора, сбрасывает его на меня?».

Елена Георгиевна мучительно осознает всю возложенную на неё ответственность за группу, и поэтому идея взять на себя проект нравится ей всё меньше и меньше, по мере того, как от него отказываются мужчины их отдела. «Каждый свою песню поёт, на тот мотив, который лучше знает, а припев у всех один и тот же: «не хочу и не буду», – грустит она, чувствуя, куда реально клонится дискуссия. – Тянет шеф, закручивает интригу, кульминацию готовит. Неужели никто не клюнет на его предложение? Есть от чего прийти в замешательство. Если не Суханов, тогда кто? Кого предложат на этот раз? Не исключено, конечно, что на мне всё замкнётся. Интересно, я с самого начала была ключевой фигурой их плана или это мои домыслы? Стоит ли влезать в это дело? Деньги. С ними опять напряг. Они теперь волнуют не в последнюю очередь. И, как подсказывает мне мой опыт, такой аргумент, как деньги, является во многих случаях жизни наиболее убедительным и для членов моей группы.

Опять я? Некому больше. Не станет шеф трогать тех, с кем не сможет тягаться с открытым забралом. К тому же такое положение дел устроило бы всех как нельзя лучше. И волки сыты, и овцы целы. То бишь, конкурентам нос утерли. Нет, не зря Суханов дистанцируется и делает всё возможное, чтобы добиться решения вопроса в свою пользу. Изо всех сил противится. «Вдохновлённый» нерадужной перспективой, с удвоенным рвением отбивается.

Не поднять ему тему? Вряд ли такие слова справедливы по отношению к моему ученику. Я вынуждена заявить – жалкая уловка. Прибегает к испытанному способу. Постыдился бы говорить такое! Не следует так уничижительно говорить о себе. Создает впечатление, что не чувствует он угрызений совести, что все способы ему хороши?

Не избежать мне решительного разговора с шефом? А что это даст? Не советские времена... Пожалуй, только осложнит наши отношения с его заместителем. Он один из самых хитрых мерзавцев, с какими я когда-либо имела дело. В таких делах спорить с ним бесполезно. Сочту за лучшее не связываться. К тому же я привыкла защищать честь мундира и, если уклонюсь от участия в проекте, авторитет мой будет частично потерян. Действуя импульсивно,

можно взорвать всё, что было наработано годами. Слишком много ставится на карту, чтобы позволить себе рисковать. Надо благоразумно удерживать завоёванные ранее позиции. Крайне щекотливая ситуация, даже прескверная.

Если уж на то пошло, лучше увильнуть от ссоры и на коне въехать туда, куда всё равно могут затолкать под давлением. Первым делом надо по собственному почину взять договор, и тогда неизвестно ещё, кто кого оставит в дураках. Здесь главное – не дать опередить себя. А пока не подам виду, что догадываюсь об их планах, чуть позже проявлю инициативу... Ведь не исчерпала ещё себя. Развлекусь, в своих и чужих глазах наличие достоинства разыграю: вот, мол, я какая! Снизошла! Как бы ни казалось велико искушение обоих вариантов, в схватке тщеславия и осторожности последнее у меня всегда берет верх.

Конечно, я не в восторге от своей идеи, но лучшей пока нет. Надо выждать, проследить, откуда ветер подует и что принесёт. Будучи не в силах повлиять на его ход, я вынуждена молча наблюдать за происходящим, ибо того требует ситуация. А так хочется взбунтоваться! Несомненно, нашла бы для зама много «тёплых», ну очень «тёплых» слов».

А Суханов, желая произвести впечатление замученного труженика, продолжал, ошетилившись:

– Я знаю, каковы реальные возможности моей группы. Но это не пара пустяков, разбираться и переделывать чужое. Легче заново разработать тему.

– За чем дело стало! Попутного ветра в новых начинаниях. Флаг вам в руки. Что попусту размусоливать – вперёд и с песней! Покажите, на что вы способны, чего стоите. Вам предоставляется уникальная возможность отстоять свой тезис, оттачивая способности на оселке нового опыта. Есть силы и возможности, что ещё надо? Для эмоций здесь места не должно быть. Возьмите на себя труд помочь товарищу. Что? Лишились значительной доли своей самоуверенности? – бесцеремонно съехидничала Инна, являя собой в этот момент (после нагоняя) смесь неуверенности и легкой развязности. Похоже, она совсем забыла, что Суханов любимый ученик Елены Георгиевны.

– Светлая голова! – радостно поддержала её Лиля, до этого скромно прятаясь за спины мужчин.

Боясь показаться в невыгодном свете, она обычно помалкивала, а тут с готовностью и азартом поддержала Инну, не обратив внимания на вмиг осевшее и посеревшее лицо Суханова. Её звонкий голос перекрыл все остальные и по залу пронесся шутивно-одобрительный гул. Ситуация накалялась.

– Оставьте иронию. Она здесь лишняя. Я никоим образом не могу присоединиться к подобному предложению. Проехали, неуместный выпад! – взорвался Суханов, закрутившись волчком и выискивая глазами наглеца – в данном случае юную девушку, которая была ему безразлична, но для него недоступна.

Конечно, он немедленно и безошибочно нашёл её. Она сидела, смущённая своей неожиданной смелостью, и лицо её, как наливное яблочко, алело в красно-оранжевых объятьях воротника недавно ею связанного свитера. Непостижимо, как она ещё умудряется экономить и выжимать из своих крох средства на наряды? Молодая. Приоритеты другие.

– Не заговаривай сейчас с ним ни под каким видом, – грозным шёпотом, по только ей понятной причине, остерегла девушку Инна.

– Товарищи! Не на базаре. Регламент, – надменно одернул всех Владимир Григорьевич.

Женщины притихли. Инна, всеми силами борясь с непреодолимым желанием высказаться, украдкой взглянула на Елену Георгиевну.

– Я стараюсь привлечь вас к серьёзным проблемам, сосредотачиваю внимание на возможных результатах, провожу аналогии между разного рода вариантами, пытаюсь достучаться до ваших сердец. Но вижу, что наше заседание начинает походить на публичное разбирательство

семейной ссоры. Суханов, ваше заявление вызывает массу вопросов и сомнений, ваши примеры не показались мне убедительными, – сказал Иван Петрович и, желая прекратить царивший в зале хаос, энергично взмахнул рукой.

– Доказывая истину, мы должны быть точны, кратки и просты, – опять подал голос Владимир Григорьевич, демонстрируя при этом холодное, бесстрастное спокойствие.

«Был бы он лет на двадцать старше, о нём можно было бы сказать, что на его лице торжественное сознание собственной значительности сочетается с бездонным глубокомыслием», – подумала, криво усмехаясь, Елена Георгиевна.

Сила и острота аргументов ослабла, но Суханов всё равно продолжал упорствовать. Не владея искусством склонять людей на свою сторону и не обладая даром оратора, он попытался обосновать свои возражения, налегая на математику. Он неистово отбивался, используя цифры, указывая на свою неспособность к скоропалительным решениям, утверждал, что важность его работы не идёт ни в какие сравнения с горячей темой Ивонова. Но при существующем положении дел этот довод не оказал сколько-нибудь заметного воздействия на слушателей.

Дилемма оставалась неразрешённой. Фонтаном пенились цифры, скороговоркой вылетали слова, фразы. Очумевший, истерзанный, ищущий взглядом одобрения своих слов со стороны коллег и разочарованный в своих ожиданиях, Суханов опять срывался, петухом насккивал на оппонентов. Он не выражал желания соглашаться и всё ещё готов был схватиться с любым противником. А когда почувствовал, что наконец произвел впечатление, постепенно обуздал свой гнев и счел возможным закончить монолог.

Елену Георгиевну, понятное дело, его объяснение не удовлетворило, не прониклась она доводами. И, тем не менее, после краткого обмена репликами выяснилось, что, хотя Суханов давно выдохся, его кандидатура как бы сама собой отпала, рассосалась, никем не опровергнутая и не поддержанная. И всё потому, что этот вопрос был абсолютно безразличен всем, кроме тех, на кого могли повесить договор.

«И этот вариант провалился. Лишнее подтверждение моей правоты. Шеф играет. Если откровенно признаться, то до того момента, как все стали увёртываться от предложения, я достаточно спокойно относилась к возможности взять на себя пресловутый договор, – какая-никакая, но всё-таки подработка, – а теперь моё беспокойство возросло пропорционально количеству отказов. Приятно и интересно наблюдать человеческую природу, но совсем не хочется быть следствием в проявлении слабых сторон своих коллег», – вздохнула Елена Георгиевна. Улыбка на лице, и без того еле заметная, окончательно погасла, а в уголках её губ притаилась легкая грустинка безысходности.

– Так, подбьём итоги. Что же мы имеем с гуся? Какое решение примем по нашему основному вопросу? Плохо или хорошо, но довести его до логического завершения надо бы, – раздумчиво, словно для себя, произнёс Иван Петрович и громко добавил: – Попрошу высказываться.

Слова шефа не вызвали в коллективе прилива энтузиазма. Все дружно опустили глаза: и те, кто не был лично заинтересован в исходе дела, и тем более те, на кого мог упасть острый глаз зама.

– В демократию играет, – буркнула Инна как-то нехотя, хотя обычно находила удовольствие в своём несогласии с кем-либо. Видно, её всерьёз обеспокоила проблема с преемственностью провального договора.

Иван Петрович и Владимир Григорьевич направились к двери потолковать наедине. Посовещаться решили. Заседание затягивалось. Елена Георгиевна на время отсутствия начальства пересела к Кире. А Лиля с Инной еле слышно зашептались. Лиля сказала:

– Чувствую, серьёзно озаботилось руководство темой Ивонова во всех его аспектах. Наверное, не ожидали столь решительного противодействия. Не предполагали заранее, что такое может произойти? Их задача сделать всё, чтобы не вызвать нежелательных осложнений с заказчиком. А шеф наш мне кажется мнительным. Или дела хуже некуда?

– Плохи дела? Это ещё бабушка надвое сказала. Всё утрясется, если Елена Георгиевна согласится вытащить их из болота, – ответила ей Инна.

– Я её ещё мало знаю, но вижу, толковая тетка. Даже талантливая, не побоюсь этого слова. Как-то попросила у неё совета по проекту, так она на раз два варианта выдала. Едкость и та у неё талантливая, обижаться невозможно. Дотошная в хорошем смысле, любит докапываться до истины, доводя задачу до логического конца. Всё всегда у неё продумано до мелочей, всё безупречно, аргументировано продавливает своё решение, мягко, тонко доказывает правоту. Просто диву даюсь, как ловко у неё всё получается. Выражает сентенции, которые в дальнейших объяснениях не нуждаются. Всегда бьет в точку, что ни скажет – всё в тему. Стратег! В своём деле она бог!

Я восхищаюсь её правотой. К тому же предусмотрительная, на рожон не лезет. Не тщеславна, не честолюбива (может, это и плохо?) никому не доказывает своей значительности, ни в ком не ищет этому подтверждения. Отторгает даже мелкие проявления похвалы. Много положительного в ней я открыла для себя за год работы. Сказать откровенно, не вижу здесь ей равной. Порой мне кажется, что она понимает людей на уровне мистического проникновения в их души. Это чисто женское, тонкое, глубокое, но, думаю, редкое свойство, – одобрительно высказалась Лиля.

– Стоящее замечание. Но я бы не стала привлекать сюда мистические или потусторонние силы. В этом мы с тобой расходимся. Это дань моде? Сдается мне, ты влюбилась в Елену, – ревнивым шёпотом отозвалась Инна. – Её достоинства, конечно, несомненны, и научные фразы её отточенные, выверенные, и жизненная энергия в ней необыкновенная, только не обошлось тут без старика Фрейда. Без мужика мозги её не застаиваются, даже заостряются. Работой гасит в себе вождление.

Как ни парадоксально, но именно из-за своего ума она не вышла замуж. Боятся мужчины умных, самостоятельных женщин. Не тем она руководствуется, оценивая мужчин. Ей, видите ли, интеллектуального мужа подавай, чтобы для души. Такие на дороге не валяются, их крепко в руках держат те, кто заранее побеспокоился. Мне кажется, было бы лучше, если бы она гораздо проще смотрела на многое вещи. Жить-то надо, да было бы с кем... – съехидничала Инна в адрес никчёмных мужчин. (*Слышала бы её Лена!*)

Лиля смущённо подумала: «Опять всё по-своему истолковала. И на мужчин зря наговаривает». А вслух пробурчала:

– Ну, кому нечего заострять...

Инна усмехнулась:

– Елена по-женски мягкая, но за внешней пушистостью в ней угадывается жёсткий характер. Я восхищаюсь её волей, равно как и решительностью. Её держит в тонусе природный оптимизм – закон необходимости ежедневной радости. К тому же ей доставляет удовольствие убеждаться в том, что она почти всегда оказывается права. Хотя, конечно, порой принимает чужие советы, но настолько, насколько сочтет нужным в каждом соответствующем случае – в большей, меньшей или вовсе в никакой степени, в зависимости от обстоятельств или просто от собственного мнения, всегда в высшей мере независимого. Вот такой это по воле судеб ладно скроенный человек. Мне так кажется.

А Лиля добавила:

– Я хочу обратить твое внимание на одну деталь: при всей видимой простоватости, она гениальная тетка, но отказывать не умеет. Она слишком добра, чтобы быть хитрой, вот и ездят на ней. Как пить дать, припадет её шеф и нас за компанию. Согласись, я права?

– Приоткрою тебе тайну. Елена не так проста, как с первого раза кажется, но ты права: слишком добра и совестлива. Сама многое тянет, потому что сильна как учёный-одиночка, но за своих подчинённых умеет постоять, не бросает на произвол судьбы, как некоторые – не будем указывать на них пальцем, – помогает удержаться на плаву. В ней постоянно горит пыл борца за социальную справедливость. Не бойся, если возьмет проект, внакладе не останешься. Отвоюет нам положенное вознаграждение. Не отстанет от шефа, пока не добьется своего. Сама она непритязательна и, прежде всего, верный друг. Она всегда берет на себя то, что многие современные мужчины не способны взять.

Елена слишком близко принимает к сердцу все тонкости и нюансы. Её глубоко огорчает малейшая неудача. Это ей как руководителю мешает, но в некоторой степени и оправдывает её излишнюю мягкость и нерешительность. Трудно ей живётся с таким характером. Но это её выбор.

Лиля недовольно заметила:

– Не стану тебя переубеждать, но считаю: нормальный у неё характер. Иронизируя над своими заслугами, она защищает себя от самодовольства. Я восхищаюсь тонкой иронией, которая сквозит в её разговорах с начальством. К тому же умеет спустить на тормозах любую негативную проблему, заглушить скандал. Говорят, за много лет работы в нашей группе не было ни одного конфликта, и это притом, что коллектив у нас женский. Такое нечасто встретишь.

– Почему у нас в группе нет мужчин? Елена Георгиевна боится их? – Это, прислушавшись к словам Лили, спросила молоденькая лаборантка Ирина.

– Ни мужчин, ни конкуренции Елена не боится. – Инна опять подчеркнула свою близость к начальнице. – И мужское хамство перед ней пасует. Тут другое. Мужчины ведь как – их учишь, пестуешь, а они чуть оперятся и сразу в дамки стремятся, даже если не заслуживают того. Сколько их таких птенцов улетело из нашего гнезда! А ещё они, как правило, одеяло на себя тянут, не беря в расчет интересы других. Были и откровенные лодыри и негодяи, пытавшиеся без зазрения совести нас эксплуатировать. Так не прижились, Елена их быстро наладила из группы, – объяснила Инна. – Она считает, что женщины трудолюбивее, надежнее и порядочнее.

Ирина, тебе надо внимательнее относиться к её советам. В жизни не так часто встречаются люди, способные и желающие искренне и существенно помочь ближнему. Безразличных особей больше. К тому же когда учит, она не издевается, не пытается унижить, оскорбить, как это зачастую любят делать мужчины, подчеркивая своё превосходство. Терпеливая. Не подминает, не обстругивает под себя, индивидуальность ценит.

Сомнения

А у Елены Георгиевны беспокойные мысли в голове бродят. «Ещё двоих поднимал шеф на «эшафот» и всё с тем же успехом. Не могу избавиться от ощущения, что я с самого начала правильно разгадала приём шефа. Судя по многим, совершенно неоспоримым симптомам, дальше речь пойдёт о моей кандидатуре. Кто это сказал, что долго давить на мужчин нельзя, а то взорвутся? А на женщин можно! К сожалению, мужчины иногда обладают возможностями, в которых женщинам зачастую отказано... где по объективным, где по субъективным причинам. И трудно судить, в каких случаях это справедливо, в каких нет. Но ещё сложнее женщине доказывать своё неоспоримое превосходство. Жизнь такова, какова она есть.

Брать тему? А что остаётся? Удручает одно обстоятельство: во всех решениях шефа чувствуется незаметная, но железная рука расчётливого, независимого заместителя. У Владимира Григорьевича короткая память на чужие заслуги и достижения, он не помнит оказанную ему помощь. Его тактику я давно разгадала. Он умеет в случае необходимости выдвинуть против каждого из нас любые обвинения и, пользуясь пассивностью большинства, под благовидным

предложением избавиться от неугодного ему, а вот чтобы вызволить кого-то из беды – и пальцем не пошевелит.

Почему меня раздирают сомнения? Мой отказ будет ему только на руку? Не стоит рисковать без особой нужды. Крайности ещё никого никогда не приводили к добру. Шеф как-то горько обмолвился при мне: «Всё, что делается в отделе хорошего, зам приписывает себе, что не удаётся – на меня вешает. Он способен воздействовать на коллектив в гораздо большей степени, чем ты можешь допустить». Гнуснейший тип. Крепко сел шефу на хвост. Если соглашусь, то и моё поведение он примет как должное.

Может, бросить вызов, стукнуть кулаком по столу и избавиться себя от лишних хлопот? Хоть раз сделать лучше лично для себя, а не для отдела. Главное – склонить на свою сторону шефа. После этого у остальных уже не будет выбора. Может, поддержит, не останется в стороне? Ведь не сможет он уйти и отсидеться за стенами своего кабинета. Хотя вряд ли нам удастся поладить в этом деле, не будет он обрадован такому повороту сюжета, не придёт к нему по душе. В силу зависимости от зама он не решится выступить против него, не станет противостоять ему, – пришла к горькому для себя выводу Елена Георгиевна. – А без шефа трудно будет убедить аудиторию и получить преимущество. Нет, не зря шеф остановил свой выбор на мне. Верит, надеется. Нельзя его подводить.

А вдруг зам не захочет остаться в одиночестве и присоединит свой голос, чтобы заслужить расположение людей? Нет, не нуждается он в нём! Он даже свои неудачи умеет обратить себе на пользу. Нет, не ошибаюсь я – зам самое серьёзное препятствие на пути моего отказа.

Что же предпринять? Взять тему или не взять? На одной чаше весов мои амбиции, на другой руководимые мной люди. Нельзя подводить коллектив. Надо дать им заработать. И премию выбью. Это моя сильная сторона. Согласие – мой бонус на будущее. Ох уж эти мне этические идеалы шестидесятых – патологическое желание добра всем людям, кроме себя, болезненное пристрастие к неудачникам. А теперь... Поможешь, и они же отомстят, ответив чёрной неблагодарностью. Уже случалось такое. Не в чести теперь взаимопомощь и порядочность. Но только не шеф.

Почему я никогда ни к кому не питала настоящей яростной ненависти? Злиться случалось, конечно, вынуждали. Чувство гордости, трудолюбия, обязательности вколачивались в мою голову с детства, вот и сидят они внутри меня, и грызут, и погоняют. Правда, теперь мой внутренний голос в этом плане звучит далеко не всегда уверенно. И в группе всё чаще раздаются голоса: «Вам больше всех надо? Зачем завистников плодить? На нас трудно равняться, но им же не хочется на нашем фоне хуже выглядеть, но и вкалывать, как мы тоже не хотят. Вот вам и конфликт».

А эта вечная подсознательная неудовлетворённость собой... Она очень сильно снижает самооценку. Ситуация в стране меняется быстро, а я медленно перестраиваюсь? При таком настрое коллектива главная трудность состоит в том, чтобы спокойно уговорить людей не бунтовать, а задуматься над перспективами. Сейчас откажетесь вы, потом откажут вам. Вот и вся механика.

Уступить настойчивым просьбам совести, согласиться? Была не была! Чёрт возьми, корона с головы не свалится, если выполню работу Ивонова. Докажу свою лояльность и что не исчерпала свои возможности, а это где-нибудь положительно скажется. Шеф лишний договор подкинет в трудную минуту».

Елена Георгиевна приблизительно, без сметы и калькуляции стала в уме подсчитывать выгоды, которые сулила ей новая работа.

«Вот это-то и смущает: подработка получается не очень денежная. Но ведь кому-то миллионы, а для кого и сто рублей деньги. «Съел» большую часть гонорара незадачливый предшественник. А лучше, чтобы расходы пришлись пополам. Да и поставщик приборов и материалов семь шкур сдерёт, оберёт дочиста. И чиновники не преминут на этом деле погреть

руки, наверняка поспешат попользоваться бюджетными деньгами, ведь не секрет, что с каждого договора отстёгивать приходится. Умопомрачительная бухгалтерия. Форменное безобразия! Что тешиться самообманом – нам опять крохи останутся.

Как шеф раньше говорил: «Надо работать ради сокровенных минут созидания». Только не теперь, на голодный желудок. За народ пострадать не обидно, а тут из-за чиновников беды принимать приходится. Задыхаемся от махрового бюрократизма.

А эта странная эквилибристика цен, её жуткие, искусственно взвинченные скачки. Доказались и до нас последствия бездумной или... очень обдуманной приватизации. Как бы не промахнуться с зарплатой, – чувствуя себя в эти минуты противно беззащитной, с какой-то беспросветной горечью мысленно рассуждает Елена Георгиевна. – А где время взять на эту работу? Оно и так сжато донельзя. Остаются выходные и ночи».

По мере рассуждений у Елены Георгиевны возникали разнообразные «но», и неуверенность мешала ей чётко определиться с решением.

«Как бы там ни было, а я уже приготовилась принять работу над чужим проектом как неизбежное, выкинула внутри себя белый флаг капитуляции. Всё-таки я некоторым образом осторожный (или, вернее, настороженный) романтик, если берусь за такие дела. Романтика ведь из души вырастает. Что я не циник и не прагматик – это уж точно. Может, с возрастом стала разочарованным романтиком? Такой романтизм гроша ломаного не стоит. Нет, теперь идеалистом и романтиком быть не только глупо, но и опасно. Можно оказаться в постыдной роли человека, которого водят за нос, да ещё всем показывают, тычут пальцем... Похоже, я на пути к исправлению.

Смешно сказать: до сих пор в себе не разобралась. А что будет, если я возьму на себя смелость сменить политику и отклоню предложение, отвечу шефу несогласием и погляжу, чья возьмет? Чем чёрт не шутит, а вдруг получится что-нибудь интересное? Ведь дело не в моем тщеславии. Какая-то есть несуразность в моем положении, в моей неуверенности. Вроде не глупая и энергии хоть отбавляй, а вот, поди ж ты, всё дается с трудом, с боем, с натугой. Понимаю – мало знать факты, надо уметь устанавливать их связи, выстраивать цепочки взаимодействий. И этому вроде бы научилась.

Нет во мне лёгкости отношения к жизни. Не умею я украсить её, как Анна Аркадьевна. Она и замуж с тремя детьми умудрилась выйти за прекрасного человека, и докторскую диссертацию защитила. Сейчас вместе растят пятерых детей. И вроде бы ничего особенного в ней нет. Как насадка хлопочет. Но какая милая насадка! Допоздна около своей установки возится, а потом берет авоську, бидончик, и не спеша идет в гастроном. Со стороны глянешь – и в голову не придет, что она профессор. Простая, без гонора и апломба. И как ей удаётся решать проблемы с руководством? Может, муж у них... основной игрок?»

На какой-то миг затея побороться с руководством пришлась Елене Георгиевне по душе. А, попытка не пытка! Но она тут же «зависла» и мысленно обругала себя. «Какой серьёзный предлог придумать для отказа? Шаткая позиция, не перемудрить бы. Безудержный оптимизм здесь неуместен. Конфронтация с начальством по мелким вопросам – обычное дело, и относиться к ней надо спокойно. А вот в крупных делах... И всё же, какие средства давления остались в их распоряжении? Вероятнее всего, только обязать, не мытьём, так катаньем заставить. Стоит ли противиться? Как я буду выглядеть в такой ситуации?

Соблазн отказаться велик. А с другой стороны, он таит в себе опасность. Что перевесит? Игра стоит свеч? Разве удачный для этого выпал момент? Вот она, пища для размышлений! Случай представляет особый интерес? Нет. Не стоит искушать судьбу. Немедленно отказываюсь от экстравагантных намерений! Разочарование – слишком тяжёлое испытание. Скажут, как водится: с чего это она вдруг упёрлась? И что самое обидное, подумают, что не удосужились пораскинуть мозгами. И отказ зачтётся в минус. А это провал. Меньше всего я хотела бы выглядеть глупо.

Нет, не намерена я сдавать ранее завоёванные позиции. Не про меня этот вариант. И заместителю он на руку – лишний повод поддеть. Только разожгу гнев, а диалога с ним не получится. И без того постоянно ощущаю его недовольство. Такой противник мне не по зубам – крепкий орешек, съест – не подавится. С ним – как по тонкому льду. Всё равно навяжет чужую тему, а потом ещё припомнит возражения. Не доставлю ему удовольствия оттачивать на мне свою разрушительную иронию. Свой горб надёжнее. Мне хватит здравого смысла не связываться с ним. Осторожность всегда была моей отличительной чертой.

Само собой выходит, что не стану я никаких шагов предпринимать в направлении противостояния. Не то время. Зачем упорствовать, продолжая настраивать против себя человека, от которого, к сожалению, слишком многое зависит в работе. Из двух бед выбирать меньшее – такой мой принцип. А может, в этом и есть мой просчет?

Мне проще лавировать. От этого всем ощутимая польза. Возьму проект и гораздо больше очков себе заработаю. Неизвестно, как повернется дело в следующем году, а мне людей кормить. Я за них в ответе. Высовываться себе дороже будет. Этот опыт дался мне нелегко. До перестройки я слишком часто выступала против несправедливости, принижения, восставала даже против всяких гадких мелочей, с которыми приходилось сталкиваться на каждом шагу. Пока нельзя рисковать», – всё ещё пребывая в грустной нерешительности, размышляла Елена Георгиевна, привычно перемалывая в голове кучу информации, рассматривая её со всех сторон, анализируя все «за» и «против» по каждому, казалось бы, несущественному моменту. Решение вызревало постепенно.

Она сознавала свою правоту и уже раскаивалась в своём внезапном порыве поиска справедливости. Жизнь научила её остро ощущать любые отклонения от обычного, подчас почти бессознательно отбрасывать всё несущественное из множества человеческих поступков, из путаных подробностей выбирать, с её точки зрения, самое важное, главное на тот момент, последовательно отсекая всё, что не может иметь значения для данного случая. Это стало её привычкой.

Окончательно утвердившись в своём решении, Елена Георгиевна сразу успокоилась. Мысли перестали метаться, и она целиком ушла в размышления о том, как ей лучше построить разговор с шефом.

Инна

Кире вспомнилось, как в тот вечер заскочила к ним «на огонек» Инна и тоже приняла участие в обсуждении собрания. (Сколько проблем мы успевали мысленно разрешить, сколько полезных идей обдумать, сидя на таких вот ненужных заседаниях!) А потом загрустила, о себе стала рассказывать. Иннин «плач» не вписывался в их с Леной беседу, но тоже тронул и потому задержался в памяти. И теперь одна из картин чётко всплыла перед Кириными глазами.

...Инна сидит непривычно тихо, будто полностью погрузилась в созерцание самой себя, и время для неё остановилось. Её мысли не о работе, они о далекой юности. (С чего бы это?) Утром она получила письмо от Ани, в котором та подробнейшим образом описала свою неожиданную встречу с её бывшим... Вадимом. Вот и всколыхнулось... И стоило ей заскучать на собрании, как она сразу унеслась в прекрасный мир своей первой любви.

...Её глаза полуприкрыты и чуть увлажнены. Уголки губ то взмывают вверх, то, вздрагивая, опускаются с выражением давней печали. Перед глазами колышется туман. Посторонние звуки растаяли. Куда-то далеко-далеко отступило проросшее в душе многолетнее одиночество. Она с головой ушла в сладостные грезы. Её память останавливается только на светлых воспоминаниях. Совсем другим теперь видится ей тот тяжелый год.

«...Был один из тех ничем не примечательных дней, какие обычно тихой вереницей проходят перед взором обыкновенной деревенской девочки, не оставляя в душе ни малейшего

следа. Она видит себя в школьном парке... Она из простой семьи, но отмечена изысканной грацией,

изящными жестами и присущей, по мнению многих лишь ей, благородной осанкой, выделяющей её из окружения. И вдруг появился Он и поразил её воображение! Против искушения трудно устоять. Уже через неделю Она медленно и грациозно, с восторгом упоения и умиления танцует с немолодым, красивым, таким удивительно предупредительным и страшно обаятельным мужчиной.

О, это первое, осторожное касание его руки! От него возникли ощущения, о которых Она никогда раньше не знала. Может, они дремали внутри неё в ожидании того, кто разбудит её сердце? Теперь в танце Они касаются друг друга спинами. Она неподражаемо изящна в своём голубом платье с широким поясом, ладно обхватывающем её тонкую фигуру. И Он так красиво себя несет! Потом Он берет её за руку, и они идут и поют: Он – мощным басом, Она – тихим, низким, душевным голосом. Он великолепен! Он не сводит с неё чёрных сумасшедших глаз, а Она такая нежная, искренняя и такая счастливая!

Как прекрасно ничем не омрачённое упоение любовью! Как вольно и радостно любящему сердцу! Она с удовольствием ощущает трепетную вибрацию каждой клеточки своего тела. Она парит от счастья. Он клятвенно заверяет, что полюбил на всю жизнь. Она верит и, предвкушая сладостный миг, представляет себе, как соглашается на их совместную жизнь и видит её сказочной, в полном соответствии со своими мечтами. Как всё быстро случилось! Она не может очнуться от крайнего удивления и восхищения.

...А он с наслаждением размышлял о том, что она оказалась в нужное время в нужном месте, и с удовольствием думал о своих незаурядных внешних данных, мужском обаянии, гордился своей удивительной способностью обольщать. Он красовался! И для убедительности произносил давно заученные и уже отшлифованные частым употреблением иностранные фразы (что он ещё мог ей предложить?) и радовался жизни, привлекательность которой он видел в непредсказуемости и разно-образии. Для него чужие жизни – как прекрасные дворцы из песка на берегу бурного моря. Побывал, насладился, откатил – и снова вперед... с новой волной... (Знала бы она об этом раньше!)

«Как она обворожительно мила! И к тому же сущий маленький чертёнок! Как доверчиво, неуверенно и робко протягивает она к нему свои нежные тонкие полупрозрачные руки!» – думал он.

Любопытствующие взгляды прохожих то и дело натываются на удивительно романтическую пару. Они тешат его самолюбие. Он потрясен. Он сам не ожидал от неё такой неподдельной искренности.

...Она, бессознательно отдаваясь первому чувству, никого не замечает, кроме него. Она мечтала о чуде, и оно случилось. Он теперь – весь её мир. Он – её планета счастья, а её жизнь – ода радости! Сама судьба бросила её в объятия этого красавца. Ей хочется, чтобы счастье продолжалось бесконечно долго, вечно. Ведь кто-то же сказал очень правильно, что в любви человек приближается к Богу, а духовное единство двух любящих людей переживает состояние вечности. (Она любит эффектные фразы и вообще всё красивое.) И ведь правда, даже когда очень грустно, всё равно бывает хорошо, если любишь. Говорят, будто огромная редкость – способность любить по-настоящему. Это талант! Скупое и редко господь наделяет им людей, будто награждает за что-то или дарит в святые минуты. Ей повезло. Она лелеяла мечту встретить принца и встретила. Она умеет любить, и будет беречь этот свой талант пуше зеницы...

Она верит, что сумеет любить его и больного, и слабого, и неправильного, будет прощать ему всякие мелочи, терпеть трудности. Ведь когда любишь, любая беда проходит быстро. А ещё любовь спасает души и одаривает любящих людей бесконечной нежностью. Когда обожаешь

человека больше, чем себя, для него ничего не пожалеешь, только бы он тоже любил. И они, конечно же, всегда будут принадлежать друг другу!

Она отождествляла его с собой.

Ярко запечатлелся в её памяти тот вечер. Пахло близким дождем. Небо над ними подпирал шпиль старинной полуразрушенной церкви, окруженной стройными тополями. Голова кружилась от счастья. Это ощущение усиливалось пьянящими запахами лета. Вечерние звуки гармонично сплетались, создавая невыразимо таинственное настроение – ведь её романтические переживания неотделимы от восхищения природой. Его слова музыкой отдавались в её сердце. В душе разливалась удивительно приятная нега. Это и есть счастье!

Они ушли из клуба, где долго танцевали. В её голове ещё звучали мелодии вальсов. «Вдруг вздрогнула, качнулась и закружилась земля... Млечный путь и луна стали единственными свидетелями их первого поцелуя»... Мощная волна незнакомого восхитительного чувства охватила ее.

...Она почему-то боится и стесняется своего яркого чувства, своего порыва, но льнет к нему и со стыдливой мольбой говорит одними глазами: «Люблю, о как люблю! Я знаю, чего желает «святая святых нас обоих»... Только взгляда, только объяснения и не больше...» Он угадывает её мысли. Они так просты, удивительно искренни и так предсказуемы!

Где-то глубоко-глубоко в её душе чуть шевельнулось что-то тревожно-мучительное, но оно не пробилось через пелену незнания, через волны кружащего пьянящего восторга и ощущения всепоглощающего счастья – настоящего, неизбывного. Потом в какой-то момент её охватило ощущение спокойствия и безмятежной радости, и она забылась в дивном очаровании ночи, будто летя в бесконечном, божественном мироздании...

Она легко и доверчиво шагнула в неведомое... и бездумно переступила черту. Она на самом деле не отдавала себе отчета в происходящем. То было наваждение. То был странный, прекрасный сон. Ведь рядом – сильный, надежный, верный, на всю жизнь любимый. Ей нравится уверенность, которую она ощущает рядом с ним. Она верит, что будет с ним счастлива.

Мечты увели её таинственными дорогами чувств в кратковременную сказку, заканчивающуюся обычно возвращением в реальность... Он воспользовался мгновением её полной наивной слепоты, а потом вернул на грешную землю.

Отдавшись на волю охвативших её воспоминаний, опьяненная памятью о прекрасных моментах юности, Инна мысленно плывет дальше. Боже мой, как давно она не предавалась этому занятию!

...Всё у них поначалу складывалось как нельзя лучше. Она сотворила в своей голове маленькое идеальное царство любви и красоты... И почему он жестоко разрушил этот мир и низверг её с трона принцессы? Он разбил открытое для любви юное сердце. И теперь перед ней одна и та же явь, одна и та же несбывшаяся мечта... Первая любовь бесследно не проходит. На всю жизнь в сердце остается осколочек, который мучает, напоминает... Разве могла она подумать тогда, что этот элегантный, обаятельный мужчина – прохвост? Разве можно было не любить её, такую прекрасную!

О, это терпкое вино воспоминаний! Зачем она через столько лет пытается заглянуть внутрь себя, зачем предается горечи прошлого?

В той давней истории для неё до сих пор остается много неясного. Почему он тогда не счёл нужным объясниться? Она не понимала, чего ему не хватало. Решительности? Попытки матери вразумить её ни к чему не приводили. Она продолжала ждать, испытывая тоскливый стыд, сосредоточенная, с добела сжатыми губами... А он утверждал, что из-за неё мирится с неудобствами деревенской жизни, что ему осточертела их Тмутаракань. Когда он в несчётный

раз обещал, она верила и утешалась. Её брови двумя тонкими нервными стрелками то и дело удивленно взлетали вверх от того, что она открывала в нём столько нового, непонятного, не совместимого с любовью, с её представлениями о порядочности. Он избегал смотреть в её вопрошающие, отчаянно влюблённые глаза, а она думала: «Вот сейчас, сейчас самое время сказать о замужестве, чтобы всё было честь по чести».

А вместо этого он кричал: «Что ты намерена делать? Мне сложности ни к чему. Прими решение сама. Ты – моя головная боль. Своим ребёнком ты всё испортила. Он не эпицентр моей жизни, он якорь. Он уязвимое место наших отношений. С его помощью ты решила заполучить меня!»

Он обвинял! Он доводил её до полного душевного изнеможения и с неподдельным удивлением говорил: «Не играй в дурочку. Со мной такие шутки не проходят. Ты хочешь сказать, что не понимала, зачем мы тогда оказались наедине?» Он говорил неожиданно грубо, оскорбительно и принимал холодный, неприступный вид. Сначала его восхищало, а теперь злило и обескураживало то простодушие, с которым она воспринимала его обещания. Невероятно, но и он почему-то теперь казался ей путанным, непредсказуемым, жалким, неуверенным и оттого... ещё более родным и близким.

В шестнадцать лет она не знала, что потом будет ярость, обида, тоска. Она всё ещё жила иллюзиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.